

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Кириллова Сэсэгма Валерьевна

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ
НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ РОССИИ
(ЗАБАЙКАЛЬЕ, СЕРЕДИНА XVII–XVIII вв.)

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Шевцов Вячеслав Вениаминович

Томск – 2018

Оглавление

Введение.....	3
1 Становление русско-монгольско-китайской торговли в Забайкалье.....	32
1.1 Начало приграничной восточной торговли: первые русские разведочные экспедиции в Центральную Азию через Забайкалье.....	32
1.2 Зарождение приграничных торгово-обменных операций через Селенгинск.....	47
1.3 Борьба за Нерчинский договор (1689 г.) и начало караванной торговли.....	67
1.4 Формирование нерчинского купечества.....	83
2 Развитие приграничной торговли после Буринского (Кяхтинского) договора (1727–1728 гг.).....	93
2.1 Проблемы заключения и условий действия Буринского (Кяхтинского) договора.....	93
2.2 Организация зон свободного предпринимательства на российско-китайской границе: Селенгинск – Чикойская стрелка – Петропавловская крепость – Троицко-Кяхтинская слобода – Маймачен – Цурухайтуевский пост.....	113
2.3 Формирование кяхтинского купечества.....	147
2.4 Особенности торговой деятельности на Кяхтинском рынке.....	159
2.5 Контрабандная торговля.....	173
Заключение.....	193
Список использованных источников и литературы.....	199
Приложение А. Русско-китайская торговля. Иллюстративный материал.....	222

Введение

Актуальность исследования. Возросшая деловая активность современного Китая по продвижению своей экономики, как на российский, так и на мировой рынки позволяет говорить о феномене почти мгновенного (на фоне долгих веков политики самоизоляции от внешнего мира) перехода этой страны в разряд серьезных игроков на экономической и политической арене, что заставляет внимательно присмотреться к истории, вековым торговым традициям и культуре нашего восточного соседа. Отношения России и Китая были и остаются важной составляющей современной системы международных отношений и этнокультурных связей. Политическое, торгово-экономическое и культурное сотрудничество этих двух цивилизационных центров, отличавшееся своеобразным характером и внутренней логикой развития, началось еще на рубеже XVII–XVIII вв. В дипломатическом аспекте уникальными были договорные отношения между двумя государствами, которые позволяли избегать конфронтации.

С 1980 г. КНР приняла решение осуществить очередную «кодификацию» истории Цинской династии. В ходе исполнения государственного задания, группа ученых Института общественных наук Хэйлунцзянского университета приступила к изучению темы «Торгово-экономические связи России и Китая в период династии Цин». О ее политическом значении свидетельствует тот факт, что выпущенная монография Ми Чжэнбо «Развитие русско-китайских торговых отношений в северо-западных пограничных районах Китая в период династии Цин и их результаты»¹ была представлена к премии Государственного фонда общественно-научного планирования КНР². Советская сторона в ответ на китайский вариант истории русско-китайских политических и экономических отношений, доказывала его крайнюю тенденциозность. В период советско-китайской конфронтации был опубликован первый научный сборник «Против

¹ Ми Чжэнбо. Развитие русско-китайских торговых отношений в северо-западных пограничных районах Китая в период династии Цин и их результаты. Тяньцзинь, 2007. (на кит. яз.).

² Ми Чжэнбо. Вопросы исследования российско-китайской пограничной торговли в период династии Цин // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества: материалы научно-практ. конф., Екатеринбург, 25–26 ноября 2008 г. Екатеринбург, 2009. С. 86–90.

фальсификации истории русско-китайских отношений»³, и целый ряд других аналогичных публикаций. Возможно предположить, что развитие государственного проекта КНР по «кодификации» истории Цинской династии приведет к новой международной дискуссии по спорным вопросам российско-китайских отношений в области политики и торгово-экономическим связям, хотя Ми Чжэнбо дает понять, что китайские историки строят свои выводы теперь в опоре на «надежные» источники и отказе от чрезмерной идеологизации и недостаточно проверенных методов, что позволит «вернуть исторические исследования на истинный путь»⁴, но похожие научные дискуссии прошлых десятилетий показывают субъективный и избирательный характер их источниковой базы.

Путь к установлению исторического консенсуса возможно искать в переходе от общих теоретических концепций к детализации фактов и явлений становления зарубежных русско-китайских торгово-экономических связей на восточной окраине Российского государства в Забайкалье XVII–XVIII вв. Обращение автора не только к уже привычным источникам по данной теме, но и к краеведческим и картографическим материалам, а также к дошедшим до нашего времени материальным источникам может способствовать расширению аргументации точки зрения российской стороны в дискуссии с китайскими оппонентами.

Степень изученности темы. Историографию изучения темы диссертации возможно разделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский.

В *дореволюционный период* различным аспектам Буринско-Кяхтинского договора, организации охраны государственной границы и обслуживания торговых караванов в Пекин, характеристике ввозимых и вывозимых товаров, деятельности кяхтинских рабочих артелей, контрабандной пограничной торговле были посвящены работы П.С. Палласа, М.И. Венюкова, А.Эрман, В.В. Птицына, Ф. Буссе, А.П. Васильева, С.М. Соловьева, В.И. Покровского, А.В. Семенова,

³ Нарочницкий А.Л. Рецензия на: Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений // Вопросы истории. М., 1983. № 8. С. 112–115.

⁴ Ми Чжэнбо. Указ. соч. С. 88.

Г. Кашена, и другие⁵. Несмотря на обилие фактического материала, в названных работах отсутствует целостное представление о характере и эволюции «кяхтинской» пограничной торговли, и совершенно не освещено «цурухайтуевское» направление с момента его организации в 1728 г.

К специализированным научным трудам данного периода относятся работа А.К. Корсака⁶, опубликованная в 1857 г., и Н.Н. Бантыш-Каменского⁷, вышедшая в 1882 г., хотя была написана в 1792–1803 г., долгое время пролежав в рукописи после смерти автора. Возможно, авторы даже не были осведомлены о научных изысканиях друг друга. В обоих трудах выделены этапы в истории восточной торговли: по видам обмениваемых товаров, ценовой политике, объемам поставок и конкурентности на китайском рынке. Много внимания уделено приграничной торговле России с северными территориями Китая, особо подчеркивалась ее значимость для обеих стран. Н.Н. Бантыш-Каменский стал первым исследователем, кто определил межправительственные контакты с позиции противодействия Цинскому Китаю в отношении территориальных претензий, как условия подписания Нерчинского договора 1689 г. Эту точку зрения поддержали и далее развили Г.А. Сычевский⁸, Ю.П. Бартенев⁹, Ф.Ф. Мартенс¹⁰ и другие.

Исходя из года издания книги А.К. Корсака, китайские ученые считают его основоположником начала научного исследования проблемы пограничной российско-китайской торговли. Они пишут, что в данной работе, автор помимо статистического метода анализа исторических данных по видам продаваемых

⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788; Венюков М. И. Очерки старых и новых договоров России с Китаем. СПб., 1861; Эрман Г.А. Путешествие в Сибири, включая экспедицию на север, вниз по Оби, к Полярному кругу, и на юг к Китайской границе. Лондон, 1848; Птицын В.В. Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края. СПб., 1896; Буссе Ф. Забайкальское инородческое войско // Исторический очерк Ф. Буссе. М., 1897. № 8. С. 5–64.; Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк в 3 т. Чита, 1916–1918; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13–14. М., 1961. С. 413–418.; Покровский В. И. Статистические сведения о торговле России с Китаем. СПб., 1909; Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины 17-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1: 295 с.; Ч. 2: 376 с., Ч. 3: 536 с.; Кашен Г. История отношений России с Китаем (1689–1730). Париж, 1912.

⁶ Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем. Казань, 1857.

⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год: составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в 1792–1803 гг. Казань, 1882.

⁸ Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе, составленная в 1846 г. М., 1875.

⁹ Бартеков Ю.П. Герои Албазина и Даурской земли // Русский архив. 1899. Кн. 1. № 2. С. 304–328.

¹⁰ Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. Историко-политические исследования. СПб., 1881.

товаров, ценовой политики, объема караванных поставок и конкурентоспособности государственной и частной зарубежной торговли, пограничной ситуации, много места отвел спорным вопросам противостояния России на китайском рынке с начинающим проникать в XIX веке английским капиталом. «Маньчжурская» проблема осталась для А.К. Корсака слабо освещенной по причине недостаточного знания конкретного источникового материала¹¹.

Х.И. Трусевич наиболее глубоко из своих коллег изучил торгово-обменный оборот с 1728 по 1800 г., указывая объемы экспорта и импорта, поступаемых в казну пошлин, проанализировав начало и развитие приграничной торговли в контексте таможенной политики эпохи. Автор пришел к выводу, о том, что казенная монополия на отдельные виды экспортируемых товаров, равно как и перекос в сторону монополии казенной караванной торговли, имели более отрицательные, чем положительные стороны для самой торговли¹².

В *советский период* была продолжена исследовательская работа по двум начатым направлениям – поиск новых архивных документов, их публикация в тематических сборниках и более углубленное изучение истории международной торговли России на восточной окраине государства¹³. Основное внимание историков советского периода по-прежнему было приковано к Кяхтинской зоне свободной торговли в XIX веке, в виду яркости самой темы и обилия местных архивных материалов. Период же начального этапа становления и развития восточных торгово-экономических связей XVII–XVIII вв. был еще мало понятен по причине недостаточности письменных источников. В связи с этим советский период оставил нам небольшое количество монографических изданий, приближенных к данной теме. Это работы Б.Г. Курца¹⁴, Е. П. Силина¹⁵, П. Т.

¹¹ Ми Чжэнбо. Указ. соч. С. 86–87.

¹² Трусевич Х.И. Посольские и торговые отношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882.

¹³ Сборник договоров России с другими государствами 1850–1917. М., 1952; Русско-монгольские отношения. 1607–1636 // Сборник документов. М., 1959; Русско-монгольские отношения. 1636–1654 // Сборник документов. М., 1974; Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв.: Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989; Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.

¹⁴ Курц Б.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Днепропетровск, 1929.

¹⁵ Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке: Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947.

Яковлевой¹⁶, В.А. Александрова¹⁷, Л. В. Машановой¹⁸, Е. М. Залкинда¹⁹, А. И. Хохлова²⁰, О.Н. Вилкова²¹, М.И. Сладковского²², О.И. Кашика²³, Ж.З.Тагарова²⁴, Ш.Б. Чимитдоржиева²⁵, В.П. Шахерова²⁶, С.В. Евдокимовой²⁷, Н.Ф. Демидовой²⁸.

Из общих оценок начального периода русско-китайской торговли, среди появившихся научных теорий следует отметить развитие критики Нерчинскому договору, начатой В.П. Васильевым в 1916 г.²⁹. Разброс мнений здесь самый различный: от нетвердости позиции российского посла Ф.А. Головина на переговорах, до вынужденного подписания невыгодных условий под военным

¹⁶ Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958.

¹⁷ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; Хабаровск, 1984.

¹⁸ Машанова Л. В. Из истории торговли Забайкалья конца XVII–начала XVIII в. // Бурятия XVII–начала XX в.: Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 3–13.

¹⁹ Залкинд Е. М. Бухарский торговый караван в Иркутске // Ученые записки Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Омск, 1957. С. 93–103.

²⁰ Хохлов А.Н. История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. // Общество и государство в Китае. М., 1983. Ч. 2. С. 136–149; Хохлов А.Н. Кяхтинская торговля в 60-х–90-х гг. XIX в. Характер взаимоотношений российских купцов с местным населением Монголии и Китая // Народы Востока. Основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития. Иркутск, 1986. С. 17–20; Хохлов А.Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в. // Бурятия XVII–нач. XX вв.: Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 15–50.

²¹ Вилков О.Н. К истории Кяхты в XVIII в. // Известия СО АН СССР. 1972. № 6. Вып. 2. С. 41–47; Китайские торги на Тобольском рынке в XVIII в. // История СССР. 1958. № 1. С. 105–124; Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып. 2. Новосибирск, 1968. С. 5–6.

²² Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) М., 1974. Т.1.

²³ Кашик О. И. Торговля в Восточной Сибири в XVII–начало XVIII в. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 187–197.

²⁴ Тагаров Ж. З. Методы регулирования русско-китайской торговли через Кяхту и кяхтинское купечество // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2000. С. 44–51.

²⁵ Чимитдоржиев Ш. Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII в. (через Забайкалье и Кяхту) // Кяхте-250 лет. Улан-Удэ, 1979. С. 80–91.

²⁶ Шахеров В. П. Из истории борьбы сибирского купечества за расширение внешнеторговых связей с Китаем в конце XVIII–первой половине XIX вв. // Проблемы востоковедения в трудах ученых Восточной Сибири. Иркутск, 1980. С. 36–38; Он же Роль русско-китайской торговли в развитии сибирского предпринимательства // Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока: История и современность. Иркутск, 1996. С. 49–65; Он же. Роль русско-китайской торговли в формировании капиталов юго-восточной Сибири в конце XVIII – первой трети XIX в. // Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока. Иркутск, 1981. С. 66; Он же. Торгово-промышленное освоение юго-восточной Сибири в конце XVIII–начале XIX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии XVII–начале XX в. Новосибирск, 1987. С. 26–43.

²⁷ Евдокимова С.В. История основания и развития Кяхты в XVIII веке. // Кяхта: страницы истории. Улан-Удэ, 1999. С. 88–98.

²⁸ Демидова Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 289–310.

²⁹ Васильев В.П. Забайкальские казаки. Ч. 1–3. Чита 1916; Автор писал о том, что Ф.А. Головин «под дулами орудий маньчжурских войск» был вынужден уступить китайским требованиям, закрыв русское Албазинское воеводство в Северной Маньчжурии (Хохлов А.Н. Внешняя политика Цинского Китая в публикациях В.П. Васильева // 25-я Научная конференция «Общество и государство в Китае. М., 1994. С. 276).

давлением³⁰. Выявлена двоякость позиций и противоречивость оценок результатов невыгодного для России Нерчинского договора. Б.Г. Курц считал, что пункт о торговле Нерчинского договора так и не претворился в жизнь. В противовес Ф.А. Головину, посол С.Л. Владиславич-Рагузинский предстает как жесткий дипломат, не только не уступивший в Забайкалье часть земли, но отодвинувший границу на 250 км вглубь Монголии за счет оперативного построения Петропавловской, Троицкой и Кяхтинской крепостей. Им же были пресечены попытки тайной установки пограничных знаков китайцами по р. Ангаре в Прибайкалье.

Из итоговых выводов историков советского периода наиболее близки настоящему исследованию положения о том, что начальный этап установления русско-китайских торгово-экономических отношений на восточной окраине России выражался в караванной торговле, происходившей с 1689 г. по первую половину XVIII столетия, выступавшей в качестве базиса начавшегося сотрудничества. При всей ее противоречивости и сложности, торговые отношения были выгодны прежде всего Российскому государству. Ее упадок был вызван деятельностью самих же российских властей, вызвавшей конкуренцию между казенной и частной торговлей, введением не предусмотренного дипломатическими соглашениями государственного контроля³¹.

В.А. Александров писал, что «ценой отказа от района Албазина, русское правительство добилось согласия от маньчжурского правительства на систематические торговые отношения»³², и эти отношения «послужили базой, на которой строились русско-китайские отношения до середины XIX в.»³³. По его мнению, благодаря дипломатической напористости, Россия стала первой европейской страной, которая проникла на китайский рынок.

³⁰ Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925; Базилевич К.В. В гостях у богдыхана. (Путешествие русских в Китай в XVII веке). Л., 1927; Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л., 1925; Курц Б.Г. Колониальная политика России и Китая в XVII–XVIII вв. // Новый Восток. 1927. № 19. С. 194–206; Яшнов Е.Е. Китайская колонизация Северной Манчжурии и её перспективы. Харбин, 1928.

³¹ Корсак А.К. Указ. соч. С. 22–42.

³² Александров В.А. Из истории русско-китайских экономических связей перед Нерчинским миром 1689 г. // История СССР. 1957. № 5. С. 208.

³³ Александров В.А. Указ. соч. С. 208.

Итогом советского периода изучения международных отношений в Центральной Азии можно считать фундаментальную работу Б.П. Гуревича, посвященную истории Джунгарии и Восточного Туркестана, главным образом, периода предшествовавшего заключению Кульджинского договора 1851 г. Перечисляя ряд авторов, работы которых использовались и в данной диссертации, Б.П. Гуревич отмечал недостаточность изученности русско-китайских отношений (особенно торгово-экономических) на территории Халха-Монголии, без которых не возможно представить общую картину международных связей в обширном центральноазиатском регионе³⁴.

Постсоветский период изучения российско-китайских отношений, включая и их экономический аспект, отличается обилием диссертационных работ, которые ценны обобщением источникового материала предыдущих авторов за два минувших столетия и выдвижением в них новых концепций, в большей части на основе нового архивного материала или анализе уже известного, но не собранного воедино по тем или иным темам. Отметим, что, тем не менее, в отношении начального этапа становления и развития русско-китайской зарубежной торговли на восточной окраине России в этот период не было крупных исследований и монографических работ. Из наиболее близких, по хронологическим рамкам, можно назвать работы Ю.Г. Благодер³⁵, Н.Н. Смирнова³⁶, Н.А. Самойлова³⁷, Е.О. Морозовой³⁸, Т.А. Пан³⁹, И.В. Переслегиной⁴⁰, А.В. Постникова⁴¹, А.Р.

³⁴ Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII–первой половине XIX в. М., 1983 г. С. 10.

³⁵ Благодер Ю.Г. Образ Китая в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов XVII–начала XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2005.

³⁶ Смирнов Н.Н. Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1996.

³⁷ Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.

³⁸ Морозова Е.О. Русско-китайские торгово-дипломатические отношения в конце XVI – середине XVII в. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013.

³⁹ Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.

⁴⁰ Переслегина И. В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни (20-е гг. XVIII–начало 60-х гг. XIX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

⁴¹ Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.): роль историко-географических исследований и картографирования: монография в документах. М., 2007.

Артемяева⁴², А.И. Юхта⁴³, А.В. Тиваненко⁴⁴, В.С. Мясникова⁴⁵, В.Г. Дацышена⁴⁶, А.В. Старцева⁴⁷.

Работы современных историков показывают восприятие образа Китая российскими путешественниками и дипломатами XVII–XVIII вв., внедрение русских традиций в этнополитическом поле самоизоляции Китая от внешнего мира, поиски россиянами северных торговых путей в Китай на самых ранних этапах торгово-экономических контактов в 30–40-х годах XVII в., демаркацию российско-китайской границы по Буринско-Кяхтинскому договору, а также начало деятельности Кяхтинской таможни и регулярной торговой деятельности между странами. Впервые были освещены проблемы сооружения опорных баз Российского государства на восточной окраине (забайкальских городов и острогов), торговли на местных рынках китайскими товарами, появление китайцев в Сибири, ранней истории забайкальского казачества во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

В.С. Горшунов, в историографической диссертации, дал глубокий анализ публикаций, которыми «обменивались» китайские и советские историки по погранично-торговым проблемам в годы «культурной революции» в Китае⁴⁸. Исходя из представленного автором списка научных публикаций по теме международной торговли на восточной окраине России можно заключить, что исследователей прежде всего интересовал самый яркий «Кяхтинский» период в русско-китайских экономических связях – их расцвет в XIX веке – им посвящено 90 % всех работ по данной теме. Бюджет Кяхты, к примеру, в то время в 20 раз превышал бюджет среднего российского города. Причина тому – открытая

⁴² Артемяев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.

⁴³ Юхта А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-е – 60-е гг. XVIII в.). М., 1994.

⁴⁴ Тиваненко А.В. Первое столетие Улан-Удэ. (Удинск – Верхнеудинск, 1666–1800 гг.). Улан-Удэ, 2015.

⁴⁵ Мясников В.С. Империя Цин и Россия в XVII–начале XIX в. // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982. С. 34–89.

⁴⁶ Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.

⁴⁷ Старцев А.В. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки. Новосибирск. 2005.; Он же. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул. 2013.

⁴⁸ Горшунов В.С. Отношения России и Китая XVII – первой половины XIX вв. в отечественной историографии (конец 40-х – начало 90-х гг. XX века) : дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1999.

граница между русской Кяхтой и китайским Маймаченом в закрытой компактной зоне свободной торговли, отсутствие в ней таможенного контроля и налогообложения, контрабанда по всей линии государственной границы.

Одной из немногих оригинальных работ, выполненной на картографическом материале XVIII в. является статья А.В. Постникова о демаркации российско-китайской границы и прилегающих к ней местностей Забайкалья, Маньчжурии и Монголии⁴⁹. Первые картосхемы данной территории были сделаны еще членами посольской миссии С.Л. Владиславича-Рагузинского и многократно копировались вплоть до XIX века. С середины XVIII века этим начало заниматься Правление пограничных дел, в особенности по Аргунскому участку, затем экспедиция гидрографа и картографа Ф.И. Соймонова и секретная Нерчинская экспедиция. Эти и другие карты дают четкое понимание о расположении кочевий аборигенного населения, заводов, острогов, дорог, пограничных караулов и маяков, характеристику рельефа местности, вод, растительности, подножных кормов. Тем же занимались и китайские картографы с 1756 г. для обоснования территориальных притязаний на Забайкалье. Работы А.В. Постникова по демаркации российско-китайской границы дали новое звучание дискуссионной темы внешнеполитических и экономических связей соседствующих стран. Описанные им карты дают общее понимание этно-политической и географической обстановки в зоне действия становления и развития восточной торговли.

В отношении *китайской историографии* отметим, что история изучения русско-китайских политических и торгово-экономических связей начального периода прошла путь от критической оценки событий, манипуляций с источниковой базой до сглаживания «острых углов». Наиболее крупной работой

⁴⁹ Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования. М., 2007; Он же. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII–начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2014; Он же. Работы по организации охраны и картографирования территорий, разграниченных между Российской империей и цинским Китаем по условиям Нерчинского договора (1689 г.) и Кяхтинского (Буринского) трактата 1727 г. // Известия Иркутского государственного университета. Иркутск, 2016. Т. 17. С. 12–25.

можно назвать монографию Юй Шенью⁵⁰. У советских историков она получила оценку как «крайне тенденциозной, сильно подверженной идеологическому влиянию» работы, автор которой обвинялся в фальсификации истории русско-китайских отношений⁵¹. Причину такой ситуации И.С. Ермаченко видел в том, что историография КНР в вопросе внешней политики с Россией разработана слабо вследствие недостаточной фактологической базы, поэтому и политические пограничные, и торгово-экономические отношения все еще оставались в КНР малоизученными⁵². Переориентация к более взвешенному и деидеологизированному освещению проблем пограничных контактов между Россией и Китаем наметился в КНР только к концу 80-х годов XX в. Одним из итогов этого процесса стал выход в 2007 г. монографии Мин Чжэнбо⁵³, в которой главное расхождение в оценке приграничных политических и торгово-экономических контактов между Китаем и Россией – это проблема подписания Нерчинского и Буринско-Кяхтинского договоров. Обе стороны согласны в том, что эти договора ущемляли их права по территориальным вопросам. «Живучесть» этого вопроса может быть объяснена для КНР тем, что в середине XIX в. Россия вернула себе утраченные земли бывшего Албазинского воеводства по Айгунскому договору, однако во всех случаях дипломатические акты были подписаны в ходе мирных переговоров на высшем государственном уровне. Другой спорной проблемой остается вопрос – почему Цинские власти, вопреки достигнутым соглашениям, препятствовали русской караванной торговле, не направили в Россию ни одного ответного, и взяли курс на вытеснение россиян со своих внутренних рынков.

Итак, дореволюционный период изучения российско-китайских отношений в XVII–XVIII вв. отражает начальный этап накопления и научного осмысления

⁵⁰ Юй Шенью История агрессии царской России в Китае. Пекин. Т. 1. 1978. (на кит. яз.)

⁵¹ Вяткин Р.В. Историческая наука КНР на современном этапе // Вопросы истории. 1979. № 2. С.67–83; Сладковский М.И. Об основных аспектах маосистской фальсификации истории // Актуальные проблемы борьбы с маосистскими фальсификациями в области истории: Материалы конференции 27–29 марта 1979 г. М., 1979. С. 26–40.

⁵² Ермаченко И.С. Маньчжуро-монгольские отношения до и после образования империи Цин (XVIII в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971.

⁵³ Ми Чжэнбо. Развитие русско-китайских торговых отношений в северо-западных пограничных районах Китая в период династии Цин и их результаты. Тяньцзинь, 2007. (на кит. яз.).

письменной источниковой базы (прежде всего, делопроизводственной документации) по теме диссертации. Приоритетным направлением исследовательского поиска был внешнеполитический курс России и вопросы демаркации российско-китайской границы. Теме организации торговых отношений уделялось меньшее внимание. Историками было сформулировано положение о различности интересов Китая и России при заключении Нерчинского (1689) и Буринско-Кяхтинского (1727–1728) договоров «О мире, границе, купечестве и торговле». В советский период был осуществлен всесторонний анализ проблемы становления восточной приграничной торговли, выработана научная концепция, согласно которой внешняя политика России по отношению к Китаю оценивалась как, в целом, дружественная и миролюбивая. Основой для таких отношений была торговля между Россией и Китаем, которая получила развитие с конца XVII в., но для внутреннего (закрытого) использования советскими историками был сформулирован вывод о том, что периоды усиления напряженности и конфронтации в торгово-дипломатической сфере объясняются агрессивной и изоляционной внешней политикой Цинской империи. В постсоветский период происходило и происходит уточнение отдельных, ранее выдвинутых, положений предыдущих исследователей на основе новой методологической и источниковой базы. Работы по широкому спектру российско-китайских отношений (в том числе и торгово-экономических) возможно рассматривать не только в контексте развития исторической науки, но и в связи с внешнеполитическими процессами, влиявшими на нее: обвинениями советского руководства в ревизионизме, «культурной революцией», инцидентом на о. Даманском, последующей нормализацией отношений в период перестройки, широким экономическим сотрудничеством в начале XXI в.

В целом, историографический обзор показывает, что если начало торговли русских с «бухарцами», татарами, джунгарами, западными монголами и другими народами Центральной Азии в конце XVI–начале XVII в. сравнительно хорошо известен историками, то начальный этап русско-китайской торговли в середине XVII–начале XVIII вв. изучен недостаточно. Кроме того, существует ряд проблем

теоретического характера, связанных с различными национальными историческими школами. В отечественной науке доказывается положение о том, что несмотря на все возникавшие проблемы за рубежом, русско-китайская торговля явилась прямым доказательством мирных намерений России по отношению к Китаю, хотя и могла осуществляться ею весьма напористо. Торговые интересы всегда были приоритетными в отношениях с Китаем, чем политические. В Цинской империи наблюдалась иная ситуация – русско-китайскую торговлю власти использовали как инструмент давления на Россию, требуя дальнейших территориальных уступок в Забайкалье⁵⁴. Данная ситуация показывает, что в оценке начального этапа становления русско-китайской зарубежной торговли во взаимоотношениях соседствующих стран, до сих пор не поставлена точка и вопрос этот еще будет предметом научных и дипломатических дискуссий.

Объектом исследования является международная торговля на восточной окраине России, **предметом** – трансграничная русско-китайская (и, частично, русско-монгольская) торговля через Нерчинск, Цурухайтуй, Селенгинскую, Петропаловскую, Троицкую крепости, Кяхтинскую слободу и китайский (монгольский) Маймачен.

В отношении русско-монгольских экономических отношений поясним, что первоначально Монголия была их самостоятельным субъектом, независимым от Китая. Однако, в 1696 г. Северная Халха-Монголия после победы в войне с джунгарами (к этому времени продвинувшихся к границе Китая) попала под политическое и экономическое влияние Китая, после чего точки соприкосновения российских и китайских купцов происходили в Урге и Маймачене. Поскольку боевые действия еще продолжались в Западной Монголии, южный путь в Китай с 1728 г. для России был перекрыт. Также из Монголии и Китая были вытеснены все «западные» купцы (джунгары, бухарцы, татары).

⁵⁴ Горшунов В.С. Отношения России и Китая XVII – первой половины XIX вв. в отечественной историографии (конец 40-х – начало 90-х гг. XX века) : дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. С. 170–172.

Территориальные рамки диссертации охватывают восточную окраину Российской империи, а также приграничные территории Маньчжурии, бывшей составной частью Цинской империи, граничившей с Забайкальем и Центральной Азией.

Хронологические рамки работы – середина XVII – конец XVIII вв. – с начала построения второго Нерчинского острога воеводой А.Ф. Пашковым (1658)⁵⁵ и Селенгинского (1665) острогов до подписания в 1768 году «Дополнительной статьи» к Буринско-Кяхтинскому дипломатическому пограничному договору 1727–1728 гг. о возвращении к режиму прежде учрежденной свободной беспошлинной торговли. Верхняя граница исследования обусловлена тем, что фактическое действие соглашения 1768 г. относится к концу XVIII в.

Цель данной работы – раскрытие содержание и характера начального этапа международной торговли России на восточной (Забайкальской) окраине с Китаем и Монголией с середины XVII в. и до начала периода ее расцвета в конце XVIII в.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- охарактеризовать причины организации Россией трансграничной торговли с Китаем и Монголией в Забайкалье с начала построения Нерчинского острога
- определить степень вклада договаривающихся сторон в подготовку пунктов Нерчинского (1689) и Буринского (Кяхтинского) (1728) договоров о мире, границе, торговле и купечестве.
- раскрыть процесс возникновения и функционирования торговых центров приграничной торговли с монголами, даурами, маньчжурами и китайцами в Забайкалье (Нерчинск, Цурухайтуй, Селенгинск, Чикойская Стрелка, Петропавловская и Троицкая крепости, Кяхтинская Слобода, китайский Маймачен), а также систем пограничных постов по предупреждению контрабандного провоза товаров.

⁵⁵ Первый Нерчинский острог, выстроенный атаманом П.Бекетовым в 1653 г., был вскоре сожжен местными аборигенами.

- выявить изменения статуса городов Забайкалья (Удинск, Селенгинск, Нерчинск) в связи с развитием трансграничной караванной торговли.
- описать процесс торговых операций и их участников, виды товаров, процесс ценообразования.
- показать исследовательские возможности материальных памятников пограничной торговли – в Нерчинске, Цурухайтуе, Приаргунске, Акше, Селенгинске, Троицкосавске (Троицкой крепости и Кяхтинской Слободе), Петропавловской крепости, Маймачен (ныне г. Алтан-Булаг), участков купеческих трактов через Хамар-Дабан и караванной дороги от Кяхты до Урги (ныне г. Улан-Батор).

Источниковая база исследования представлена следующими видами источников:

письменные – памятники дипломатической документации, опубликованные и неопубликованные архивные материалы, статьи в периодической печати;

изобразительные – карты, планы, рисунки, иллюстрации;

материальные – дошедшие до нашего времени участки караванных путей, военные крепости и торговые слободы, архитектурные памятники, предметы из музейных коллекций

Памятники дипломатической документации представлены путевыми отчетами послов российского правительства для переговоров с Цинскими властями об установлении границ и торговых отношений: в 1675 г. – Н.Г. Спафарий⁵⁶, 1687 г. – А.Ф. Головин⁵⁷, 1693 г. – И. Идес и А. Брандт⁵⁸, 1711 г. – Л.В. Измайлов⁵⁹, 1726 г. – С.Л. Владиславич-Рагузинский⁶⁰, в том же году

⁵⁶ Китайская реляция о посольстве Николая Спафария в Китай // Маньчжурский текст в переводе А.О. Ивановского. СПб., 1887. Т. 2; 1888. Т. 3; Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ от пути от Нерчинска до границ Цинской империи и о переговорах с маньчжурскими чиновниками в Букее // Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1; Статейный список посольства Н. Г. Спафария в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и документы. М., 1969. Т. 1.

⁵⁷ Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. М., 1969. Т. 1 (1608–1683); 1972. Т. 2 (1686–1691); Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М., 1958; Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889.

⁵⁸ Идес И. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). М., 1967.

⁵⁹ Статейный список посланника Л. В. Измайлова о посольстве в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1700–1725 гг.). М., 1978. С. 186–229.

⁶⁰ Выписка из статейного списка С. Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Российско-

торгового агента России в Пекине – Л.Ланга⁶¹. Кроме, собственно, описания переговорных процессов и их спорных вопросов, в этих источниках содержится сведения о местных народах, их хозяйственной деятельности, природных ресурсах, путях сообщения, характере предлагаемых китайцами и монголами товаров для обмена⁶².

Ряд указанных дипломатических памятников, а также другие документы, касающиеся русско-китайской торговли, заключения межгосударственных договоров и демаркации границы введены в научный оборот в *опубликованных сборниках архивных материалов*. Их составителями осуществлен перевод письменных текстов с полууставного письма и скорописи в современную форму с сохранением орфографии прошлых столетий; определены датировка и авторство; даны указания на места хранения подлинников (архивы, фонды, описи).

Процесс собирания и каталогизации архивных документов начался еще в дореволюционный период⁶³. Их добросовестная систематизация и

китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727). М., 1990. С. 410–437; Инструкции Коллегии иностранных дел С. Л. Владиславичу-Рагузинскому о посольстве в Цинскую империю // Российско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1725–1727 гг.). М., 1990. С. 126–143.

⁶¹ Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1700–1725). М.: [Б. и.], 1978. С. 487–498.

⁶² Выписка из статейного списка С. Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727). М., 1990. С. 410–437; Дневник Ланга // Белевы путешествия через Россию и разные Азиатские земли. СПб., 1776. Ч. 3. С. 1–247; Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1700–1725). М., 1978. С. 487–498; Записка С. И. Писарева о путешествии в Цинскую империю в 1725–1728 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1725–1727 гг.). М., 1990. С. 214–528; Записки Г. И. Унферцагта о путешествии в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1700–1725 гг.). М., 1978. С. 555–585; Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1725–1727 гг.). М., 1978. С. 498–544; Записки Тулишени о его поездке в составе Цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в. М., 1978. Т. 1. 1700–1725. С. 437–483; Запись о хронике правления Цинской династии о пребывании в Пекине посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского // Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727 гг.). М., 1990; Идес И. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). М., 1967; Путевой журнал С. Л. Владиславича-Рагузинского // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1725–1727). М., 1990. С. 495–496; Статейный список посланника Л. В. Измайлова о посольстве в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1700–1725 гг.). М., 1978. С. 186–229; Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему его царского величества указу в 1676 г. царствования китайского Хуандия Канся в 15 лето // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. С. 29–100; Журнал путешествия И. И. Кропотова в Китай // Общество и государство в Китае: материалы VII научной конференции. 1976. Ч. 2. С. 219–249.

⁶³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 3; 1841. Т. 4; 1842. Т. 5. Выписки из Нерчинского архива // Русский Вестник. 1841. № 11–12; Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 1–3; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоановны. 1731–1740-е гг. Юрьев, 1909. Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1; Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895, 1901. Ч. 1–4; Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889; Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов собственной

источниковедческая критика положили основание для формирования источниковой базы по теме становления и развития русско-китайской торговли на восточной окраине России. Первым специализированным сборником документов стал труд Н.Н. Бантыш-Каменского⁶⁴, который долгое время состоял в должности главного архивариуса коллегии иностранных дел. Этот справочник-путеводитель по содержанию архивных фондов раннего этапа становления и развития политических и торгово-экономических контактов на восточной окраине России с Китаем актуален до настоящего времени.

В 1972 г. вышел второй том сборника «Русско-китайские отношения в XVII веке»⁶⁵, включившем в себя всю документальную базу центральных архивных хранилищ страны за период с 1686 по 1691 г. В основном, это история заключения Нерчинского пограничного договора «О мире, границе и торговле» 1689 г. Центральное место занимает «Статейный список» Ф.А. Головина⁶⁶, далее – некоторые документы маньчжурского происхождения⁶⁷, записки европейских иезуитов, участвовавших посредниками на переговорах⁶⁸. В 1990 г. вышел второй том «Русско-китайских отношений в XVIII веке», в котором представлены более 200 архивных документов, подробно освещающих предысторию заключения Буринско-Кяхтинского соглашения 1727–1728 гг.⁶⁹. В 1960 г., в Бурятской АССР, был также опубликован сборник документов по истории Бурятии XVII в.⁷⁰. Собранный в нем материал позволяет раскрыть причинно-следственную связь фактов и событий взаимоотношения России с Китаем во второй половине XVII века.

Архивные источники, большая часть из которых вошла в тематические сборники, хранятся в Российском государственном архиве древних актов

Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1889. Вып. 2; Собрание торговых трактатов России с иностранными государствами. СПб., 1877. Т. 1–15.

⁶⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год: составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в 1792–1803 гг. Казань, 1882.

⁶⁵ Русско-китайские отношения в XVII веке // Материалы и документы. М., 1972. С. 69–761.

⁶⁶ Русско-китайские отношения в XVII веке // Материалы и документы. М., 1972. С. 69–644.

⁶⁷ Там же. С. 660–701.

⁶⁸ Там же. С. 702–761.

⁶⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке // Материалы и документы. М., 1990. Т. 2 (1725–1727).

⁷⁰ Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.

(РГАДА) в фондах 62, 119, 214, 1121, 1142⁷¹; Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук в фондах 21⁷²; Архиве внешней политики Российской Федерации и Российского государственного военно-исторического архива⁷³.

В региональных архивах источники XVII–XVIII вв. представлены в небольшом объеме, в связи с тем, что в середине прошлого столетия, многие из них были переданы в центральные архивы страны. Много документов было уничтожено во время стихийных бедствий (наводнения, паводков), и в годы Гражданской войны. Необходимо отметить и факт умышленного сожжения архива Кяхтинской таможни и Гостиного двора в 1977 г. кяхтинской милицией, по причине непонимания его исторической ценности⁷⁴. В Государственном архиве Иркутской области имеются источники, касающиеся истории переведенной в Иркутск Кяхтинской таможни, ставшей источниковой базой для монографии Л.Н. Маркова⁷⁵.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК, г. Чита) содержит документы по Аргунскому участку приграничной территории после 1728 г., когда Нерчинск передал свою приоритетную роль в русско-китайской торговле Кяхте. Данные источники еще не вовлечены в научный оборот и представлены рапортами, донесениями начальников, сведениями о развитии сельскохозяйственного освоения края, протокольными книгами, рапортами о сборе ясака и о ходе торговли в Нерчинске, описями конфискованных товаров, отчетами о деятельности таможен и контрабанде, актами ревизий таможенных учреждений; рапортами, донесениями, перепиской, личными дела служащих, списками личного состава.

⁷¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 62. Сношения России с Китаем; Ф. 119. Калмыцкие дела; Ф. 214. Сибирский приказ; Ф. 1121. Иркутская приказная изба; Ф. 1142. Нерчинская приказная изба.

⁷² Архив Академии наук (ААН). Ф. 21. Портфели Миллера.

⁷³ Сборник договоров России с другими государствами 1850–1917. М., 1952; Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов. М., 1959; Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов. М., 1974. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв.: Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989; Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. М., 1972.; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. М., 1990. Т. 2 (1725–1727).

⁷⁴ Демин Э.В. Золотая россыпь Селенгинска // Историко-краеведческие очерки. Улан-Удэ, 2009. С. 65.

⁷⁵ Марков Л.Н. Из истории Иркутской таможни. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987. С. 50.

Новые архивные источники из ГАЗК опровергают укоренившееся среди историков мнение о том, что ввиду перенесения российско-китайской торговли в Кяхту, к середине XIX века международные хозяйственные контакты с Китаем через Нерчинск и Читу прекратились и стали иметь редкий характер в виде мелких партий в пунктах таможенного пограничного контроля. В действительности торговля все еще продолжалась, хотя и не столь активно.

Отметим несколько особо информативных фондов ГАЗК:

Фонд 30 Войскового хозяйственного правления – содержит дела о происшествиях на китайской границе; о деятельности русско-китайской пограничной комиссии; о событиях в Монголии и Китае;

Фонд 78 Инспектора Читинского таможенного участка – содержит приказы и распоряжения Департамента таможенных сборов и вывозе товаров за границу, об усилении таможенного контроля, о службе досмотрщиков; указания и правила о пропуске через таможни иностранных товаров; протоколы и описи конфискованных товаров на таможенных постах; годовые отчеты о деятельности таможенных постов и о контрабанде;

Фонд 25 Забайкальской контрольной палаты – содержит росписи цен на товары и доходах на Кяхтинской таможни;

Фонды 268, 159, 271 – Доронинский, Нерчинский и Кяхтинский городничие – содержат императорские указы о вывозе товаров за границу;

Фонд 55 Заведующего пограничными селениями 3-го участка Нерчинского уезда – содержит сведения о караулах на границе с Китаем, ведомости следственных дел пограничных постов, текст указа императора Александра I об устройстве дорог.

Таким образом, номенклатура письменных дел Кяхтинской таможни, хранящихся в Государственном архиве Забайкальского края, подтверждает стремление жителей Нерчинского края вести беспошлинную свободную торговлю мелким оптом вне двух узаконенных мест международных контактов в Кяхте и Цурухайтуе.

Периодическая печать в качестве источника представлена следующими сибирскими газетами, распространяемыми в Забайкалье: «Иркутские губернские ведомости», «Даурский край», «Забайкальские областные ведомости», «Сибирская газета», «Кяхтинский листок», «Байкал», «Жизнь на Восточной окраине» и другие. Так, в выходившем в 1862 г. «Кяхтинском листке», в постоянной рубрике «Торговля и промышленность» публиковались статьи об истории и современном состоянии Кяхтинской торговли, об условиях и значениях торгово-обменных операций, сведения о количестве и качестве вывозимых и привозимых товаров, о работе извозной и ширельной мастерских⁷⁶. Газета «Байкал» также выходившая в Кяхте, в 1896–1917 гг., вела раздел «Современная летопись Кяхты-Троицкосавска». В ней публиковались материалы по истории края, зарождения торгово-экономических приграничных связей с Китаем и Монголией, о жизни населения приграничных районов соседствующих стран⁷⁷. Большой цикл статей конца XIX – начала XX в. был посвящен причинам потери Кяхтой бывшего торгового значения. В газете «Жизнь на восточной окраине», издаваемой на русском и бурятском языках в 1895–1917 гг. известным дипломатом и просветителем П.А. Бадмаевым, печаталась хроника местной жизни, сельского хозяйства, торговли и промышленности; различные сведения об экономическом положении русских сел, бурятских улусов, рабочих рудников Забайкалья.

Начальной историей кяхтинского международного торгового дела во второй половине XIX века интересовались купцы и их приказчики, чиновники различного уровня, служащие таможи, священники, публицисты. Среди авторов отметим А.И. Деспот-Зеновича⁷⁸, Г.Ю. Клапрота⁷⁹, В. Лушников⁸⁰, А.И. Мартоса⁸¹, И.А. Носкова⁸², П. Громова⁸³, В. А. Обручева⁸⁴, С.И. Черепанова⁸⁵,

⁷⁶ Кяхтинский листок. 1862. № 11. 12 июля.

⁷⁷ Лушников В. Записки старого кяхтинца // Байкал. 1975. № 5. С. 156–160.

⁷⁸ Деспот-Зенович А.И. О свободной торговле с монголами // Кяхтинский листок. Троицкосавск. 1862. № 1. С. 2.

⁷⁹ Клапрот Г. Ю. Описание Кяхты // Сын Отечества. 1816. № 41. С. 81–104; № 42. С. 121–125.

⁸⁰ Лушников В. Записки старого кяхтинца // Байкал. 1975. № 5. С. 156–160.

⁸¹ Письмо к издателю «Северного архива» о Кяхте // Литературные листки. 1823. № 2. С. 26.

⁸² Носков И.А. Кяхта // Амур. Благовещенск. 1861. С. 86–92.

И.И. Попова⁸⁶, И.Д. Стахеева⁸⁷, В.В. Птицына⁸⁸. Хотя эти публикации, в основном, отражают события своего времени, когда кяхтинский международный торг достиг своего апогея, они важны для общего понимания истории возникновения и развития торгово-обменных операций России с Китаем. Даже то небольшое, что можно обнаружить в них о начальном периоде торгово-экономических связей с южным соседом имеет ценность в качестве дополнительного источника по рассматриваемой проблематике.

Одним из источников данной работы стали до сих пор мало применявшиеся историками *изобразительные источники* – карты, планы, рисунки, иллюстрации как подтверждающие и уточняющие события и факты, реконструируемые на основе других видов источников. Выявленные в архивах рукописные планы, глазомерные карты и рисунки дают редкую возможность языком графики глубже понять письменные тексты документов XVII–XVIII вв., в ряде случаев перепроверить излагаемые сведения и дать новое понимание отдельных фактов и явлений в зарубежной восточной торговле на российско-китайской границе. Это схемы караванных маршрутов со стоянками отдыха в пути; чертежи построения торговых слобод и пограничных крепостей; путевые зарисовки участников экспедиций; общие виды забайкальских городов; планы местностей по дороге из Нерчинска (Селенгинска) в Пекин; типажи аборигенных жителей и их быта.

Для уточнения системы приграничных городов и крепостей использовались следующие архивные фонды:

Архив Российской академии наук (ААН, г. Санкт-Петербург) – чертежи, сделанные Г.Ф. Миллером⁸⁹;

⁸³ Громов П. Начало Троицкой крепостицы и Кяхты // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 31. С. 400.

⁸⁴ Обручев В. А. Кяхта // Байкал. 1994. № 3. С. 23–25.

⁸⁵ Сибирские горы. Острые сопки // Иллюстрация. СПб., 1859. № 98. 10 дек. С. 26.

⁸⁶ Попов И. И. Кяхта и Троицко-Савск // Сибирская газета. 1888. № 25. С. 8; № 30. С. 10.

⁸⁷ Стахеев Д. Кяхта (записки моего знакомого) // Русское слово. СПб., 1865. № 9. Сентябрь. С. 273–295; № 10. Октябрь. С. 172–191.

⁸⁸ Птицын В.В. Кяхтинские рабочие артели // Русская мысль. 1891. № 5. С. 131–153.

⁸⁹ ААН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/24. План Селенгинска нач. XVIII в.; Оп. 4. Д. 24. Л. 336; Д. 29. Л. 7. Планы Селенгинска; Оп. 5. Д. 39/28. План Троицкой крепости при р. Кяхте 1735 г.; Оп. 5. Д. 30/28. План Кяхтинского форпоста 1735 г.

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА, г. Москва) – проекты Кяхтинского форпоста и Троицкой крепости, выполненные по поручению С.В. Рагузинского М. Зиновьевым и А. Кушелевым в 1727 году; чертеж Петропавловской крепости 1729 г. С. Немцова, Е. Бузовлева и И. Титова, чертеж Селенгинской крепости 1727 г. (3 вида) Х. Шварца;⁹⁰.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва) – план города Селенгинска 1770 г. М. Татаринова; план Кяхтинского форпоста Троицкой крепости 1770 г. М. Татаринова; план Кяхтинского форпоста Российской торговой слободы с показанием крепости и форштата 1770 г. М. Татаринова; план Селенгинска 1780 г.; схема Троицкой крепости 1797 г.⁹¹.

Библиотека Академии наук (БАН, г. Санкт-Петербург) – план Селенгинска 1770 г.

Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург) – план г. Селенгинска⁹².

Научная библиотека Иркутского государственного университета – фрагменты карт местонахождения Петропавловской крепости в устье Чикоя.

В результате архивных изысканий автором обнаружены копии планов и чертежей Селенгинска, Троицкой крепости, Кяхтинского форпоста, Петропавловской крепости, Удинского острога, караванных путей в Китай из Нерчинска через Аргунь и из Удинска-Селенгинска на Кяхту⁹³. Собран перечень иллюстраций, который дает понимание об их информационной ценности: Общий вид Нерчинска в конце XVII в.; «Нерчинский базар» (акварель Е.М. Корнеева, 1803); Общий вид Селенгинска 1770 г. (гравюра Н.Ф. Челнокова); Русская граница с Китаем: общий вид Верхнеудинска, Кяхты и Маймачена; ул. Маймачена (Кяхта, 1770 г.); картина-карта г. Кяхты и Маймачена из монгольской

⁹⁰ РГАДА. Ф. 192. Д. 74, 76; Ф. 192. Д. 89; Ф. 192. Д. 70; Ф. 192. Д. 77.

⁹¹ РГВИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 403. Л. 1.; Д. 1293. Оп. 1. Д. 10; Ф. 1310. Оп. 1. Д. 50; Д. 1293. Оп. 1. Д. 10; Д. 21529. Л. 57-58.

⁹² РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 1399. Л. 14.

⁹³ ААН. Ф. 21 Портфели Миллера. Оп. 4. Д. 24. Л. 336; Д. 29. Л. 7; Оп. 5. Д. 39/24, 39/28, 30/28; РГАДА. Ф. 192. Иркутская губерния. Д. 74, 76, 89, 70, 77; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 25580, 22112, 21531. Л. 10; Д. 21529. Л. 59; Д. 1293, 1310, 50; Д. 21529. Л. 10, 57, 58; РГИА. Ф. 403. Оп. 1. Д. 1399. Л. 14; АВП РФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-6; РГАДА. Ф. 62. Сношения России с Китаем (1689). Д. 2. Л. 8-11; ААН. Иркутские акты. карт.1 (149). Л. 18-41.

рукописи XVII в.; Кяхтинская слобода, проект Кяхтинского форпоста конца XVII в.; Виды Кяхты и Маймачена; План Кяхты; пограничные маяки на русско-китайской границе; карты купеческих дорог с указанием местоположения Староселенгинска, Чикойской Стрелки, Петропавловской крепости, Караульного камня и многое другое.

Собрание архивных карт-схем позволило составить четкое представление как о местонахождении и внутреннем градоустройстве приграничных пунктов, служивших опорой как пограничной линии между Россией и Китаем в Забайкалье, так и об организации там ежегодных торговых караванов в Ургу и Пекин. Как показывают планы, это были довольно значительные казачьи поселения, инфраструктура которых была нацелена на обеспечение международной торговли. Картосхемы (с пояснительными комментариями авторов) являются достаточно информативным источником наряду с записями путешественников. Аналогичную информацию предоставляет подборка графических изображений из печатных изданий: И. Идеса и А.Брандта⁹⁴, Г.Ф. Миллера⁹⁵, Е.П. Силина⁹⁶, А.Р. Артемьева⁹⁷, А. Миччи⁹⁸, С.И. Черепанова⁹⁹, В.В. Ламакина¹⁰⁰, Н.Н. Гончаровой¹⁰¹.

Собранный картографический материал по теме становления и развития российской международной торговли на восточной окраине страны позволил нам сравнить сведения из письменных памятников, когда речь идет о направлениях караванных путей, о государственной границе, об учреждении торговых центров и пунктах пропуска торгующих людей, о местах размещения купеческих слобод и их инфраструктуры. Это понимание стало еще яснее, когда автор *de visu* ознакомился с дошедшими до нашего времени *материальными источниками*.

⁹⁴ Идес И., Брандт А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.

⁹⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.

⁹⁶ Силин Е.П. Города на границе: Кяхта // Арабески истории. Минск, 1996. С. 58–59.

⁹⁷ Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999.

⁹⁸ Миччи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. СПб., 1868.

⁹⁹ Черепанов С.И. Кяхта и Маймачен. СПб., 1848. Т. 7. № 34; Он же Сибирские горы. Острые сопки в Кяхте. СПб., 1859. № 98. 10 дек.

¹⁰⁰ Ламакин В.В. Старинная рукописная карта Селенги и Гусиного озера и история вопроса о его происхождении // История геолого-географических наук. Вып. 2. М., 1961. С. 277–289.

¹⁰¹ Гончарова Н.Н. Корнеев Е.М. Из истории русской графики начала XIX в. М., 1987.

Автор посетил следующие географические места Забайкалья и участки дорог, по которым проходили купеческие караваны: а) Иркутск – Байкал – Баргузин – Еравна – Телемба – Чита – Нерчинск; б) Иркутск – Байкал – Верхнеудинск – Селенгинск – Кяхта – Маймачен – Урга (Улан-Батор в Монголии); в) Иркутск – Байкал – Верхнеудинск – долина р. Уды – Еравна – Телемба – Чита – Нерчинск; г) Иркутск – Тункинская долина – Монголия; д) Иркутск – Култук – хребет Хамар-Дабана – Кяхта. От Нерчинска пройдены отрезки до Приаргунска и Цурухайтуя и далее до Забайкальска (Маньчжурия).

Осмотрены места, где находились военные крепости и торговые слободы: Нерчинск, Приаргунск, Цурухайтуй, Акша, Селенгинск, Чикойская Стрелка, Петропавловская крепость, Троицкая крепость, Кяхтинская слобода; в Монголии «китайский» Маймачен (совр. Алтан-Булак) и русский Маймачен (торговое место) в Урге (совр. Улан-Батор).

Изучены коллекции китайских товаров Кяхтинского и Нерчинского международных торгов в государственных музеях Иркутска, Улан-Удэ, Селенгинска, Кяхты, Читы.

Осмотрены сохранившиеся архитектурные памятники, связанные с русско-китайской приграничной торговлей: гостиные дворы, торговые лавки, складские помещения, жилые дома купцов, общественные здания, могилы (памятники) именитых купцов на старинных кладбищах на территории Забайкалья (Рисунок А. 35, 39, 40, 41).

Такое непосредственное визуальное и тактильное знакомство с предметом исследования позволило найти связующую нить между прошлым и настоящим, глубже ощутить время становления и развития зарубежной торговли России на восточной окраине, а в научном плане подтвердить или уточнить архивные письменные и картографические сведения, послужившие источниковой основой настоящей диссертационной работы.

Методологическая основа работы. В работе использованы общенаучные методы – *анализ, синтез, классификация, типология, количественный анализ*. Они позволили рассмотреть поднятую проблему в логической причинно-

следственной связи, определить три последовательных этапа русско-китайской торговли, обосновать их эволюцию от момента неприятия восточным соседом самого принципа приграничной торговли (в силу общей закрытой политической системы государства для европейцев) в конце XVII в. до ее поддержки впоследствии, когда Китай увидел в России защитника от иностранного (английского) влияния.

Принцип научной достоверности и объективности позволил критически рассмотреть факты и явления посредством обращения к широкой источниковой базе, подтвердить или уточнить ранее высказанные итоговые выводы исследователей. Здесь выявилась тенденциозность китайской историографии, приведшая к научному, дипломатическому и даже военному противостоянию.

Принцип *абдукции* способствовал построению общей картины минувших событий путем агрегации и анализа частных конкретных фактов, с последующим их обобщением и формулировании нового знания.

Среди специально-исторических методов диссертации – *метод историзма, системный подход, сравнительно-исторический метод*.

Метод историзма позволил раскрыть содержание сложного процесса зарождения и становления зарубежных торгово-экономических отношений России с Китаем и Монголией в XVII – XVIII вв. как системы дипломатических действий в соответствии с миролюбивой политикой страны по отношению к восточным соседям. Системный подход способствовал рассмотрению организации зарубежной торговли за Байкалом как составного элемента сложной политической пограничной проблемы, как единственного способа установления добрососедских отношений с монголами и китайцами, что способствовало переориентации внимания Китая от территориальных претензий к мирному сосуществованию двух великих государств. С помощью сравнительного метода были выявлены разночтения и несовпадения теоретических позиций как в российской, так и в китайской историографии по всей проблеме истории русско-китайских отношений.

При раскрытии причин контрабандной торговли по всей линии государственной границы автор исходил из *концепции хозяйственно-культурных типов*, сформулированной в отечественной исторической литературе в 1970-е годы. Согласно этой концепции форма хозяйствования зависит от среды обитания и создает определенную структуру культурных институтов, обоснованную привычным укладом жизни в определенной географической среде¹⁰². Учрежденная же Россией и Китаем пограничная линия для маньчжур, даур, бурят, эвенков и монголов носила искусственный и условный характер, нарушая их этнополитическое единство и давние хозяйственно-культурные связи. Стремясь сохранить традиционный уклад, аборигенные родо-племенные группы, оказавшиеся под юрисдикцией двух государств, продолжали между собой прежнее культурно-бытовое общение и развивали хозяйственные связи, в которых провоз товаров через «границу» не был преступлением.

Научная новизна исследования.

1. Выделены этапы становления и развития трансграничных торгово-экономических отношений России с Китаем и Монголией на восточной окраине России:

начальный этап (1658–1689) – от построения Нерчинского и Албазинского острогов (1658) до государственного регулирования торговых отношений с Китаем Нерчинским пограничным договором (1689);

организационно-государственный этап (1689–1796) – от частной неконтролируемой торговли до введения монополии столичными первостатейными купцами, что привело к международным конфликтам с китайскими партнерами и остановке торгово-обменных операций на долгие годы. Только возврат России и Китая к условиям выполнения ранее подписанных договоров способствовал восстановлению торговых отношений.

этап «процветания» (1800–1900) – организация Кяхтинской пограничной зоны свободной торговли, олицетворявшей качественный и количественный рост

¹⁰² Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1985. С. 15; Народы мира: историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 414; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 259.

межгосударственных экономических связей. Этот период выходит за рамки нашего исследования.

2. Подтверждены предшествующие исследовательские выводы о двух взаимоисключающих подходах России и Китая при учреждении международной торговли: Россия через торговые контакты и территориальные уступки добивалась мира на восточных рубежах, а Китай использовал запретительные меры как орудие давления для дальнейших притязаний на территорию Забайкалья. Ввиду твердой позиции России по этому вопросу Цинские власти в конечном итоге прекратили пропуски в Пекин русских торговых караванов и сместили торговые контакты к двум пунктам на российско-китайской границе – Кяхте на р. Селенге и Цурухайтуе на р. Аргуни.

3. Впервые подробно рассмотрена до сих пор неизучавшаяся проблема поиска и обустройства караванных путей в Китай и Монголию через Селенгинск и Нерчинск, где формировались ежегодные государственные и частные торговые караваны.

4. Рассмотрена система приграничных военно-экономических центров: Селенгинск, Чикойская Стрелка, Петропавловская и Троицкая крепости, Нерчинск, Цурухайтуевская и Кяхтинская слобода, Китайский Маймачен, русские торговые колонии в Урге и Науне.

5. Описаны причины появления контрабандной трансграничной торговли (как результата отхода Китая и России от условий Нерчинского и Буринско-Кяхтинского договоров), которая, однако, не прекратила существования даже после возврата правительств двух стран к ранним договоренностям о свободной беспошлинной торговли.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Китай, в силу своей традиционной политики самоизоляции по отношению к внешнему миру, ограничивал внешнеполитические контакты, в том числе и в сфере торговли, с европейскими странами. Только Россия путем заключения Нерчинского договора 1689 г. смогла наладить полноценный торговый диалог.

Тем не менее, Цинская империя вытеснила российских купцов на периферию в Маньчжурии, а затем и за учрежденную государственную границу в Забайкалье.

2. На восточной окраине России центрами начального этапа формирования торговых караванов в Пекин были Селенгинская и Нерчинская крепости. После Буринско-кяхтинского договора 1727–1728 гг. основными трансграничными центрами русско-китайской торговли стали Кяхта на р. Селенге и Цурухайтуй на р. Аргуни, но торги в основном велись в Кяхтинской слободе и китайском Маймачене, вместе составлявшие изолированную зону свободной торговли. После 16 проведенных в Китай торговых караванов с 1689 по 1755 гг. международные торгово-экономические контакты между двумя странами сосредоточились только в Кяхте, но Китай не отправил в Россию ни одной ответной экспедиции.

3. Россия предпринимала действия по возведению на границе военных оборонительных укреплений, не предусмотренных дипломатическими договорами, что вызывало у цинского правительства протесты, как ущемление в территориальном вопросе, и как следствие – меры к приостановке торгов.

4. Причины, приведшие к организации контрабанды товаров из России в Китай, заключались в установлении Россией государственной монополии на внешнюю торговлю и высоких таможенных пошлин, не предусмотренных Нерчинским и Кяхтинским договорами. Китай же, в свою очередь, увязывал режим торговых отношений с расширением своих границ в Забайкалье. Только отказ России от чрезмерного государственного контроля, а Китая от территориальных притязаний, привели к подписанию, в 1796 г., нового соглашения о торговых операциях в Кяхтинско-Маймаченском торговом пункте. Это соглашение означало возврат к условиям Нерчинского и Буринско-Кяхтинского договоров, что вновь активизировало торгово-обменные операции между двумя странами.

5. Жизнеспособность контрабандной торговли основывалась на традиционных этнических связях между китайцами, монголами, бурятами, даурами и маньчжурами по обе стороны искусственно проведенной границы.

Такого рода свободные торговые связи не считались у них преступлением, и пограничные народы в качестве посредников стали «продвигать» за рубеж и российские товары, провозя их скрытно, минуя таможенные заставы, благодаря хорошему знанию географической среды. Постепенно в прибыльную контрабанду втянулись и пограничные чиновники обеих стран.

Степень достоверности настоящей работы определяется всесторонним анализом научной литературы по теме исследования, репрезентативностью источниковой базы, включающей в себя различные типы источников, а также корректным применением общенаучных и специально-исторических методов, принципов историзма и объективности.

Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в том, что представленный в нем конкретно-исторический материал и теоретические обобщения позволяют дополнить знания по истории международной торговли России в Забайкалье в XVII–XVIII вв. Проведенный анализ может быть использован при разработки научных работ и учебных пособий по краеведению, Истории России, истории Сибири, всеобщей истории, истории международных отношений, экономических дисциплин. Также материалы диссертации могут быть полезны для дальнейшего сотрудничества России с Монголией и Китаем, разработки тематических туристских маршрутов по местам, связанным с международной торговлей на восточной окраине России (Чита, Нерчинск, Кяхта, Селенгинск).

Апробация исследования. По теме работы были представлены доклады на конференциях всероссийского и международного уровней: XIV Всероссийская (с международным участием) научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения» (Томск, апрель 2018 г.), Международная научно-практическая конференция «Кяхта – национальное достояние России» (г. Кяхта, июнь 2018 г.). Текст диссертации был обсужден на заседании кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

Публикации по теме диссертации. Результаты исследования представлены в 6 публикациях, из которых 3 статьи в журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Структура диссертации подчинена реализации поставленной цели и задач. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

1 Становление русско-монгольско-китайской торговли в Забайкалье

1.1 Начало приграничной восточной торговли: первые русские разведочные экспедиции в Центральную Азию через Забайкалье

Русское освоение Сибири в XVI–XVIII вв. было тесно связано с попытками казаков, крестьян, промышленных, «гулящих» и торговых людей самостоятельно, без разрешения Правительства, вести торгово-обменные операции с южными кочевыми народами Центральной Азии. В ряде случаев торговые люди даже опережали военные казачьи отряды. По большому счету, знаменитая экспедиция Ермака являлась частной инициативой приуральских купцов Строгановых. К началу XVII века центрами торговой деятельности на Востоке стали первые русские города-крепости Мангазея, Маковский, Ялutorовский, Тобольский, Тарский, Енисейский, Томский и другие остроги Западной Сибири. С развитием пушного промысла у россиян появилась «валюта», с которой стали организовываться дальние караванные экспедиции в глубинные территории Джунгарии, Монголии и Китая. Увидев перспективность получения прибыли от зарубежной торговли, Правительство вменило в обязанность сибирских воевод организовывать торгово-разведочные походы казаков от их имени, но никак не от имени России¹⁰³. Не менее активно происходили поездки в русские города за пушниной «бухарцев», калмыков (джунгаров), монголов.

Вопрос российско-монгольско-китайской торговли через Западную Сибирь за Уралом хорошо изучен российскими историками. Отметим, что все авторы оперируют в основном немногим числом фамилий руководителей походов в Центральную Азию, тогда как по подсчетам А.Г. Банникова их было значительно больше¹⁰⁴. Через посредничество «бухарцев» и монголов западно сибирские воеводы направили в глубины Азии немало русских торговых экспедиций: Ивана Текутьева и Андрея Шарыгина (1608 г.), Василия Тюменца (1615 г.), Ивана

¹⁰³ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 7.

¹⁰⁴ Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1949. С. 3.

Петлина, Андрея Мундова и Петра Кизылова (1618 г.), Василия Старкова и Степана Неверова (1636 г.), Якова Тухачевского (1636 г.), С. Гречанина и А. Самсонова (1636 г.), Б. Карташева (1636 г.), Ульяна Ремезова (1640 – 1641 г.), Петра Собанского (1646 г.), Василия Бурнашева (1649 г.), Ивана Байгачева (1652 г.), Федора Байкова и Сеиткула Аблина (1654 г.), Ф. Байкова (1655 г.) и С. Аблина (1658 г.), С. Вяткина и Д. Копылова (1658 г.), Ивана Перфильева и С. Аблина, (1659 г.), И. Перфильева и С. Аблина (1662 г.), Василия Литасова (1665 г.), Василия Былина (1668 г.), С. Аблина (1668 г.), и других¹⁰⁵, нашедших отражение в исторической литературе.

Часть из совершенных путешествий в восточные страны детально исследованы, другие нуждаются в глубоком изучении, что не входит в задачи, поставленные в нашей работе. Но, отметим главное, что все эти экспедиции разведали первые торговые пути России из западной Сибири в Монголию и Китай, и пользовались ими несколько десятилетий начала и середины XVII в., пока они не были перекрыты внутренними междоусобными войнами.

Поэтому по мере продвижения казачьих отрядов по Сибири на восток, в 20-х годах XVII века россияне начали осваивать водный путь от Мангазеи и Енисейска по Нижней и Подкаменной Тунгускам (Ангаре), значительно опередив общий процесс продвижения России за Уралом на восток. В 1628 г. енисейский сотник Петр Бекетов впервые прошел по Ангаре до Байкала. В 1643 г. приказчик Верхотенского острога Курбат Иванов со своим казачьим отрядом по верховьям р. Лены достиг острова Ольхон, а небольшая группа под командованием Семена Скороходова проследовала западным побережью Байкала до Верхней Ангары, поставив там ясачное зимовье. Зимой 1644 г. казаки направились в Баргузинскую долину, но в Чивыркуйском заливе попали в засаду местных аборигенов и погибли¹⁰⁶. В 1646 г. атаман Иван Похабов от истока Ангары попал на Селенгу, прошел по ней до устья р. Уды, и, никого из бурят не найдя, вернулся назад и зазимовал в основанном им же Култукском зимовье на южной оконечности озера.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Тиваненко А.В., Колмынин В.И. Озеро Байкал (Время, события, люди). XVII–XX столетия. Часть 1: XVII в. Улан-Удэ, 2016. С. 97.

Оттуда он разведаль путь по Тункинской долине в Монголию, но далее Тертеева улуса не пошел. Он же, первым из россиян совершил зимний переход на лыжах по р. Мантурихе через хребет Хамар-Дабан к озеру Гусиному к ставке главного бурятского князя Турухай-Табунана и даже до кочевий Цецен-хана Шолоя в Монголии. Таким образом, он первым проведаль пути пересечения прибайкальской горной страны, которыми пользовались буряты и тунгусы. Годом ранее от атамана Василия Колесникова из Верхнеангарского острога через Баргузинские степи и Икатский хребет к Еравнинским озерам и далее по р. Уде в ставки Турухай-Табунана и Цецен-хана проследовали разведчики К. Москвитин и Я. Кулаков, разведавшие еще одну кочевую тропу забайкальских бурят в глубинах Забайкальского края¹⁰⁷.

По результатам своей экспедиции и разговоров с прибайкальским тунгусским князем Можеулем (1641 г.) Курбат Иванов составил «Роспись рек», впадающих в Лену, где давались первые сведения о «мунгальском» населении по Селенге, о тунгусах (эвенках) по побережью Байкала, упомянута и далекая река Шилка¹⁰⁸. «Роспись» явилась и первой географической схемой неизвестного еще россиянам Забайкальского края.

В 1644 г. ссыльный «немчин» Иван Ермис подал в Енисейске челобитную с проектом организации похода за Байкал и в Приамурье, в которой точно определил в дальнейшем хорошо разработанный путь по Ангаре, через Байкал к р. Баргузин и далее, с ее верховьев, через волоки на реки Нерчу и Шилке к местному «большому» князю Лавкаю¹⁰⁹. Сам Ермис в здешних краях никогда не бывал, и признал, что сведения добыл от «промышленных» людей, опередивших отряды служилых казаков за несколько лет ранее. Карту Курбата Иванова он вряд ли успел увидеть, поскольку она была передана воеводе Якутского острога, где след ее потерялся. Но факт более раннего проникновения на Байкал и далее россиян, не связанных с военной государственной службой, подтвердил Курбату

¹⁰⁷ Тиваненко А.В. «В государство Российское принять...». (Как происходило вхождение Бурят-Монголии в состав России). Улан-Удэ, 2012. 183 с.; Он же: Вокруг Байкала. Улан-Удэ, 1979. С. 90.

¹⁰⁸ Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., Т. 2. 1846. № 89. С. 243, № 91. С. 249.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Стлб. 136. Л. 157-162.

Иванову в 1641 г. один из гостей князца Можеуля: «В прошлом де во 148 (1639-1640 гг. – С.К.) летом ходят по Ламе [Байкалу, – С.К.] в судах русские люди казаки (тунгус не мог отличить казаков от промышленников, – С.К.) <...>, а отколева те казаки пришли и давно ли по Ламе ходят, того не ведаю»¹¹⁰.

Проект Ермиса был запущен, и отныне почти все российские казачьи отряды пользовались указанными ориентирами вплоть до середины XVII столетия. Например, им прошел атаман Иван Галкин, основавший Баргузинский острог, затем опять Василий Колесников, снова Иван Галкин, Самойло (Первый) и другие. Галкин, уточняя маршрут, в 1649-1650 гг. разведал путь в Баунт, где в 1652 г. поставил еще один острог и собрал сведения о Восточном Забайкалье. По донесению Енисейского воеводы Ф.П. Полибина от января 1650 года, Иван Галкин не ограничился слухами аборигенов – тунгусов, а послал разведчиков на р. Шилку к князю Лавкаю, который принял российское подданство и уплатил требуемый ясак-дань¹¹¹.

В 1653 г. походом большого отряда атамана Петра Бекетова разведано новое направление в Восточное Забайкалье по р. Хилок, по которому ему посоветовал пойти монгольский князь Култуцин. Россияне повторно обследовали направление по р. Мантурихе через Хамар-Дабан на Селенгу, а поднявшись по Хилку, поставили небольшой Иргенский острожек, а отряд М. Уразова пошел еще далее, построив при слиянии рек Аргуни и Онона Шилкинский острог¹¹². В 1658 г. был «зарублен» Нерчинский острог, ставший административным центром Нерчинского уезда¹¹³.

Таким образом, к 1658 г. от Байкала до Амура установилось водно-сухопутное направление, охраняемое системой «малых» крепостей: Баргузинский, Еравнинский, Телембинский, Иргенский, Шилкинский, Нерчинский. С севера эту линию укрепляли также Кучидский и Баунтовский

¹¹⁰ Тиваненко А.В. «В государство Российское принять...». (Как происходило вхождение Бурят-Монголии в состав России). Улан-Удэ, 2012. С. 160.

¹¹¹ РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Кн. 288. Стлб. 371. Л. 157–162.

¹¹² Языков И.Д. Бекетовы // Энциклопедический Лексикон. СПб, 1836. Т. V. С. 196; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. I. С. 154, 215.

¹¹³ Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

остроги, с юга – Удинский и Селенгинский. К концу XVII в. к их числу прибавились «Читинское плотбище», Чита, Усть-Стрелочный (Аргунский), Албазинский, Кумарский, Ачанский остроги, «продолжившие» путь по р. Амур в «Даурскую, Дючерскую и Гиляцкую земли»¹¹⁴. Нерчинский воевода А.Ф. Пашков был назначен Москвой управляющим всего «северного» пути от Байкала до устья Амура, чем раньше негласно занимался его предшественник О.С. Кузнец¹¹⁵.

К 1675 г. царю доложили из Сибирского приказа, что кроме пути через Монголию в Китай, по которому ездили Федор Байков и Сеиткул Аблин, есть и другая дорога, а именно через Даурию «через Нерчинский острог на лошадях до реки Аргуни, затем, до рек Гана и Хайлара, через монгольские улусы, от Хайлара до реки Задун, потом горами и на р. Наун, т.е. через Маньчжурию. Да еще можно плыть от Нерчинска к Албазину, а оттуда сухим путем прямо в китайские владения»¹¹⁶. Исследовать это новое направление было поручено направляющемуся в Даурию и Китай Российскому послу Николаю Спафарию. В своем отчете об экспедиции в 1675 г. он дал такую оценку всем действовавшим на то время путям из Сибири в восточные страны.

1. Путь «обычный», по которому «бухарцы и калмыки ходили, и наши русские люди, Байков и иные, многолюдно ходили». Он вел из Тобольска до соляных озер по Иртышу дощаниками, а оттуда сухим путем через земли монголов и калмыков до города Кукутана (Хух-хото). Город построен китайцами для защиты от набегов калмыков. И от него через две недели достигают Пекина. Путь плох ввиду безводных пустынь и опасен из-за набегов калмыков, грабящих проходящие караваны. Недавно более тысячи человек калмыков напали на торгующих путешественников, отобрали товары и много караванщиков убили. Направление через кочевья калмыков Аюки-хана ближе и безопаснее, но у Великой Китайской стены соединяются. Помимо них есть много более мелких, но по ним «обвыкли великие караваны ходить»¹¹⁷.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ РКО. Т. 1, № 79. С. 203–204.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Стлб. 535. Л. 250–254.

¹¹⁷ Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882. С. 526–527.

2. Есть пути новые, недавно «отысканные». Один из них от Байкала ведет к Селенгинскому острогу, от него степью через «одну мунгальскую землю, где Очирой Сани-хан и Кутухта-лама владеют». До Пекина вьюками ходу восемь недель, как говорят торговые и служивые люди Селенгинского острога, недавно ходившие в Пекин. Единственное неудобство состоит в том, что некоторые безводные и безлесные участки приходится преодолевать с запасами воды и дров. Дорога менее опасна, но в пути следует проявлять бдительность: иногда по ночам монголы совершают кражи коней и верблюдов. Если дать «поминки» (дары) Очирой-хану и Кутухте, то они отряжают своих людей для охраны караванов до самого Пекина. У Китайской стены «тобольская» и «селенгинская» дороги соединяются.

3. Другой путь идет через Даурию в Нерчинский острог и оттуда через Аргунь до Наун-реки и далее в Пекин, «которым мы ныне путем ехали». Этот путь ближе всех вышеописанных от границы Российского государства. Он преодолевается за три недели неспешного хода верблюжими караванами и стадом домашнего скота на пропитание торгующим людям. Наун стоит как раз на середине пути от Нерчинска до Пекина. Здесь можно ехать без всякого опасения, «ибо живущие за Аргунью люди есть ясашные государевы иноземцы» или монголы, боящиеся русских. «И та дорога и тем лучше, что от Нерчинского до царства [китайского, – С.К.] везде вода и реки и лес есть, и опасенья, и кражи никакой нет, да и поминков ни которому тайше не дают, также корысть в китайском торгу останется русским людям, а не иноземцам».

4. Вновь открытая дорога через Байкальское море на Селенгу «легче, не так как прежде сего чрез Баргузин. Потому что ныне с Селенги и до Даурских острогов нашли мы новый гладкий путь по Уде реке, и нынче тем путем все служилые и торговые люди ездят из Сибири в Дауры. Потому, что чрез Баргузин море Байкал лютное и горы высокие»¹¹⁸.

5. Ныне «объявился» еще один новый путь через Монголию землями Цецен-хана до большого озера Далай, «про которую дорогу Асканьяма [китайский

¹¹⁸ Бantyш-Каменский Н. Н. Указ. соч. С. 527–528.

чиновник Цинского правительства, – С.К.] сказывал, что ближе ее нет». По ней из Нерчинского города до китайского торгового места у озера ездят за неделю; там ближе всего к российскому пограничному рубежу живут китайские подданные. Пашут хлеб, ездят до Пекина на телегах и быках в три недели. От озера берет начало большая река Аргунь, впадающая в Амур, по которой можно ходить судами, а близ Далай поставить русскую крепость. На берегах Аргуни «иноземцы» в прошлые годы нашли свинцовую руду, из которой плавил олово и серебро, о чем свидетельствуют сохранившиеся старые ямы – копанки. Спафарий докладывал, что прослышав о китайском торге у Далай-озера, он из Селенгинска послал разведчиков к Субедею-Контайше, «который есть брат Чечен-хана», и он обещал провести государевых людей в Китай «без всякого опасения хоть трижды в год». Говорил, что со выюками туда от Селенгинска можно дойти за 4 недели, а на конях – за три. Если же китайцы не пустят в свое царство, то можно открыть торги у Великой стены «в заставном городе». От крепостных ворот Науна до «Далайских ворот» ходу одна неделя, а от последних до Селенгинска и «тобольской» дороги – 10 дней. Через Китайскую стену имеется 130 выездных ворот¹¹⁹.

Остановимся немного подробнее на торговых путях в Забайкалье, чтобы понять те трудности, которые испытывали россияне при сопровождении своих караванов (Рисунок А. 1). В 1675 г. о старом (самом первом) направлении через Баргузин, Николай Спафарий писал в своем походном дневнике: «Байкалом из истока Ангары в Баргузинский острог летом ходят дощаники с запасом из Енисейска и торговые люди чрез море, и ходят в Дауры запасы для служивых людей, а торговые – для торгу». Из Баргузина «ходят для Телембинского и до Нерчинского [острогов] сухим путем верблюдами и кон[я] ми чрез превысокие горы, камени и леса, и болота, с великою трудностью ходят, [другого] такого нужного пути нет; а ходят от Баргузинского до Нерчинского острога 2 недели и больше; да и через море [Байкал] покамест переедут из-за моря, с великим страхом переезжают». Ориентиры направления были следующими: озеро Байкал

¹¹⁹ Бantyш-Каменский Н. Н. Указ. соч. С. 528–529.

– остров Ольхон – Святой Нос – Баргузин. Страх получали от того, что участок Ольхон – Святой Нос имел не только «пучину великую», преодолеваемую в полтора суток, но и частой гибелью во время штормов кораблей («в тех местах многие суда [шторма] разбивают»). Впрочем, как и вдоль всего крутого скалистого побережья Байкала, где «утес каменный» и горы высокие и места самые страшные»¹²⁰.

Хилокское направление активно использовалось весьма краткое время из-за низкого уровня воды в верховьях реки. Первым по нему прошел отряд Петра Бекетова, менее года позже в 1653 г. – отряд воеводы А.Ф. Пашкова. Путь длиной в 12 недель образно описал следуемый с отрядом первый узник Забайкалья протопоп Аввакум Петров¹²¹. Им же намеревалось уйти в Даурию группа илимских восставших беглецов 1671 г., но задержанная иркутскими властями на Ангарской заставе¹²². Другая часть ленских жителей во главе с Никифором Черниговским воспользовалась более освоенным путем по р. Лене в Якутию и оттуда по Тугирскому волоку на Амур¹²³. По описанию «Чертежа всей Сибири» (1667 г.) Тугирский волок преодолевать было трудно: «По этому волоку болота и озера и реки, и путь нужен, потому что через те реки и озера и болота пройдут пеши»¹²⁴.

Тем не менее, «хилокское» направление продолжало действовать. Б. Койэт в 1675 г. писал: «От Селенгинского [острога], по реке Хилке, путешествуют две недели до Даурии, до большой реки Амур»¹²⁵.

Зная о трудностях по р. Хилок и о разразившейся войне в монгольских кочевьях, экспедиция российского посла в Китай Николая Спафария поменяла планы и решила пойти в Даурию более удлиненным, но зато безопасным путем по мало изведанной долине р. Уды. Это была та самая «мунгальская» кочевая тропа,

¹²⁰ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита, 2009. С. 88–89.

¹²¹ Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб., 1887. С. 37; Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное. Чита, 2007.

¹²² Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 61.

¹²³ Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. №. 59. М., 1957. С. 254–309..

¹²⁴ Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 33.

¹²⁵ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 441.

по которой в 1645 г. прошли на Селенгу Костька Москвитин и Якунька Кулаков «с товарищи». Но последующие русские казаки, как очевидно, по ней еще не ходили, предпочитая «баргузинское» направление. Спафарий, кажется, первым оценил его более выгодное значение в достижении Нерчинска сухим путем, и с гордостью писал, что на этой новой дороге «прежде сего никто не бывал». Закупив в Монголии вьючный скот, экспедиция совершила долгий переход, ночуя на реках Курба, Оне, Погромной, на Еравнинских озерах, в Еравнинском остроге, Телембинском, на озере Гороховом, на реках Конда, Читинке, Микишине, Кручине, Толочи, Ингоде, Шилке, Жернокопке, Нерче и в Нерчинском остроге¹²⁶.

Многочисленное и пышное посольство Спафария, сопровождаемое конвоем служилых людей, производило на местных аборигенов сильное впечатление. Сам Спафарий также с гордостью писал: «Мы с караваном ехали строем с береженьем, и издали по степи караван зело велик виделся, и издали не ведающим кажется человек с тысячу и больше»¹²⁷.

В 1687 г. Ф. Авриль назвал «Удинское» направление (Рисунок А. 2, 3), по которой из Москвы в Китай ехал Н. Спафарий, одной из пяти главнейших в России путей сообщения с Китаем. Двумя годами позже по ней проследовал участник Нерчинских переговоров со стороны Китая Жак Жербильтон, оставивший такие комментарии: «От Селенги можно добраться в двадцать дней сухим путем до Нерчинска по очень открытой местности. В ней живут халхасцы <...>. Но так как они были склонны к возмущениям и даже грабили караваны москвитян, то эти последние истребили их почти целиком»¹²⁸. Здесь речь, скорее идет о событии мая 1674 г., когда по жалобе еравнинских тунгусов 400 нерчинских и албазинских казаков под командованием сына боярского Григория Лоншакова и прославленного атамана Никифора Черниговского на притоке р. Уды «сбил» монголов – табангутов (численностью 2-3 тыс. человек) обратно в

¹²⁶ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита, 2009. С. 100–103.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 441, 481.

Монголию¹²⁹. С тех пор эта речка, как и находящееся там село, носит название Погромное.

Что касается Тункинского направления, то оно исключительно служило Иркутску. Проходящий по р. Иркуту между Хамар-Дабаном и Восточными Саянами из Монголии, этот путь непосредственно выходил на воеводский город. По нему ходили «бухарские» караваны, совершали вооруженные нападения отряды монголов, убегали из Приангарья в Монголию обиженные злоупотреблениями Ивана Похабова ясачные кочевники, ходили по следам на розыски беглецов иркутские казаки. Несколько событий зафиксировано документально за 1681 г.: например, осада в сентябре Тункинского острога войсками халхасских ханов и тайшей по дороге на Иркутск. То же повторилось в январе 1682 г. По ней же пошли на заключение перемирия посланники Цеценнойона, тайшей Обоиши Ахая, Мэргэн Ахая и Кинтасия¹³⁰. После окончания войны по Тункинской долине для закупки «в далеких монгольских улусах» ходили для закупки скота иркутские казаки Григорий Кибирев, Андрей Ушаков, Андрей Дмитриев и двое торговых людей¹³¹, а также еще две партии служилых (среди них снова торговый человек Андрей Ушаков)¹³².

В 1675 г. Николай Спафарий, получив сведения о Тункинском пути в Монголию, писал: «А есть дорога степью, которая от Иркутского острогу по реке Иркуте вверх, где ныне иркутские казаки ставят новый острожек для приводу в подданство многих иноземцев; и дорога та идет круг Байкальского Култука и потом степью и падет далеко вверх по Селенге реке, где кочует Очирой Саин-хан и иные мунгальские тайши; и тем путем ездят, когда не могут Байкальского моря проехать для погоды»¹³³.

Случай с ограблением бухарского каравана в 1687 г. (о чем скажем далее) местными аборигенами, хорошо показывает, насколько этот путь был

¹²⁹ Русско-монгольские отношения. 1636–1654. // Сборник документов. М., 1974; Тиваненко А.В. «В государство Российское принять...» (Как происходило вхождение Бурят-Монголии в состав России). Улан-Удэ, 2012. С. 58–59.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 1121. Д. 23. Л. 86, 87, 91, 95–97.

¹³¹ РГАДА. Ф. 1121. Д. 23. Л. 74.

¹³² РГАДА. Ф. 1121. Д. 35. Л. 60–61.

¹³³ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита, 2009. С. 97.

небезопасен. Еще более беспокойным он был до сооружения Тункинской казачьей крепости. В 1647 г. Иван Похабов не смог пройти по Тункинской долине из-за вооруженного противодействия. То же случилось с ним и в 1652 г., когда он со своим отрядом шел по Иркуту. Так произошло и в 1661 г., когда он и Максим Перфильев были вынуждены возвести вверх по реке от Иркутского острога ряд сторожевых постов: Максимовщину, Окинино и Моты. Места были дикие и в мирное время, что видно из текста одной из жалоб казаков: «А жить нам, государь-батюшки на тайге на Мотах не мочно, а места холодные, подморочные, а лесной зверь в розарь разорил и ест нашу скотину»¹³⁴.

В том же году в Тунке чуть не погиб брат И.И. Похабова Я.И. Похабов, направленный на поиски бежавших бурят. В походе казаков застала зима – « в Каменью [так именовали все горы, в данном случае – Восточные Саяны. – С.К.] пал снег великой и захватили морозы лютые и бездорожица непроходимая и голод смертный», а среди купленных и взятых внаймы лошадей начался падеж. Дорога домой оказалась катастрофической: уставших лошадей казаки побросали по степи, «боронишка свои и животишка по дороге разметали и брели путную дорогу пеше, и с голоду нехотя умереть голодную смертью, ели по дороге присталых лошадей, постели и обутки и камос ели». Проведя в пути 8 недель, все без исключения участники похода «испухли и оцынжали и позябли»¹³⁵.

Селенгинское направление в Монголию стало активно разрабатываться со дня построения близ устья Чикоя казачьей крепости в 1665 г. Россиянам пришлось совершить несколько дипломатических и торговых походов из Селенгинска, чтобы снять возникшие недоразумения в связи с глубоким продвижением России в коренные земли халха-монголов. Опись вручаемых ханам и тайшам «государевых» подарков насчитывала более 15 видов наименований. Более-менее спокойная обстановка начала складываться после организации монгольскими кочевниками перегона домашнего скота на продажу в Селенгинск, Удинск и даже в Баргузин, Еравну и Телембу.

¹³⁴ Тиваненко А.В. Вокруг Байкала. Улан-Удэ, 1979. С. 53–54.

¹³⁵ Тиваненко А.В. Указ. соч. С. 55.

Уже с 70-х годов XVII в. Сибирская администрация признала перспективность направления маршрута в Северную Монголию и Китай из Красноярска, Енисейска и Иркутска по долине р. Селенги в Забайкалье. Изменению направления торговых и посольских путей во многом способствовало успешное освоение русскими Восточной Сибири и создание в Удинске и Селенгинске торговых центров. Юрий Крижанич был, пожалуй, первым, кто в XVII веке называл Селенгинскую Даурию наиболее перспективной территорией, где Россия может продемонстрировать себя в роли международного торгового посредника между Западом и Востоком¹³⁶. Когда Николай Спафарий засобирався с посольской миссией в Китай, Крижанич советовал ехать в Пекин только через Забайкалье, и конкретно, через Селенгинск. Да и сам он, суммируя данные устных опросов русских «бывальцев», также отдавал приоритет Селенгинску для установления постоянного зарубежного торгового с Китаем и Монголией. Для уточнения полученных сведений, Спафарий действительно надолго остановился в Селенгинске и через своих торговых людей, направленных под видом закупки вьючных животных в глубины Монголии, он внимательно исследовал направление будущей караванной тропы в Китай¹³⁷.

Он назвал этот путь «новым», «ныне сысканным»¹³⁸, хотя «в прошлых годах ходили торговые и служилые люди», и дал ему подробное описание¹³⁹. При этом Спафарий ссылается на сведения, полученные от участников накануне совершенной в Пекин торговой экспедиции приказчика Селенгинского острога Ивана Поршенникова и торгового гостя Г.Р. Никитина. После Спафария в 1678 г. описанным им путем воспользовались по поручению нового приказчика сына боярского Данила Строганова казаки и торговые люди Иван Старцев, Федор Оглоблин, Иван Новосельцев, Степан Голудин, Ларион Кириллов, Дмитрий Константинов, Моисей Тнихин, Никифор Кузнец и Афанасий Константинов¹⁴⁰. В январе 1684 г. тем же путем в улусы Очирой Саин-хана и тайши Цынбена из

¹³⁶ Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 483.

¹³⁷ Спафарий Н. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 178.

¹³⁸ Спафарий Н. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 176.

¹³⁹ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита, 2009. С. 128–129.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 1142. Д. 6. Л. 85–86.

Селенгинска за скотом отправились служилые люди во главе с Тарасом Афанасьевым¹⁴¹. Такие же сведения о «селенгинском» направлении от Поршенникова и Никитина получил иностранный гость в России Б. Койэт, который одновременно с заключением Николая Спафария писал: «От Селенгинского [острога] до владений Китайских живут монгольские народы; здесь приходится идти с товарами целый месяц <...>. Эти народы, живущие от Селенгинского [острога] до Китая миролюбивы и тихи и торгуют с населением Китая <...>»¹⁴².

Все посольские, торговые и казачьи экспедиции составляли примерные картосхемы своих маршрутов, которыми пользовались их последователи. Так, служилые люди Петра Бекетова в 1653 г. сочинили «Чертеж» рек Иргень, Хилок, Ингоды и Шилки. Приказчик Селенгинского острога И.П. Поршенников в 1678 г. начертил схему Селенги¹⁴³. С.В. Поляков в 1674 г. составил «Чертеж» р. Селенги и «Большой чертеж Енисейскому и Селенгинскому острогам и Даурам, и Мунгалам, и Китайскому и Никанскому государствам»¹⁴⁴. Несколько позднее составлялись «Чертежи» Амура и его северных притоков (Зеи и др.), сыгравших отрицательную судьбу во время Нерчинских переговоров по Амурскому вопросу 1689 г. В нашем распоряжении имеются схемы карт Байкала и бассейна р. Селенги П. Годунова (1667 г.), «Чертежи сибирской земли» (1672 г.), А.А. Виниуса (1689 г.), С.У. Ремезова (1701 г.), П. Кириллова (1734 г.), Д. Данвиля (1737 г.), Дорна (1760-1776 гг.)¹⁴⁵.

Ф. Авриль в 1687 г. описал шесть различных дорог Российского государства в Китай, начиная с Восточного Туркестана, примыкающего к Средней Азии. Из них три приходилось на Сибирь и Забайкалье: от Удинска по р. Уде на Телембу и далее «баргузинским» направлением до Нерчинска; от Нерчинска на р. Шилке, затем по монгольским степям до озера Далай в Китае. «Из Нерчинска до этого

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1121. Д. 63. Л. 37–40; Д. 84. Л. 37–38; Ф. 214. Стлб. 913. Ч. 2. Л. 398–408; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1869. Т. 11. № 21/1.

¹⁴² Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 441.

¹⁴³ Бодчарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. Т. I. М., 1947. С. 46–52; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. С. 45.

¹⁴⁴ Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959. С. 36.

¹⁴⁵ Тиваненко А.В. Вокруг Байкала. Улан-Удэ, 1979. С. 47.

озера достигают в неделю». Там китайский чиновник раз в три года встречает московский караван и препровождает его с прибывшими купцами в Пекин, заботясь о безопасности и скором продвижении. Но самым лучшим из трех «забайкальских» путей Авриль считал «селенгинское» направление. От Селенгинска караваны шли сухим путем до Монголии. «Потребно восемь недель пути на проезд от упомянутого города до места, где обитают тайша или хан Бешроссани и Хутухта-лама». От него за вручаемые подарки «легко получают <...> проводников и необходимые телеги со стражей до самого Китая». Этим направлением московские купцы стали чаще всего пользоваться с момента «войны москвитян и китайцев на Амуре; кроме того, она вообще самая безопасная и самая удобная из всех. [Только должно запастись в некоторых местах водою и дровами по причине отсутствия рек и лесов. – С.К.]. И хотя на дороге встречаются разбойники, но их мало и они не так свирепы как в других местах»¹⁴⁶.

При помощи таких карт и описаний посланцы и путешественники в Китай знали о дорогах в Забайкалье гораздо больше, чем других регионов Средней Азии и Западной Сибири и всегда ими пользовались (Н.Г. Спафарий, Ф. Авриль, Ж. Жербильтон, И. Идес, А. Бранд и другие)¹⁴⁷. Не в пример «баргузинскому» направлению, «селенгинское», пролежавшее по степи, быстро обрастало цепочкой русских поселений, особенно от Байкала до устья Хилка, по Ингоде и Шилке и далее: Посольск, Кабанск, Ильинка, Удинск, Селенгинск, Посольский и Селенгинский монастыри, где возникало первое в крае пахотное земледелие. Служилые и торговые люди Забайкалья в 1684 г. так расписывали удобство «селенгинского» направления Енисейскому воеводе кн. К.О. Щербакову: «Мимо Удинского острога в Даурские и из Даурских острогов с казнами великих государей и со всякими делы, и служивым и торговым, и промышленным и всяким людям проезд большой бывает, и в казну великих государей в том Удинском остроге пошлины обретаются; и за тем де Удинским острогом жить служилым и ясным людям и пашенным крестьяном от приходу воинских

¹⁴⁶ Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 469.

¹⁴⁷ Там же.

людей впредь будет безстрашно и оберегательно»¹⁴⁸. К 1685 г. общая численность гарнизона только в Селенгинском остроге составляла 157 человек¹⁴⁹. Количество служилых людей всех сторожевых постов по «баргузинскому» направлению была на порядок ниже: по данным 1662 г. в Нерчинском, Иргенском и Телембинском острогах состояло не свыше 65 человек¹⁵⁰. Причем не нужно забывать, что в те годы Баргузинский, Еравнинский Телембинский и Удинский остроги содержались за счет численности гарнизона Селенгинского острога, имея только по 10–20 сменных казаков в каждом. Тем более, что на окружающих землях не родился хлеб, и его приходилось завозить караванами. Закупаемое в Омске зерно доставлялось в Усть-Илимск, оттуда в Иркутск и далее по Байкалу и Селенге до Удинска. Оттуда сплавом или сухим путем возили до Нерчинска по р. Хилок и Ингоде, и уже оттуда провиант достигал всех других острогов и зимовий. В одной из челобитных забайкальские казаки описали трудности пути от Удинска до Нерчинска, для преодоления которого уходили до трех месяцев¹⁵¹.

Из всех направлений пути от истока Ангары до Нерчинска к рубежу XVII–XVIII вв. на карте Семена Ремезова наиболее популярными обозначены 2 – по реке Хилок и Уде: «р. Хилок, а по ней в прежние годы ходили малыми судами до Иргенского [острога] в Нерчинский [острог]»; о долине р. Уда сказано: «Дорога в Нерчинский [острог] от Удинска до Яравнинской телегами езду 10 дней налегке». Как видим, «баргузинское» направление в Нерчинск уже отошло на второй план из-за неустроенности пересечения Икатского хребта, но оно продолжало действовать от Еравнинского острога, где начинался удобный колесный путь. Обозначено на карте и «селенгинское» направление, но как к «мунгальским кочевным людям», поскольку по Нерчинскому пограничному договору 1689 г. право международной государственной торговли с Китаем обрел лишь город Нерчинск.

¹⁴⁸ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1869. Т. 11. № 34. С. 117.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Стлб. 974. Ч. II. Л. 171–173; Кн. 583. Л. 210–241.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Стлб. 132, Л. 154–161.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Стлб. 255. Ч. II. Л. 419–421.

Таким образом, удачно начатое на рубеже XVI–XVII вв. направление следования торговых караванов из городов Западной Сибири через Монголию в Пекин было прервано и более не возобновлялось по причине разразившейся в Центральной Азии междоусобной войны калмыков и монголов. Вместо него русские казачьи отряды, продвигаясь по Восточной Сибири на восток, искали и осваивали новые направления. Из трех сложившихся для проводки торговых купеческих караванов наиболее удобным было признано «Селенгинское». Им и пользовались до тех пор, пока война (1667–1698 гг.) между Галданом и Бушухтуханом не затронула восточных районов Монголии, граничащих с Китаем.

Не менее активно действовало до 1658 года «Баргузинское направление» через озеро Байкал, Баргузинские степи, Икатский хребет, верховий р. Уды на Нерчинск, для охраны которого выстроили сеть защитных крепостей. С построением Удинска путь по нему облегчился степью по долине р. Уды на соединение в районе Телембинского острога, по которому через столетие был проведен «Московский тракт». Направление по р. Хилку не «пошло» по причине маловодности реки. «Селенгинское» же направление в полную силу заработало только с начала XVIII в., когда китайские власти вытеснили русских торговцев из Пекина в Наун (Цицикар) и далее за северную границу своей империи.

1.2 Зарождение приграничных торгово-обменных операций через Селенгинск

Первые попытки свободной зарубежной торговли с Монголией из Западного Забайкалья зафиксированы документально в 1647–1650 гг.

Исполняя Наказ Сибирского приказа о поисках месторождений серебряной руды на востоке, посланцы атамана Василия Колесникова из Верхнеангарского острожка Костька Иванов Москвитин, Ивашко Артемьев и Ивашко Самойлов с проводниками–тунгусами перевалили Икатский хребет в Баргузинской долине на Еравнинские озера и оттуда по р. Уде достигли Селенги. Оттуда россияне прибыли в ставку большого бурятского князя Турухай-Табунана и потребовали от

него указать дорогу в Китай, откуда поступают серебряные предметы. Но, князь отпустил казаков только до своего тестя – монгольского Цецен-хана Шолоя. Владыка Халхи также ответил отказом, боясь дипломатических осложнений с властями Поднебесной империи.

Отметим, что поначалу Цецен-хан не желал принимать «непрощенных» гостей, впервые прибывших из северных пределов в его кочевья. Причина оказалась простой: его чиновники сказали казакам откровенно – их царь примет россиян только в том случае, если «у них есть от их государя подарки». Но таких подарков, и тем более полномочий от царя, у них не было. Что касается личных вещей, то Москвитин, Артемьев и Самойлов имели на всех лишь «однорядку голубого сукна, шкурки 3 бобров, 3 выдр и вершок красного сукна» на случай, если придется менять их у монголов на съестные припасы. Потомок Чингис-хана удовлетворился и столь скромным подношением взамен выданного на прокорм довольствия гостям на несколько дней обратной дороги ¹⁵².

Поход к Турухай-Табунаму и Цецен-хану на следующий год атамана Ивана Ивановича Похабова еще более раскрыл натуру монголо-бурятских владельцев как вымогателей. Преподнеся им «государевы подарки» в виде 2 сороков соболей, 5 аршин красного сукна, 1 аршин сукна вишневого цвета, а брату Цецен-хана кутухте Ундур-гэгэну – 6 пар соболей и 2 аршина сукна, Похабов надеялся, что таким образом те укажут россиянам дорогу в Китай и проводят казачий отряд до его порубежных окраинных городов. Однако они были непреклонны в своем отказе, хотя совместно выразили желание при получении еще более богатых подарков от московского царя войти в Российское государство, и даже снарядили свою посольскую миссию в Москву. По окончании переговоров Турухай-Табунан взял «у него, у Ивана, силою топорок да натруску с порохом, да у казака взял пищаль». Не отстал от него и Цецен-хан, также отобрав у Похабова «пищаль

¹⁵² Русско-китайские отношения в XVII веке. // Материалы и документы. Т.1 (1608–1683). М., 1969. С. 122–124; Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты XVII в. // «Исторический вестник». СПб., 1891. № 46. С. 168–171.

гладкую с лядункою и натрускою», после чего «отпустил ево с послами своими к государю к Москве»¹⁵³.

Монгольское посольство вернулось из Москвы в составе ответной российской миссии сына боярского Ерофея Заболоцкого в сентябре 1650 г. Накануне прибытия один из заявителей Цецен-хан Шолой умер, а его зять, второй заявитель, Турухай-Табунан, не пожелал стать вассалом России, и не нашел ничего разумного для отказа, как отдать распоряжение своим людям убить на Байкале прибывших посланцев, хотя те везли весьма значительные по ценности «государевы подарки». Оставшиеся члены вероломно убиенных бурятами российской дипломатической миссии, выполнив поставленные государем задачи ратификации грамоты на месте, отказались идти домой до тех пор, пока монголо-бурятские ханы не найдут убийц.

Стремясь сократить время ожидания расследования, ханы дали послам питание только на 5 недель. Когда срок вышел, вдова умершего Цецен-хана Тайка и Турухай-Табунан практически силою выдворили россиян из страны, и ограбив их при расставании. Теща и зять «взяли силою товаров: кож и сукно и всякой товарной мелочи, ценю до 50 рублей, а за то ничево не дали». Голодные члены посольства начали сами покупать пропитание на свои деньги, побираясь по монгольским улусам, заплатив еще 27 рублей. Наконец, отпустив гостей со своей новой ставки на реке Шилке до Баргузинского острога, Турухай-Табунан снабдил россиян лошадьми, подводами и провожатыми – 10 бурятами. Но те через два дня пути, ограбили дипломатов, «и ружье и запас и всякую рухлядь и подводные лошади отняли, и побить хотели до смерти, а сами поворотились назад». Заменивший убиенного Ерофея Заболоцкого толмач Панфилко Семенов «с товарищи» еще 9 дней шли пешком по незнакомым местам «с большею нужею и голодом»¹⁵⁴.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 124. Д. 2. Л. 3–14; Русско-китайские отношения в XVII веке. // Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М., 1969: Док. 54. С. 124–126.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 220. Л. 73–91; Оглоблин Н.Н. Сибирские дипломаты XVII в. // Исторический вестник. СПб, 1891. Т. 46. С. 161–68 (в пересказе); Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1636–1654 гг. М., 1974. С. 352. Документ именуется: «Доезд толмача П. Семенова, поданный в Енисейской приказной избе, о посольстве к Ахай-хатун и Турухай-Табунану», между 13 июня 1649 г. – 13 сентября 1652 г.

Если послы миссии Ерофея Заболоцкого торговать были вынуждены, то атаман Петр Бекетов в своей челобитной от июля-августа 1653 г. енисейскому воеводе А.Ф. Пашкову признался, что проявил интерес к коммерческой торговле. Живя у монгольского царевича Контайши 3 недели в устье Чикоя, россияне испросили разрешение торговать своими товарами на обмен, на что согласие было получено. Монголы также проявили интерес к начинанию, и в каждом улусе выставляли на торги свои предметы. Однако хорошего торга не получилось из-за разницы интересов между возможностью россиян и запросами степных кочевников. «И у нас де по грехом товары были не на их руку, торговать де с ними у нас с мунгальскими людьми нечем: были де у нас котлы да олово, да сукно красное летчина, да топоры и ножи. И тому де товару в Мунгальской земле походу нет, а спрашивают де у нас товару – выдер, бобры, соболей¹⁵⁵.

Активизация зарубежной торговли с Монголией, во многом теперь базировавшейся на государственном уровне, началась после построения в 1665 г. Селенгинского и в 1666 г. Удинского острогов. Енисейский воевода К.А. Яковлев с разрешения Москвы поручил сыну боярскому Ивану Перфильеву в 1668 г. совершить дипломатическую поездку к монгольскому Кукан-хану с царской грамотой и государевыми подарками. Собственно, это была разведывательная экспедиция в связи со слухами о готовящемся нападении монгольских ханов на прибайкальских аборигенов и на русские крепости. Однако в наказе содержались три конкретные цели – склонить монголов к мирному существованию, не мешать обживать казакам Селенгинского острога забайкальские земли, попросить о свободном пропуске русских торговых людей и дипломатов через Монголию в Китай.

Действуя по инструкции, Иван Перфильев сразу же бесцеремонно потребовал от Кукан-хана войти в российское подданство и ежегодно платить дань, не ходить войной на Селенгинск, содействовать открытию путей в Китайское государство. При этом он вручил хану царскую грамоту и дал «государево жалование» за будущую службу – 10 аршин красного английского

¹⁵⁵ Архив Академии Наук (ААН). Ф. 21. Оп. 4. Кн. 22. Док. 178. Л. 264. Об. 275.

сукна. Кукан-хан не подал виду, что оскорблен столь грубым требованием о принятии подданства, ограничившись молчанием. Его зайсаны затем говорили Перфильеву, что их владыка «великого государя грамоте и жалованию не порадовался». Вероятно, все это было отдано назад, так как ханские чиновники после этого не раз приезжали к россиянам, требуя назад государеву грамоту и его дары. Следующим образом Кукан-хан ответил Ивану Перфильеву: ходить войной на Селенгинск не будем, но вместо ясака станем посылать российскому государю «гостинцы», если случится. «А в Китайское де государство великого государя людей пропускать и провожатых давать не смеем, потому что де есть иные мунгальские цари и многие тайши, либо де от них учинитца великого государя людям какая беда и убийство и на нас де будет гнев великого государя и путь де от них до Китайского государства далек – ходят де по три года»¹⁵⁶.

Последний довод оказался ложью. Улусные люди втайне поведали русскому посланнику, что они ездят до китайских пограничных городов всего 15 дней. Монголы торгуют с китайцами скотом и соболями. Сухопутных рек нет – торговые караваны все время идут степью и пустынями, местами есть леса и горные хребты. С учетом дневок и торговли, путь в оба конца занимает не более 3 месяцев. Выслушав простых людей, Иван Перфильев в отчете сибирской администрации писал: «А торгуют монгольские люди скотом и соболями с китайскими людьми на серебро и тем серебром у них же купят всякие товары: бархаты, камку и атласы кумачи, а к себе мало вывозят серебра. А мунгальские люди теми товары торгуют и продают русским людям на соболи, на выдры, на бобры, на кожи красные, а всякого товару дороже купят соболи добрые»¹⁵⁷.

Завершилась разведочная экспедиция большим уроном для россиян. На обратном пути сопровождающие Кукан-хана люди хотели посланцев ограбить и убить. «И в осаде мы сидели меж мунгальскими восемь дней; никуда не выпускали и корм покупающе ели». У них были отобраны подводы и лошади, так

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 268. Портфели Юни. Стлб. 7. Л. 1–15.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 268. Портфели Юни. Стлб. 7. Л. 1–15.

что дальнейший путь до Селенгинска 22 человека проделали пешком, страдая от голода¹⁵⁸.

Такому смелому походу селенгинских казаков в глубины монгольских кочевий способствовало, пожалуй, то обстоятельство, что ургинский кутухта Ундур-гэгэн проявил интерес к сотрудничеству с Россией, пригласив к себе один за другим два посольства. О первом из них (Бубенного) 1665 года известно, что оно было направлено по желанию самого Кутухты и монгольских тайшей Санги и Чокура, которые в то время казались расположенными принять российское подданство. С той же целью в 1675 г. к Ундур-гэгэну ездил Павел Кульвинский. В знак согласия монгольский князь отправил в Москву своих послов и подарки царю (серебряный кубок, камку, атлас). Ему от государя не раз посылались грамоты и ответные подарки¹⁵⁹.

Второй поход Ивана Перфильева в Монголию, уже к хану Очирою, состоялся в 1673 г. В его отряде состояли основатель Селенгинска казачий пятидесятник Осип Васильев в роли толмача, рядовые служилые Афонька Корнеев, Савка Бердоносов, Федька Филиппов Шиган, Васька Власьев, Федька Иванов Шадра, Стенька и Еремка Михайловы, Лучка Ондреев, Тимошка Григорьев, Данилко Уразов¹⁶⁰. На этот раз Москва подготовила визит более основательно. Помимо царской грамоты был значительно увеличен объем государевых подарков не только самому Очирою, но и его брату Батуру-тайше: Очирой-хану – «10 аршин сукна вишневого кармазину, 2 камки атласа, 200 корольков красных, 6 юфтей кожи телятиных»; Батуру-тайше – «5 аршин сукна кармазину, 10 аршин камки, 200 корольков, 4 юфты кож телятиных»¹⁶¹.

После неудачного призыва принять Российское подданство, Иван Перфильев перешел к оглашению двух других поручений Правительства:

1. Не притеснять казаков Селенгинского острога;

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 268. Портфели Юни. Стлб. 3. Л. 1-4.

¹⁵⁹ Дополнени к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб, 1857. Т.6. № 132. С. 395.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 268. Портфели Юни. Стлб. 4. Л.1-5.

¹⁶¹ Там же.

2. Пропускать торговых людей в Китай и обеспечивать караваны кормами, подводами, лошадьми и верблюдами, охраной-проводатыми. А помня предыдущий случай ограбления, добавил – «обид и грабежей не делать».

Как очевидно, за два года монгольские ханы ничего не сделали в деле урегулирования дипломатических и торговых отношений между странами. Хотя никаких документов подписано не было, однако россияне, похоже, все смелее занимались в Монголии крупными зарубежными торговыми операциями. В этом убеждает наказная память от 1688 г. иркутского воеводы И.А. Власова тому же Ивану Перфильеву, назначенному приказчиком Селенгинского острога. Касательно походов торговых людей за рубеж по монгольским кочевьям, Власов писал: «Да и того ему Ивану смотреть накрепко, чтоб служилые и всяких чинов люди в иноземцы ружья и пороху и свинцу и ни с какой служилой рухлядью и ни с каким товары и никаких людей не отписався к стольнику и воеводе к Ивану Остафьевичу [Власову, – С.К.] не отпускать»¹⁶².

Скорее всего, такому запрету способствовала в целом удачная инициатива предыдущего приказчика Селенгинского острога Ивана Перфильевича Поршенникова и приказчика торгового гостя Е.И. Филатьева Гавриила Романовича Никитина о направлении торгового каравана в Пекин. Они выехали из Селенгинска в августе 1671 г. и благополучно миновали монгольские степи. Об этой экспедиции историк С.В. Бахрушин по документам Посольского приказа писал: «Это был, кажется, первый русский караван, проникший в Срединную империю и разрушивший легенду о непроходимости монгольских пустынь: в состав его входило человек 40 служилых и торговых людей». При караване находился и китайский крещенный переводчик, принявший российское подданство еще в 50-х годах XVII в.»¹⁶³.

18 июня 1675 г. с Г.Р. Никитиным, только что вернувшимся из Пекина, встретился Н.Г. Спафарий и записал с его слов весь пройденный путь. Основные

¹⁶² РГАДА. Ф. 268. Портфели Юни. Стлб. 7. Л. 1–15.

¹⁶³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч.1. М., 1955. С. 228; Статейный список посольства Н. Спафария в Китай. «Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом». Вып. XVII. СПб., 1906. Отд. II. С. 194.

ориентиры: Селенгинск – реки Бура – Иро – Кара – Битыгей – Бора – Дзагдо – Ногой – Уй – Бургадай – Тола – (на ней ставка – город Кутухты-ламы) – Анбучи – степь Гоби – речка Анбучи (на ней крайний пограничный караул китайцев) – город Калган. Итого в пути 12 недель. Селенгинцы отмечали отсутствие лесов (а с ними и отсутствие дров), кроме небольшого хребта у речки Бургадай. Что касается Гоби, то это – «земная пустота», «конца ее никто не ведает – будто море»: поэтому в ней никто не живет из-за отсутствия кормов, воды, дров, сплошь покрытый щебнем и песком¹⁶⁴.

Прибытие торгового каравана селенгинцев в Пекин вызвало большой интерес у китайцев. Экспедицию приняли за российскую посольскую миссию и удостоили аудиенции с Богдыханом, во время которой случился казус: выяснилось, что Поршенников и Никитин не имеют никаких полномочий, «а сами от себя торгуют»¹⁶⁵.

Никитин сказал Николаю Спафарию, что пройденная дорога через монгольские степи и пустыни не являлась неизвестной. Его караван из тяжело нагруженных верблюдов, шел 8 недель также, «как в прошлых годах ходили торговые и служилые люди» (Рисунок А. 4), но только торг их был дело некорыстен против прежнего, для того что у китайцев началась война с Никанским царством»¹⁶⁶ («Никанское царство» – это Южный Китай, боровшийся против маньчжурской агрессии).

Здесь Никитин, скорее всего, имел в виду поездку драгунской сотни капитана Степана Полякова, в 1673 г. направленного из Тобольска для досмотра накануне поставленного Селенгинского острога и описанию окружающих мест. Интерес его пал в основном на Монголию, где он посетил и описал кочующих вверх по Селенге (вплоть до озера Косогол) тунгусов, баргутов, тувинцев, монголов и других. Они говорили, что от Селенгинской крепости до Китайского государства нужно ехать на конях с вьюками месяц, на верблюдах и быках, при овечьем гурте

¹⁶⁴ Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь до границ Китая. Чита, 2009. С. 94–95.

¹⁶⁵ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 228.

¹⁶⁶ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882. С.170.

– полтора. «А от торговых людей Российскому государству в пошлинах будет большая прибыль». Они же дали основные ориентиры дороги в Китай. На их основе Степан Поляков составил чертеж «и даурам, и мунгалам и Китайскому и Никанскому государствам», за который он ручался, так как «он, Степан Поляков в тех местах бывал»¹⁶⁷. Однако относительно «некорыстных торгов» Г.Р. Никитин не совсем прав: известно, что в тот год китайские товары, вывезенные через Селенгинск, составили 9/10 всех подобных товаров, поступивших в Тобольск¹⁶⁸.

Важные сведения о российско-монгольской торговле через Селенгинск мы находили в «Записках» 1675 г. российского посла в Китай Николая Спафария. Свой поход за Байкал он намеревался также начать от Селенгинского острога, но, получив известие о междоусобной войне между монгольскими ханами, он изменил направление, о чем скажем отдельно. В ожидании покупки ездовых животных, посол собирал от селенгинцев сведения о торговых путях за рубежом. Выяснилось, что в Монголии по-прежнему действует запрет на продвижение торговых караванов. Поэтому далее 5 дней пути от крепости, россияне имели о направлении в Китай смутные представления, поскольку монголы далее их не пропускали. Но знающие люди говорили: по Селенге от острога «можно ехать большими судами далеко вверх, потому что река большая»¹⁶⁹. Через две недели пути можно попасть на большое озеро Косогор (Косогол); его берега обходят за 3 месяца. Отсюда «можно прямой путь сыскать <...> в Китайской государство». Здесь явное преувеличение времени, затрачиваемого в пути, и более длинное направление до Китая, чем прямой по маршруту Селенгинск – Тола – Гоби – Калган. И это позволяет усомниться, что Спафарий путешествовал по Монголии, что он, собственно, признает и сам, сообщая, как ждал в Селенгинске отправленных казаков для покупки выючного скота в дальних монгольских кочевьях. Они вернулись 5 ноября, после чего посольство продолжило путь в Китай по северному направлению через Даурию на Нерчинск.

¹⁶⁷ Там же. С. 163–164.

¹⁶⁸ Вилков О.Н. Китайские торги на Тобольском рынке в XVII в. // История СССР. 1958. № 1. С. 110–111.

¹⁶⁹ Вилков О.Н. Указ. соч. 1958. № 1. С. 96–97

В 1678 г. через Монголию в Китай отправился еще один торговый караван, отпущенный Селенгинским приказчиком сыном боярским Даниилом Строгановым. Организовали его торговые люди Иван Старцев, Федор Оглоблин, Иван Новосильцев, Моисей Галактионов Тнихин, Никифор Онофриев Кузнец. Особенностью каравана явилось то, что перечисленные люди уже были начинающими российскими купцами, привозившие свои товары из Иркутска, Ваги, Вычегды, Великого Устюга¹⁷⁰.

Примерно с этого времени в Забайкалье начались ответные торговые посольства монголов. Халхаские торговцы все увереннее действовали в русских пределах, добираясь на севере вплоть до Баргузинского острога, Еравны и Телембы. Известен, к примеру, заезд в 1682 г. в Селенгинск «с торги» монголов от Очирой Саин-хана¹⁷¹. Особенно часто и раньше монголы гоняли скот на рынок Иркутска через Тункинскую долину. По ней же ходили в Монголию и казаки. В 1675 г. из «дальних улусов» тайши Цынбана россияне пригнали в Селенгинск для Российского посланника Николая Спафария купленные табуны лошадей и верблюдов¹⁷². В конце 1681 г. «к крайним мунгальским людям» отправились за скотом трое казаков и двое торговых людей (Григорий Кибиров, Андрей Ушаков, Андрей Дмитриев и др.)¹⁷³. В августе 1682 г. туда же выехали еще две партии иркутских казаков (среди них снова «гость» Андрей Ушаков)¹⁷⁴. В январе 1684 г. уже из Селенгинска в кочевья Очирой Саин-хана за скотом направился отряд служилых людей во главе с Тарасом Афанасьевым¹⁷⁵. Впрочем, при рассмотрении дел Российского государственного архива древних актов выявляются десятки подобных примеров русско-монгольской торговли скотом.

Интересно, что развитию зарубежной торговли не помешали разразившиеся в Монголии и Забайкалье военные действия войск монгольской знати,

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 1142. Д. 6. Л. 85-86.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 1121. Д. 23. Л. 56.

¹⁷² Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882. С.135.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 1121. Д. 23. Л. 74.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 1121. Д. 35. Л. 60-61; Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России Улан-Удэ, 1958. С. 60.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 1121. Д. 63. Л. 37-40; Д. 84. Л. 37-38; Ф. 214. Стлб. 913. Ч. 2. Л. 398-408; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб, 1869. Т. 11. № 21/1.

действовавших по указке Цинских властей. «Заморские» товары свободно продавались на рынках Селенгинска, Удинска, Нерчинска, окруженных врагами-кочевниками. Но о видах этих товаров и ценовой политики мы скажем далее. Более того, приоритетная роль Селенгинского направления возросла к рубежу XVII–XVIII вв. после уточнения российско-китайской границы посольством С.В. Владиславича-Рагузинского. Селенгинск с рядом возведенной Петропавловской крепостью превратился в основные «ворота» зарубежной торговли России со странами Востока.

О начале заграничной торговли через Селенгинск Ю.Д. Крижанич писал, что забайкальские кочевники внимательно следили за продвижениями торговых русских караванов в Китай и охотно помогали им в трудную минуту. Например, в 1667–1668 гг. тобольский воевода Петр Годунов снарядил в Китай экспедицию с сибирскими товарами для меновой торговли. Достигнув Пекина и сделав там свое дело, россияне направились домой. Однако миновав Великую Китайскую стену, они узнали о разразившейся войне между монголами и ойратами. Видя опасность дальнейшего пути, торговый караван задержался в пределах Китая до окончания междоусобных распрей, находясь в сильном страхе за свою судьбу и судьбу вывозимых предметов. Стояли лагерем у Великой стены два месяца, каким-то образом дав сигнал в ближайший Селенгинск. На выручку соотечественников, по просьбе воеводы, срочно направился некий тайша местных бурят со своим военным отрядом. Ему удалось благополучно дойти до Китая и сопроводить под конвоем торговцев до города Енисейска на своих лошадях и верблюдах. Буряты привезли воеводе и письмо своего селенгинского тайши с заверением и в дальнейшем содействовать московским дипломатам и торговым людям в беспрепятственном пути до столицы Китая¹⁷⁶.

Из «восточных» посольств того времени нам известны походы Василия Былина и Сеиткула Аблина (1668 г.), причем С. Аблин действительно ходил с торговыми целями в Пекин. Потомки умершего в 1650 г. Цецен-хана Шолоя

¹⁷⁶ Крижанич Ю.Д. История о Сибири. // Цит. по: Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941. С. 553–565.

подкочевывали зимою к степям Селенгинского острога, где располагалась ставка его зятя – главного бурятского князя Турухай-табунана Борсая¹⁷⁷. Потомки эти на то время действительно воевали с джунгарским Бушухту-ханом за господство в Центральной Азии.

Эта история подтверждается документально. Тобольский юртовский бухарец Сеиткул Аблин вез в Пекин 1082 аршина сукон разных сортов, 4 зеркала, 20 фунтов красных корольков, 60 кож позолоченных и 397 юфтей кож красных, 10 «Зрительных» немецких трубок и медные часы с боем; но главную массу составили меха – 3574 шкурок горностаев, 1719 песцов, 1500 белок, 788 лисиц красных и 2 бурых, 163 выдры, 2 волка и 80 заячьих шкурок¹⁷⁸. Обратный путь оказался трудным из-за монголо-джунгарской войны, из-за которой произошла долгая остановка, пока на помощь не прибыли селенгинцы. Опасаться разбоя ему было почему: Аблин вез 2334 косяка шелковых тканей, 144 аршина бархата, 33 000 аршин китайки и 2532 драгоценных камня, 7 пудов бадьяну и 5 пудов шелка-сырца. Стоимость всех товаров торгового каравана оценивалась в 18751 рубль по московской цене¹⁷⁹. Домой до Тобольска Сеиткул Аблин добрался только более чем через 4 года, в 1672 г.

Однако в целом благожелательная политика монголов к организации торговых караванов России с их страной часто омрачалась разбойными действиями самих же кочевников. В документах той поры имеется много свидетельств о нападениях на русские селения, угоне скота, взятии в плен крестьян и даже убийства. О судьбе пленных свидетельствует толмач Селенгинского острога Пашко Черемной. Поехав торговать в улусы табанутов, к речке Киряне (совр. Киране) нашел монгольских людей, мучивших его товарища по селенгинской казачьей службе Савву Денисова. Ему удалось выкупить из неволи у улусных людей Ацырена Сухалая своего соотечественника за 1 портище красного сукна, шкурку выдры, кожу выделанную красную, 2 нити бус мелких корольков красных, всего по цене 13 рублей и 25 алтын, то есть на все, что он вез

¹⁷⁷ Тиваненко А.В. Указ. соч.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 535. Л. 144.

¹⁷⁹ Там же. Л. 207–213.

торговать. Но в Селенгинске Данилов вскоре умер от нанесенных во время монгольских пыток увечий¹⁸⁰.

Самое крупное разбойное нападение на торгующих людей случилось в 1680 г. на «бухарский» караван, следовавший через Тункинскую долину в Иркутск. Но здесь были свои объективные причины, связанные с конкуренцией. Первое время становления зарубежной торговли на Востоке было связано с конкуренцией между россиянами и «бухарскими» купцами. Последние, прочно обосновавшись в Западной Сибири, пытались перехватить стратегическую инициативу в Монголии и Восточной Сибири. Еще Российский посланник в Китай (1675-1676 гг.) Н.Г. Спафарий-Милеску извещал Москву, что его посольство «тем бухарским и татарским торговым людям дело нелюбо, для того буде даст бог устроиться сей путь [через Забайкалье – С.К.] в Китай, тогда весь торг будут промышлять русские люди, а их промысел останется». Боясь конкуренции, «бухарцы» настраивали маньчжурские власти против русских, стремясь воспретить их появление на китайском рынке¹⁸¹.

Чувствуя себя вольготно в Центральной Азии, «бухарские» торговые люди с 1680-х гг. начали проникать и к берегам Байкала, получив дипломатическую защиту в лице посольств из Джунгарии, и всякий раз приезжали в Иркутск только в составе представителей этого степного государства (чем они пользовались, между прочим, и в Западной Сибири). Правда, имеются сведения о наличии у прибайкальских бурят бухарских товаров еще за 1626 г.¹⁸², но они могли попасть туда и в составе их «зарубежной» торговли с Монголией или Западной Сибирью.

Первый такой большой караван прибыл с посольством Мэргэн Косючи и Мэргэн Баахана 15 октября 1684 г. 170 тяжело нагруженных верблюдов «из-за Камня» (Восточные Саяны) вышли на Иркут и появились у стен Тункинского острога. Экстраординарное событие заставило коменданта казачьей крепости С. Могулева задержать посольство и торговый караван и известить о прибывших

¹⁸⁰ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1999. Т. 4: Кн. 3 (С – Я). С. 230–231.

¹⁸¹ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882. С. 172.

¹⁸² Окладников А.П. «Очерки из истории западных бурят-монголов Л., 1937. С. 33.

иностранцах иркутскому воеводе Л.К. Кислянскому. Недоуменный необъявленным визитом, Кислянский дал распоряжение пропустить караван и обеспечить ему безопасность на пути к Иркутску.

Под Иркутском «бухарцы» 8 ноября установили на берегу Ангары 30 юрт, готовясь к торгам. Между 8–10 ноября воевода известил енисейского коменданта князя К.О. Щербатова о прибывших посланцах калмыцкого Бушухту-хана и о состоявшихся с ними переговорах. При этом сказал о торговцах следующее: «Да с ним же [с посольством,– С.К.] пришло торговых людей бухарцев с товаром, с женами и с детьми и с юртами 70 человек, на 470 верблюдах, всего 30 юрт. Сами послы сказали, что их послал сам Бушухту-хан, чтобы проведать государеву землю и бухарцев с торгом, чтобы де жить в мире и впредь приезжать и торговать». Л.К. Кислянский на это дал согласие: «...Живя в мире, впредь с нами торгуйте»¹⁸³. Поэтому Джунгарское посольство и «бухарские» купцы были встречены в Иркутске очень тепло.

Осуществленный торг произвел большое впечатление на иркутян своей масштабностью и перечнем «заморских» товаров. Тюками с китайскими товарами были нагружены 90 верблюдов (ткани, хлопчатая бумага, чай, табак и мерлушки). Остальные животные везли скarb торговцев и сопровождавших лиц (всего до 100 человек)¹⁸⁴, причем «бухарские» купцы устанавливали свои цены, поскольку русские власти в Иркутске не имели точного представления о порядке таможенного обложения их товаров¹⁸⁵.

О том, что это был действительно первый торговый караван подобного рода, подтверждает факт обращения иркутских властей к красноярскому сыну боярскому Григорию Ермолаеву с просьбой сообщить, как в Красноярске облагаются проезжими пошлинами такие товары, где бухарцы уже были нередкими гостями. По справке знающего человека, в его народе «с бухарцев и с иных иноземцев с своих товаров пошлины в казну великих государей повольно

¹⁸³ Архив Академии наук (ААН). Ф. 21. Оп. 4. № 25; Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1869. Т.11. № 87. С. 235-238.

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 1121. Д. 69. Л. 26–27; Д. 73. Л. 9–11; Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII.). Хабаровск. 1984. С. 113.

¹⁸⁵ Залкинд Е.М. Бухарский торговый караван в Иркутске Омск. 1957. С. 95–96.

товарами ж, а в неволю де с них не емлют для того, чтобы де их иноземцев тем же не ожесточить и впредь бы де им поваднее было в Красноярской с торгами ходить»¹⁸⁶. Судя по перечню привезенных товаров, торговый караван «бухарцев» прибыл к берегам Байкала на обратном пути из Китая с разведывательными целями на предмет завоевания Восточно-Сибирского рынка. Задачу свою они выполнили блестяще: они сами получили от торгов немалую выгоду, и заинтересовали россиян китайскими товарами.

Второй караван в составе Джунгарского посольства Далай-ламы и Номон-хана прибыл в Иркутск тем же путем ровно через год – в октябре 1685 г. На этот раз 15 торговых «бухарцев» с семьями привели караван из 130 верблюдов¹⁸⁷.

О его посещении берегов Байкала говорит такой интересный факт: в том же году в бурятских улусах был пойман некий «мунгалец», скорее всего шпион, накануне готовящегося военного вторжения монголов на Тункинский острог и Иркутск. По его заявлению, он «послан де от мунгальских тайшей <... > на встречу с «бухарцами»¹⁸⁸. Остается неизвестным, зачем этому «посланцу» нужно было искать контактов с бухарцами где-то под Иркутском, в русских пределах, если торговый караван шел маршрутом через Центральную Азию.

Опять же через год, с джунгарским посланцем Быкедаганом Таулаем прибыл третий «бухарский» караван. Он оказался более многочисленным: 11 купцов (среди которых впервые присутствовали и джунгарские) на 172 верблюдах привезли китайские и «бухарские» (среднеазиатские) текстильные товары и 30 жилых юрт¹⁸⁹. К их прибытию в Иркутск съехалось так много торгового люда, что в городе не стало хватать складских помещений. Итоги торгов оказались впечатляющими: «иноземные» товары проникли в отдаленные уголки Восточной Сибири и Забайкалья.

Привезенные товары были досмотрены иркутским таможенным и заставным головою Иваном Штинниковым. Оказалось, что «у них тридцать семь ширей с

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 1121. Д. 69. Л. 28.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 1121. Д. 84. Л. 15–17.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 1121. Стлб. 164. Л. 135. Л. 74.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 1121. Д. 5. Л. 10; Д. 96. Л. 45–46.

китайскими товарами большой и средней и малой руки, и даб и кушаков во всякой шире по сту концов. Итого по счету три тысячи семьсот концов китаек большой и средней и малой руки и даб и кушаков китайских. Да у них же бухарцев в привозе чаю и табаку семьдесят пять ширей с овчинами и мерлушками монгольскими»¹⁹⁰.

Как писал изучавший этот вопрос Е.М. Залкинд, таким образом, основным товаром, завезенным в расчете на торговлю в Восточной Сибири, были китайские шелковые и более простые ткани (даба), пользовавшиеся тогда большим и неизменным спросом среди местного населения. Чай и табак, как можно судить по перечню привезенных товаров, назначались для обменных операций в пути и вывозились в Бухару¹⁹¹.

Обращает на себя внимание отсутствие среди привезенных товаров пушнины, и ее обилие при вывозе. Именно она и интересовала бухарских купцов. Прибайкалье всегда славилось обилием пушнины, дешевой в Сибири, но весьма дорогой в Монголии, Китае и в Средней Азии. К тому же меха обладают высокой транспортабельностью, что позволяло торговым людям вывозить их в больших количествах.

Таким образом, начал успешно складываться «бухарский» рынок в Иркутске, наподобие того, что действовал в Таре, где в черте города образовалась «бухарская» слобода и круглогодично действовала распродажа. Однако четвертый караван на Иркутск оказался последним, он прибыл в конце 1687 г. и опять же под дипломатической охраной джунгарского посланника Гордачея. О численности каравана сведений не получено, но можно полагать, что он был не менее представительен, как и первые три. Завершив торги, «бухарцы» в первых числах мая 1688 г. пошли домой, не заходя для отметки в Тункинский острог. Его комендант выслал отряд казаков под командованием С. Шестакова с предложением сопроводить караван до того места, куда купцы скажут. Но за услуги нужно было платить. Этого сделать прибывшие торговцы не желали. От

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 1121 . Д. 69. Стлб. 177. Л. 36.

¹⁹¹ Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 96.

предложения казаков Сидора Шестакова, Анисима Михалева, Корнишки и Федора Тарских, Климки Кутухты зайти на отдых в крепость они отказались, ссылаясь на дефицит времени («чтоб в дороге не замешкатца»), также как и от предложенного охранного конвоя.

В степи за Тункинским острогом на следующий день торговый караван подвергся разбойному нападению и был основательно разграблен, а из сопровождающих лиц «многих побили на смерть». Нападающими были тунгусы, буряты и сойоты. От иркутских властей они не скрывали факта учиненного разбоя, подтвердив факт убийства двух «бухарцев» и угона 15 верблюдов, правда, «без товаров» как они говорили¹⁹². Однако торговцы подали обширную роспись убытков (Рисунок А. 5) уверяя, что в «учиненном бою» потеряли 12 человек, массу товара, 50 верблюдов и 60 лошадей¹⁹³. Виновные не очень отпирались и от этого, озвучив причину разбойного нападения на караван. Оказалось, что еще по пути в Иркутск «бухарские» купцы взяли у ясачных людей Тунгинской долины под будущую оплату ездовых лошадей и соболиные шкурки на продажу. Отбывая на родину, они «позабыли» о своем долге, не желая делиться полученной выручкой и вернуть арендованных лошадей. Поэтому и были остановлены при попытке миновать долину незамеченными. Разговора не получилось. Результатом конфликта стало ограбление «бухарского» каравана, причем они забрали только своих лошадей и товары на сумму реализованных на торговле своих собольих шкурок.

Как и следовало ожидать, бухарцы лишились в числе похищенных товаров того, за чем они ехали, преодолевая тысячи километров трудного и опасного для их личной жизни пути – пушнины. В поданной описи числится 29 тыс. беличьих шкурок (у отдельных купцов от 500 до 10 000 штук), 1662 песца, десяток шкурок горностаев и лисиц, в перечне также есть бобры, выдры, рыси, волки, зайцы, манулы, куницы, медведи. Но, что удивительно, шкурок самого ценного пушного зверя – соболя и чернобурой лисицы, оказалось немного: 55 соболей и 3 лисицы.

¹⁹² РГАДА. Ф. 214. Стлб. 544. Ч. 1. Л. 57–61, 74–75; Стлб. 1016. Л. 117–120.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 214. Стлб. 544. Ч. 1. Л. 76–79.

Вероятно, иркутские власти придерживались установленной Москвой монополии на соболиную торговлю, запрещавшей продавать соболя и лис иностранным купцам.

Соответственно, в описи похищенного товара мы уже почти не видим предметов китайского текстиля, распроданного (обмененного) на пушнину в Иркутске. Также, почти не упоминаются маржаны (бисер, мелкие бусы), которые все торговые караваны (не только бухарские) возили в большом количестве как наиболее любимый сибирскими женщинами. Буряты и монголы покупали их по ценам, в несколько раз превышающим их действительную стоимость, тогда как в Средней Азии и Китае они были обесценены.

Трудно сказать, насколько достоверна составленная роспись убытков «бухарских» купцов Гордачея, Сати, Кочак, Мамадареб, Усти, Турды, Халиль, Гедебек, Шолкар, Чекир, Биби и его сына Адамхули, однако она интересна для нашего исследования тем, что дает представление о торговых интересах представителей Средней Азии на русском рынке. Выясняется, что «бухарцы» приобретали в обмен на свои «заморские» товары почти исключительно сибирские меха и выделанные кожи. Концовки документа нет, но первые 12 пунктов перечисляли следующие похищенные вещи «бухарского» каравана: 4 красных лисиц, 28 китаек (ткани), 8 бакчей, табаку, 1 выдра, 1 бобр, 3 камки портищ, 1 корольковая нить (связка), 200 горностаев, 2 чемодана кожаных красных, 1 чашка, 1 тулун зеленого чаю, 4 сапога, 1 ковер, 1 пестрая басма, 1 лопата свинцу, 12 человек (убито), уведено 50 верблюдов и 60 лошадей¹⁹⁴.

Странно то, что авторы «Истории Бурят-Монгольской АССР» при изучении данного факта допустили по непонятным причинам искажение цифр. Например, у купца Адам-хули вместо 1600 белок указано только 23, опущены манулы, медвежьи шкуры, вместо песка названа не существующая в природе «белая лисица» (саган унэгэ). Непонятна также фраза «нитки – 1 шт.», хотя речь должна идти о «нитке бус». В последующих изданиях «Истории» этот эпизод ограбления вообще исключен.

¹⁹⁴ ААН. Ф. Иркутские акты. Карт. № 1 (149). Л. 31–41.

Случившееся очень обеспокоило российского посла Ф.А. Головина и иркутского воеводу Л.К. Кислянского, в эти дни решавших в Забайкалье с Цинскими (китайскими) властями трудный вопрос об учреждении российско-китайской границы. С. Могулев был снят с должности за плохое исполнение служебных обязанностей. Решить проблему было поручено новому приказчику Тункинского острога, сыну боярскому Остафию Перфильеву. Но наказание это было несправедливое: российские власти заранее знали о готовящемся нападении и пытались его предупредить предоставлением военного конвоя.

Во врученной властям Респиси потерь «бухарцы» высказывали: «мы многожды бывали в Иркутске с посольством и торгами, принося Российскому государю немалую прибыль, и никогда в Тункинской долине «грабежу и разбоем и смертного убийства не бывало». Теперь мы вынуждены пожаловаться Бушухтухану, а тот пошлет письменную претензию вашему царю свои посольством в Москву».

Участвовавшие в разбирательстве сын боярский Сидор Шестаков, подъячий Иркутской приказной избы Еким Самойлов, городской толмач Михаил Елифанов «с товарищи» резонно отвечали обиженным «бухарцам» указа на грабеж от иркутского воеводы не давалось. Более того, вам была предложена усиленная охранная команда до тех мест, до которых вы сами пожелаете. Возле Тункинского острога вы сами от такого конвоя отказались. Поэтому за дальнейшие события русская администрация ответственности не несет. О вашей ранней ссоре с бурятами или с «иными какими людьми» нам стало известно только сейчас. Тем более, что эти люди кочуют выше Тункинской крепости по Иркуту. Они являются неподвластными «неясчными крайними соецкими мужиками и которые отложились, изменяя великим государем брацкие мужики, которые бывают повсягодно в шатости». У нас на рубежной стороне также бывает неспокойно и небезопасно, как и у вас в «мунгальской» земле нет спокойствия. «Бухарцы» возражали: казаки солгали, мы от охраны не отказывались, поэтому требуем найти виновных и вернуть награбленное. Джунгарский посланец Сокто Хашка, не

удовлетворившись отказом, сказал, прямо – вам лучше мир с нами или белки?» (имеется в виду восполнение убытков пушниной)¹⁹⁵.

После этого случая «бухарские» караваны в Иркутске более не появлялись и начавший формироваться там торговый рынок «заморскими товарами» прекратил существование. Впрочем, не столько по причине учиненного «немирными» кочевниками в Тункинской долине, сколько из-за разразившейся в 1688 году затяжной междоусобной войны на территории Монголии.

Итак, первые попытки свободной зарубежной торговли с Монголией и Китаем из Забайкалья зафиксированы документально с 1647–1650 гг., но у российских служилых людей не оказалось достойного товара для торгово-обменных операций. С возведением в 1665 г. Селенгинского и в 1666 г. Удинского острогов московские власти взяли организацию этой торговли под государственную инициативу, поручив сыну боярскому начать дипломатическо-торговые поездки в Монголию и Китай с царской охранной грамотой. В конечном итоге Ургинский кутухта Ундур-гэгэн проявил интерес к сотрудничеству с Россией, что и было закреплено рядом взаимных посольств. С помощью монголов селенгинские торговые люди достигли в 1671 г. Пекина и имели даже аудиенцию с китайским богдыханом. Хотя дипломатического договора о караванной торговле не удалось подписать ввиду отсутствия у казаков официальных полномочий от царя, но уже ничто не мешало взаимным торговым визитам. Омрачало только то, что Монголия вступала в полосу междоусобной войны, и караваны эти не раз подвергались нападению разбойников. После тотального разграбления в Тункинской долине «бухарского» каравана в 1685 г. и перенесения военных действий в 1688 г. противоборствующих сторон в Северную Монголию, отпуск из Селенгинска в Китай торговых караванов прекратился на многие годы, переместившись в Нерчинск. Однако Селенгинск продолжал активно торговать с приграничными моголами, еще не попавшими под китайское влияние.

¹⁹⁵ ААН. Ф. Иркутские акты, Карт. № 1 (149). Стлб. № 18. Л. 18–30.

1.3 Борьба за Нерчинский договор (1689 г.) и начало караванной торговли

Поскольку междоусобная война в Монголии перекрыла все торговые пути в Ургу и Китай, стало небезопасно посылать торговые караваны из Селенгинска. Не решались совершать поездки в Селенгинск и Иркутск и монгольские купцы. Поэтому сибирские власти стали изучать вопрос открытия нового направления в Пекин – через Нерчинск, в обход воюющей Монголии.

Первый Нерчинский острог был поставлен по распоряжению атамана Петра Бекетова десятником казачьим М. Уразовым с 10 служилыми людьми 21 ноября 1653 г. на правом берегу р. Шилки против устья р. Нерчи, на месте нынешнего с. Калиневского (Рисунок А. 6). На следующий год, когда отряд Бекетова ушел на Амур, острог был сожжен даурским князем Гантимуром. В 1658 г. прибывший Енисейский воевода А.Ф. Пашков основал второй Нерчинский острог, но уже на левом берегу р. Шилки, в 1 версте от ее устья, среди высоких гор.

Изначально Нерчинск был возведен большим острогом как центр будущего Нерчинского воеводства. Он представлял типичный деревянный рубленый городок с 9 караульными башнями, из которых 2 были проезжими. Одна из угловых башен имела часы и колокола. Внутри огражденной территории размещались приказная изба, двор воеводы, казенные амбары. По тем временам это была самая мощная и красивая русская крепость на восточной окраине страны.

Вся общественная и частная застройка Нерчинска располагалась вне крепости. Главное место в ней занимала Воскресенская церковь постройки 1670 г. В 1700 г. был построен каменный Гостиный двор (Рисунок А. 7), к 1710 г. появилась каменная Троицкая церковь¹⁹⁶.

В 1658 г. в состав Нерчинского воеводства входили только Нерчинский, Иргенский и Телембинский остроги. После образования Нерчинского уезда к ним прибавились Еравнинский, Аргунский, Албазинский остроги и Итанцинское

¹⁹⁶ Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 211–214.

зимовье. С начала XVIII в. добавились Сретенский острог и 5 слобод: Городищенская, Ундинская, Урульгинская, Алеурская, Читинская и 3 деревни – Ботовская, Куэнгская и Ломовская. В 1764–1783 гг. подчиненные территории образовали уезды Нерчинский, Доронинский, Сретенский. Власть Нерчинского начальника распространялась также на часть Верхнеудинского и Баргузинского краев¹⁹⁷.

«Золотой век» Нерчинска начался с подписанием в 1689 г. российско-китайского погранично-торгового договора. Однако он достался трудным путем.

Принято считать, что Нерчинский договор 1689 г. явился первым дипломатическим договором между Россией и Китаем о границе, торговле и другим вопросам межгосударственных отношений. В принципе, это верно, но с той оговоркой, что вопросы караванной торговли, выдвигаемые посольством Ф.А. Головина и ранее поставленные Ф.И. Байковым, Н. Г. Спафарием, И. П. Поршениковым, И. М. Перфильевым, С. Аблиным, И. Петлиным, П. Ярышкиным, Ф. Головановым и другими официальными представителями России, никак не принимались во внимание китайскими чиновниками.

Переговоры в Нерчинске велись в трудной обстановке, в окружении многотысячной маньчжурской армии, артиллерии, речной флотилии судов, образно говоря, под дулами боевых орудий. Стрельцов и казаков насчитывалось всего 1,5 тыс. человек. Осложняло ситуацию также присутствие в китайской делегации европейских миссионеров – иезуитов Т. Перейры и Ж. П. Жербильона, которые имели о России больше сведений, чем китайцы.

В ходе переговоров Цинские уполномоченные наотрез отказались принять предложение Ф.А. Головина определить русско-китайскую границу по Амуру, заявляя, что все Забайкалье и земли восточнее р. Лены всегда принадлежали Китаю. Однако с готовностью пошло навстречу, как только российский посол согласился на упразднение Албазинского воеводства и сноса крепостей и деревень по правобережью Амура, а взамен предложил сохранить за Россией

¹⁹⁷ Константинова Т.А., Халетский А.Н. Нерчинское воеводство (1655–1783) // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник. Чита. 2003. № 6. С. 10–58.

левобережье Аргуни (где, кстати, находились месторождения серебра, свинца и золота и действовали кустарные горные промыслы). Территория к востоку от Горбицы оказалась неразграниченной и фактически превратилась в буферную зону между двумя государствами. Это разграничение состоялось лишь в середине XIX века (Айгунский договор). Буферная зона более-менее соблюдалась русскими и китайцами. Маньчжурские поселения имелись только в устье р. Зеи, а китайцам Цинские власти вообще запретили проживать в Маньчжурии¹⁹⁸. Они запугивали местное население тем, будто «большеносные» и большеглазые пришельцы из России это не люди, а кровожадные демоны, захватывающие их землю. Отсюда появился термин «луча» или «лоча» – названия русских вообще, как производное от китайского «ракша» («демон, преследующий людей»). Термин долгое время употреблялся в цинских документах, когда речь шла о русских на Амуре. Маньчжуры относили русских к «особым диким племенем по соседству с Нингуто», которые своими набегами в поисках пушнины и закабаления аборигенов создали пограничный конфликт с Цинским Китаем. Поэтому, самый действенный способ защиты от демонов – объявление войны по уничтожению пришедшего из Европы врага.

Забегая вперед, скажем, что в 1690 г. президент Академии наук Китая Чан Шу по заданию императора Кан-Си написал труд «Стратегические планы умирения русских», явившийся сводом дезинформации своего народа и клеветой на северного соседа. Основная цель этого труда – оправдание противодействия России. Его поддержал и японский ученый Киньити Есида доказывал, что аргунские земли, ранее принадлежавшие Китаю, были вероломно захвачены русскими, и поэтому вполне справедливо, что путем военной экспедиции конца XVII в. Цинский Китай пытался их вернуть обратно¹⁹⁹.

Мы не ставим целью рассмотреть хорошо изученную историками проблему установления русско-китайской границы по Аргуни и Амуру, но приведенный факт объясняет, почему местное население при появлении русских торговых

¹⁹⁸ Дипломатический словарь (К-Р). М., 1985. Т. 2. С. 279–280.

¹⁹⁹ Смирнов Н.Н. Забайкальские казаки в системе взаимоотношения России с Китаем и Монголией: дис. ... канд. ист. наук Волгоград, 1996; Дубровкая Д.В. Миссия иезуитов в Китае. М., 2001. С. 20.

караванов в Маньчжурии стремилось покинуть свои деревни, и то, с каким трудом устанавливалась пограничная черта и складывалась международная торговля между двумя странами. О необоснованности территориальных претензий можно судить хотя бы по тому факту, что Цинский Китай считал границей своего государства условную линию, пролегающую примерно на 1000 километров южнее Амура, где возвел сеть укреплений – так называемый «Ивовый палисад» несколько севернее Ляодунского полуострова. По приходу русских, даурские племена Маньчжурии все активнее переходили под юрисдикцию Российского государства, поскольку на Амуре были выстроены крепости – остроги Албазинский, Кумарский и другие, а вокруг них ширились крестьянские слободы и пашни. В 1658 г. они были объединены в Даурское воеводство (позднее переименованное в Албазинское), закрепившее за Россией долины Верхнего и Среднего Амура по обеим его берегам. Но туда же, в Маньчжурию, стремился и Китай, выстроив крепость Цицикар и торговую слободу Наун в предгорьях Большого Хингана.

Ф.А. Головин планировал начать переговоры с Китаем в Селенгинске, куда путь от Пекина был намного ближе, чем через Нерчинск, Читу, Телембу и Еравну. Предложение о месте переговоров посол направил в Пекин с подьячим государственного Посольского приказа Иваном Качановым «не похотят ли они, китайские послы, съезжаться близ Селенгинского острогу?»²⁰⁰ Попутно он попросил И. Качанова выяснить, где и как «родится» в Китае белый и желтый шелк; сколько его за год производится «по весу пудов»; какова его цена; продается ли он за деньги или обменом на другие товары в пудовом исчислении. Но особо предписывалось узнать о возможности организации международной торговли серебром, попытаться заинтересовать китайских купцов привозить и продавать его в Москве в любом количестве за большие деньги.

В оправдание действий Ф.А. Головина заметим, что в деле территориальной уступки по Амуре он действовал в строгом соответствии с получаемыми из Москвы инструкциями. Так, монаршим указом от 1687 г. было принято

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 124. Монгольские дела. Оп. 1. Д. 1. Л. 289/294 об.

окончательное решение на уступку Албазинского воеводства, но чтобы договор о восточной границе был подписан любой ценой. Это решение было подкреплено указом 23 ноября, который Головин получил в Удинске,²⁰¹ но держался тайно в делах Походного шатра посла. О нем не знал даже помощник Ф.А. Головина в роли второго посла – Нерчинский воевода И.Е. Власов²⁰².

Возвратившись домой, Иван Качанов так ответил письменно Федору Головину на это задание: «В Китайском государстве серебро родитца во многих местах, и то серебро плавят и делают чистое и прямое, которое выходит в деле без урону. И если такое серебро в государстве ханова высокого качества подлинно имеют, и великие государи желают того, чтоб его ханово высочество повелел торговым людям вывозить из государства своего в государство великих государей, их царского величества, в царствующий град Москву при послах своих или особо привозить торговым людям без послов по 1000 или по 2000 и по 3000 или больше пудов. А в царствующем граде Москве принять будет то серебро в их царского величества казну по настоящей цене. Также и подданные их царского величества покупать учнут и на товары менять повальною ценою. Или какие иноземцы и иных государств и их природные китайские люди похотят идти в города царского величества для торговых своих промыслов, и бугдыханово бы величество тех торговых людей велел в сторону царского величества пропускать без задержания. А в городах их царского величества дан им будет торг привольной. Также и которые из городов стороны царского величества, их великих государей, подданные будут приезжать с торгами в Китайское государство или в пограничные города, и бугдыханово б высочество потому же велел пропускать без задержания и велел им давать торг провольный»²⁰³.

Судя по тексту документа, Иван Качанов пересказал китайским чиновникам предложение Федора Головина об организации взаимной межгосударственной торговли, и в качестве конкретного товара, интересующего Россию, назвал

²⁰¹ РГАДА. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Кн. 10. Л. 251.

²⁰² Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 309.

²⁰³ РГАДА. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Кн. 10. Л. 726–732.

серебро. Когда же Головин в Нерчинске выяснил, что одно такое «рудокопное» место находится по р. Газимур по левобережью Аргуни, он решил воспользоваться возможностью компенсировать выгоду от будущей караванной «серебряной» торговли китайцев приобретением в руки России одного из месторождений за счет уступки занятых земель по Амуру, что больше всего беспокоило китайских посланцев. В одном из писем цинским чиновникам Головин писал из Нерчинска: «А по правую сторону реки Шилки с Аргунского устья, идучи за вершины рекою Аргунею вверх, на правой стороне [земли] содержатца в стороне царского величества, а левой стороне содержатца в сторону бугдыханово величества. И построенный острог перенести в сторону царского величества и построить, где по их велению государей изволению указано будет»²⁰⁴.

С этим предложением русской стороны китайцы согласились без колебания, и во всех вариантах договорных писем ставили его первым пунктом готовящегося межгосударственного пограничного договора. В письмах же мы один раз встречаем указание Цинских чиновников на условия посещения торговых караванов в Пекин – не реже 1 раза в 5 лет, и то по согласованию между богдыханом и царем о назначении торговых послов. Об ответных китайских посещениях России говорилось: «А торговать бугдыханово де величество, чтоб торговать повольно, никогда запретить не велит»²⁰⁵.

Наконец, после неоднократных обсуждений, был составлен проект Нерчинского пограничного договора. Но, к большому удивлению Головина, пункта о зарубежной торговле партнеры по переговорному процессу не внесли. После претензии российского посла китайцы выработали этот пункт в следующей редакции: «Торговым людям с проезжими грамотами с обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Кн. 10. Л. 1066/1062.

²⁰⁵ Там же. Л. 1071/1067об.

отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повольно будет»²⁰⁶.

Текст удовлетворил Ф.А. Головина, кроме неясной фразы о свободном проезде торговых людей. Здесь, говорил он, не указано, «ис которого государства надлежит для каких промыслов ехать, и их де лично принимать и пропускать их со всяким довольством»²⁰⁷.

В своем варианте Договорного письма российская сторона дала в статье 5 следующую редакцию: «Каким либо ни есть людям с проезжими грамотами из обоих сторон приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет»²⁰⁸.

В ответ китайская сторона предложила новую редакцию: «Для ради ныне утвержденные любви и постановления вечного мира коего ни с еть чину люди, грамоты проезжающие с собою носящее, свободно вступати будут в царство обоих государств и тамо продавать и покупать будут, что кому надобно, заемным торгом»²⁰⁹. При этом расширили проект Договора еще одним, дополнительным пунктом о перебежчиках: «И за сие заграничные рубежи за какие ни есть вины обоих государств промышленные люди переходите будут – аще же один или 2 подлого чина люди за поставленные сии рубежи для промыслов или для разбоев бродити будут, в тот час в железа окованные отведени будут к начальникам обоих государств тех земель». Если же толпа нарушителей границы собирается в 10 или 15 человек, тем более вооруженная для «промышленного разбоя», то государи подвергают виновных смертной казни»²¹⁰.

Заключительный же текст проекта статьи о межгосударственной торговле между Россией и Китаем в Нерчинском договоре гласил (в переводе с латинского):

«Статья 5: Вследствие ныне заключенной дружбы и установленного вечного союза люди какого то ни было положения, имеющие охранные грамоты для

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Кн. 10. Л. 1138/1133.

²⁰⁷ Там же. Л. 1139/1134.

²⁰⁸ Там же. Л. 1161/1155.

²⁰⁹ Там же. Л. 1165/1159.

²¹⁰ Там же. Л. 1165/1169.

проезда, могут свободно следовать в земли обеих держав и повсюду продавать и покупать, как им будет необходимо для обоюдной торговли»²¹¹.

Но и этот текст был самовольно доработан в последний момент китайской стороной 21 августа 1689 г. Теперь он получил окончательную редакцию, зафиксированную в подписанном Договоре 28 августа:

«Пункт 5: Подданным обеих государств границы не переходить. Что касается торговли, то после заключения мирного договора русские купцы с разрешения императора смогут вести вольный торг, а китайским купцам в Россию ходить не за чем»²¹² (Рисунок А. 8, 9).

Из сказанного видно, насколько трудно шел переговорный процесс даже по такому «второстепенному» пункту, как приграничная торговля между двумя странами. Нерчинский договор сумел юридически закрепить право русских купцов торговать в Китае с проезжими грамотами, но запрещал, по инициативе самого Цинского правительства, выезжать своим торговцам за пределы страны. По сути дела условия дипломатического соглашения были навязаны России силой, с минимальным удовлетворением ее интересов. Поэтому в ходе дальнейшего общения возникало немало вопросов, которые приходилось разрешать русским торговым дипломатам с каждым направляемым караваном.

Посольство Кан-си очень неохотно шло на обсуждение условий о торговле. Когда Головин на переговорах доказывал, что торговля принесет двум странам взаимные выгоды, представители китайского правительства отвечали: китайским купцам ездить в Россию «не для чего», но если русские хотят торговать в Китае, то им может быть разрешен проезд для торга в том случае, если русские послы пойдут на территориальные уступки в вопросе о границе²¹³. Когда условия мира были согласованы, послы богдыхана долго отказывались включать в текст Нерчинского договора пункт об учреждении торговли, утверждая, что «это дело малое», и без договора торги могут происходить, а им, якобы, такой пункт в

²¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 161. Главный архив. Оп. 1. Д. 22. Л. 6–6 об; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2. 1686–1691. Документы и материалы. М., 1972. С. 656.

²¹² Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2, 1686–1691. Документы и материалы. М., 1972. С. 537–538; Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958. С. 177.

²¹³ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Д. 10. Л. 1049.

договоре будет «в бесчестье»²¹⁴. Затем случилась заминка с требованием Китая вернуть бежавшего в Россию князя Гантимура и его людей.

Непреклонность русских позволила включить статью 5 о начале широкой свободной торговли между Россией и Китаем, и это стало дипломатической победой российского посольства Ф.А. Головина. Однако противодействие китайцев сделало текст расплывчатым, менее точным и конкретным. Общая формулировка привела к значительным затруднениям в приведении договора в жизнь в первые годы его подписания. Цинское правительство искало любые предлоги, чтобы затруднять торговлю русских в Китае, а китайским купцам категорически запретило ездить в Россию. Из переписки по пограничным вопросам с цинским князем Сонготу (возглавлявшем китайскую миссию на Нерчинских переговорах) было видно, что его правительство крайне недовольно включением в договор особой статьи о вольной торговле, вследствие чего Китай готов закрыть международную торговлю, если русские не подпишут с ним еще один договор – о разграничении между Россией и только что аннексированной Монголией²¹⁵, а также признать принадлежащими Китаю северную территорию до Станового хребта у реки Уд.

По причине поступающих жалоб из Забайкалья, Петр I отправил в Пекин посольскую миссию Исбранда Идеса и Адама Бранда (1692–1695 гг.) для урегулирования возникших вопросов, которых, собственно было три:

1. Возвращение русских пленников-албазинцев.
2. Выдача разрешения китайским купцам торговать в Москве и в других российских городах.
3. Реализовать в Китае значительную партию сконцентрированных в Нерчинске русских товаров.

И на этот раз Цинское правительство не продемонстрировало заинтересованности в развитии торговых контактов с Россией (оно было озадачено подготовкой войны с Джунгарией в Монголии), хотя формально и дало

²¹⁴ Там же. Л. 1139.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стлб. 1555. Л. 12–13.

русским разрешение распродать привезенные товары, и согласилось на прибытие в Пекин очередных русских караванов²¹⁶. Что касается посылки китайских купцов в Москву, то Китай, мол, пойдет на это только в том случае, если Россия признает осуществленную ею экспансию в Монголии и согласится на новое размежевание государственной границы в Западном Забайкалье.

Обо всем этом Идес доложил Петру I при личной встрече²¹⁷. Как и о том, что негласно китайские торговцы наводили справки через русских купцов об условиях заграничного рынка для реализации их товаров. По их словам, маньчжурское правительство то ли готовит, то ли уже отправило в Россию свое посольство и торговый караван при нем²¹⁸. Доклад И. Идеса царь принял к сведению и распорядился сохранять сдержанность в дипломатических отношениях с Цинским двором. А в ноябре 1696 г. наказал нерчинским властям придерживаться условий мирного договора 1689 г. и не реагировать на авантюрные политические предложения соседей, могущих создать помехи складывающимся международным торговым связям²¹⁹. А очередному торговому послу С. Лянгузову в 1697 г. было поручено известить Пекин об отказе от предложения на том основании, что маньчжурский отряд из 3 тыс. человек появился в кочевьях монгольских тайшей много лет, живущих недалеко от Селенгинска, и о начавшихся их совместных военных набегах на Забайкалье²²⁰. Мы готовы, мол, перейти к переговорам о государственной границе близ Селенгинска, но только после окончания разбойных нападений с монгольской стороны.

Свита И. Идеса состояла из 175 человек, кроме 22 торговых, 130 промышленных и работных людей и военной охраны из Нерчинских казаков. Ему удалось хорошо поторговать и в 1694 г. получить подтверждение условия Нерчинского договора о посещении Пекина караванов казны и частного купечества, но в первую очередь «торговых гостей» от имени правительства.

²¹⁶ Дипломатический словарь (А-И). М., 1984. С. 389.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стлб. 1283. Ч. 1. Л. 124–133.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ, Стлб. 1185–1186. Л. 39.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стлб. 1185–1186. Кн. 795. Л. 190.

²²⁰ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стлб. 1555. Л. 23–28.

Первый же «государственный» караван был отправлен еще Федором Головиным, поскольку в его свите находилось несколько российских купцов с товарами.

Первый торговый караван 1689–1690 гг., направленный в Пекин по распоряжению Ф.А. Головина, возглавлял нерчинский сын боярский Григорий Лоншаков. Он носил смешанный характер. Интересы именитых московских купцов Евстафия Филатьева, Семена Лузина, Ивана Ушакова и Гаврилы Никитина представляли их агенты – Василий Лобанов, Роман Романов, Иван Алексеев, Кузьма Степанов, Иван Белозеров, Яков Яковлев, Иван Саватеев, Игнатий Пинега и Афанасий Ендомский. Частными торговыми людьми из Нерчинска были Прокопий Бурдуковский, Василий Бушков, Любим Губкин и Евстафий Никифоров. Из числа более 35 промышленных «гулящих» и работных людей известна группа из 10 человек во главе с Дементием Ивановым.

Во втором караване 1691–1692 гг., возглавляемым казачьим пятидесятником Афанасием Казариновым, состояло уже 23 агента купцов гостинной сотни и 12 частных торговых людей. Первые представляли интересы столичных купцов братьев Филатьевых, Г.Р.Никитина, Ивана Ушакова, Семена Лузина и Никиты Кириллова. География частных предпринимателей расширилась путем включения купцов, прибывших из различных российских городов: Дмитрий Гречанин, Гаврила Смольников, Григорий Осколков, Иван Шангин, Василий Юринский, Иван Нечаевский, Матвей и Ларион Фомины, Иван Бобровский, Михаил Шульгин и Матвей Тарасов. Но и они (всего 35 человек) не смогли превысить число местных нерчинских торговцев, зачисленных в промышленные «гулящие» и работные люди (42 человека), по причине требования китайской стороны сократить число посылаемых торговых людей. Казачьим конвоем командовал пятидесятник Агапит Плотников. Он вез письмо Иркутского воеводы Ф.И. Скрипицына китайскому вельможе Сонготу, подписывавший от имени Цинского правительства Нерчинский договор. В письме, адресованному императору, наряду с информацией об отправляемом в Пекин караване Афанасия Казаринова, сообщалось также и о том, что Россия

«крепко соблюдает» заключенный договор о мире, границе, торговле и дружбе, и поэтому отвергает предложение Джунгарии стать союзником в войне против Китая²²¹. Сонготу поблагодарил за письмо и разрешил россиянам торговать свободно, предоставив прибывшим подводы, провожатых, корм и постоянный двор. Однако предупредил, что Китай впредь не будет оказывать подобных услуг всем русским торговым людям.

Третий караван 1692–1693 гг., во главе с нерчинскими детьми боярскими Семеном Молодым и Любимом Уваровым, не удалось сформировать как казенный. Он почти полностью состоял из нерчинских торговых людей и позже примкнувшего к ним приказчика московского «гостя» Евстафия Филатьева – Петра Худякова. Общее количество по сравнению с предыдущими сократилось вдвое и составило 55 человека, из которых 37 были казачьим конвоем.

В 1693–1694 гг. в Пекин была отправлена торгово-дипломатическая миссия датского купца И. Идеса. По численности она в четыре раза превышала предыдущий торговый караван. Состав участников носил смешанный характер – интересы столичных купцов представляли 26 агентов. К миссии присоединились нерчинские купцы, которые выехали в составе категории промышленных «гулящих» и работных людей, возросшей до 158 человек.

О руководителе пятого, смешанного каравана 1695–1696 гг. нет сведений. Известно только что, 76,3 % всех вывозимых в Китай товаров принадлежали «первостатейным» московским купцам Евстафию Филатьеву и Семену Лузину²²².

В 1696–1697 гг. торговый комиссар, купец Спиридон Лянгусов возглавлял шестой караван, сформированный в Москве и отправленный с дипломатической поддержкой в виде «проезжей грамоты» из Сената. Согласно этому документу, он объявлялся первым официально государственным. Москву представляли 17 торговых агентов, 13 торговых людей были из городов Центральной России. Для обеспечения торгов в Пекине им собрали всю имеющуюся в стране пушнину,

²²¹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1063. Л. 193.

²²² Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958. С. 212.

которая составила 70 % от всех отправленных из Москвы в Китай русских товаров.

Поселившись в Нерчинске, С. Лянгусов провел в Пекин еще две торговые экспедиции. В 1697–1698 гг. в Пекин поехало всего 2 агента «гостей» и 8 частных торговых людей. О других категориях частников каравана данных не имеется, но это, скорее всего, были все те же нерчинские торговцы, завуалированные под вспомогательный персонал. Скорее всего, они же и представляли состав последних караванов в Пекин, которые с 1700 г. организовывались и возглавлялись уже, преимущественно, самими нерчинскими купцами (Рисунок А. 10). Сведения о прибытии в Нерчинск «элитных» купцов уже отсутствуют, кроме общего числа караванщиков. Десятому (в 1700–1701 гг.) и одиннадцатому (в 1702–1703 гг.) караванам нерчинских купцов Григория Быкова и Ивана Савватеева, в целях личной безопасности и сохранности грузов, пришлось вернуться домой через монгольские степи и Селенгинск.

С 1703 г. государственные торговые караваны не ходили больше в Китай из Нерчинска, найдя более краткий и безопасный путь из Селенгинска через Северную Монголию. Во избежание дипломатических осложнений, в 1706 г. Петр I издал указ «О непропусках в Китай торговых людей без грамот из Сибирского приказа», что ограничило официальную внешнеторговую деятельность частных торговых и служилых людей Нерчинска²²³. В 1707 г. частная торговля Нерчинска с Китаем переместилась в пограничный маньчжурский Наун, где уже не требовалось «проезжих грамот». С 1707 по 1728 гг. из Нерчинска было совершено семь торговых экспедиций в Наун, далее которого цинские власти уже не пропускали. В 1720 г., по причине запрета въезда уже и в Наун, китайские власти разрешили прибывшим купцам основать в монгольской Урге русскую торговую слободу – Ургинский Маймачен. Просуществовала она до 1726 г., возведенные постройки были сломаны, а русские купцы вместе с Л. Лангом возвращены в Селенгинск по требованию китайской стороны.

²²³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 4. № 2089.

Отправка и прибытие первых торговых караванов тщательно документировались Нерчинской таможней, что позволяет получить представление о численности и социальном составе участников, руководителе и определить их характер – казенный, частный или смешанный (Таблица 1, Таблица 2).

Таблица 1 – Торговые караваны Нерчинск – Пекин (1689–1703 гг.) и Нерчинск–Наун (1707–1728 гг.)²²⁴

Последовательность	Период	Торговый комиссар		Характер каравана
1	Декабрь 1689–1690	Григорий Лоншаков	Нерчинский сын боярский	Смешанный
2	Июнь 1691–март 1692	Афанасий Казаринов	Нерчинский казачий пятидесятник	Смешанный
3	Декабрь 1692 – октябрь 1693	Семен Молодой, Любим Уваров	Нерчинские дети боярские	Частный
4	Июль 1693–июнь 1694	Исбрандт Идес	Российский посол в Пекин, датский купец	Казенный
5	Август 1695 – октябрь 1696	Фамилия не установлена		Смешанный
6	Лето 1696 – лето 1697	Спиридон Лянгусов	Московский купец	Казенный
7	Июль 1697 – август 1698			Смешанный
8	1698–1699			Частный
9	1699–1700	Андрей и Иван Бейтоны	Иркутские дети боярские	Частный
10	1700–1701	Григорий Быков	Нерчинский купец	Частный
11	1702–1703	Иван Савватеев	Нерчинский купец	Частный

²²⁴ Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. М., 1969. С. 204–230.

Продолжение таблицы 1

Последовательность	Период	Торговый комиссар	Характер каравана	Частный
13	1710–1711	Иван Савватеев	Нерчинский купец	Частный
14	1711–1713	Петр Худяков	Нерчинский торговый человек	Частный
15	1713–1715	Григорий Осколков	Купец из Великого Устюга	Частный
16	1716–1717	Михаил Гусятников	Купец	Частный
17	1720–1722	Федор Юринский	Купец	Частный
18	1724–1728	Федор Истоппников и Степан Третьяков	Купцы	Частный

Таблица 2 – Социальный состав участников торговых караванов из Нерчинска в Пекин²²⁵

Категории участников	Год отправки торгового каравана										
	1689	1691	1692	1693	1695	1696	1697	1698	1699	1700	1702
1. Агенты гостей и купцов гостинной сотни	9	23	1	26	5	17	2	-	-	-	-
2. Другие (частные) торговые люди	4	12	-	2	13	13	8	-	-	-	-

²²⁵ Александров В.А. Указ. соч. С. 206.

Продолжение таблицы 2

Категории участников	Год отправки торгового каравана										
	1689	1691	1692	1693	1695	1696	1697	1698	1699	1700	1702
3. Промышленные «гулящие» и работные люди	Более 35	42	17	158	98	113	-	-	-	-	338
4. Служилые люди (в т.ч. конвой)	40	19	37	23	41	-	-	-	-	-	-
Итого:	88	96	55	209	157	143	10	478	-	-	338

Таким образом, выработка положений Нерчинского торгово-пограничного договора проходила в очень трудных условиях. Россия надеялась с его помощью наладить добрососедские отношения с южными соседями, но Китай настаивал на расширении своих территориальных притязаний. Русские казаки Нерчинского и Албазинского воеводств с 1658 г. уже занимались порубежной торговлей с даурским населением Маньчжурии и тем самым углубляли свое влияние к югу от Амура и Аргуни. Встревоженные цинские власти ускорили свою экспансию на не принадлежавшие им территории к северу от Китайской стены, и, чтобы пресечь русскую колонизацию края, отселили аборигенные народы вглубь своей империи на 1000 км. Затем приступили к военным действиям против русских новопоселенцев. Широкомасштабной войны удалось избежать путем подписания Нерчинского дипломатического договора. Россия уступила территорию Албазинского воеводства за счет сохранения за собою Восточного Забайкалья с его богатыми природными ископаемыми. Переговоры по организации караванной торговли из Нерчинска в Пекин шли очень тяжело, так как Китай не считал их заслуживающими внимания. Благодаря жесткой позиции посла Ф.А. Головина цинское правительство согласилось принимать российские караваны не реже 1 раза в 5 лет. Это не устроило Россию. Компромисс был найден сокращением срока до 3 лет, но малыми партиями купцов. Тем не менее, торговые караваны стали

следовать в Пекин ежегодно, что вызывало недовольство властей по поводу нарушения условий договора.

Всего с 1689 по 1728 годы из Нерчинска в Китай ушло 18 караванов с количеством от 88 до 478 человек. Россия считала их «казенными» и от имени государства назначала торговых дипломатов – комиссаров. Однако ее усилия удержать торговые связи за Москвой хватило только на два казенных и четыре смешанных каравана, далее все торговые операции перешли в руки частных (нерчинских) купцов. Поэтому цинские власти придерживались международных дипломатических правил только до 1692 г., после чего начали вытеснение русских из Пекина на периферию своего государства (преимущественно в Калган и Наун в Маньчжурии). Они даже отказали в приеме официального посольства И.Идеса и А. Брандта, специально направленного Петром I для урегулирования конфликтной ситуации. С 1707 по 1728 годы русские торговые люди пропускались только до Науна (7 экспедиций), после чего доступ туда был прекращен. Взамен россиянам было разрешено основать свою торговую слободу в монгольской Урге. Но когда на предложение Китая Россия отказалась поддержать ее военной силой против джунгаров, запретила торговать и там, сломав строения, и изгнав русских купцов в Селенгинск. Международная торговля России с Китаем перестала существовать.

1.4 Формирование нерчинского купечества.

Частная торговля с Китаем началась задолго до подписания дипломатического договора 1689 года. Ею занималось население условной приграничной линии по р. Аргуни и Амуру сразу же после построения Нерчинского (1653 г.), Аргунского (1655 г.), Албазинского (1658 г.) острогов, причем местное зарубежное маньчжурское население не считалось принадлежащим Китаю, так как ее государственная укрепленная граница («ивовый палисад») находился на 1000 км южнее.

В 1675 г., в Нерчинске, в 60 домах проживало около 200 казаков, так как главное внимание правительства было переключено на хозяйственное освоение Амура. Более активно заселялся Албазинский район. В его крепостях служило 222

казака, на пашне «сидело» от 330 до 500 крестьян, а число промышленных и «гулящих» людей насчитывалось сотни. Всего, как полагает В.А. Александров, там сосредоточились до 800 россиян, тогда как во всем Забайкалье на тот момент проживало не более 350 служилых людей и столько же человек других сословий²²⁶.

При всех трудностях учреждения и развития российско-китайской торговли в конце XVII–начале XVIII в., Нерчинск пережил в этот период экономический подъем. После упразднения отошедшего к Китаю Албазинского воеводства, он превратился в самый крупный опорный военный и торговый центр Забайкалья близ российских рубежей на Аргуни. В самом городе сторожевую службу несли уже 470 человек, имелось в уезде 664 человек гражданского населения²²⁷. Все они в той или иной мере занимались с даурами и маньчжурами приграничными частными торгово-обменными операциями, пока Цинский Китай не начал в массовом порядке отселять их в глубь своей территории. Но и после этого нерчинцы находили возможность вести с ними экономические связи контрабандными путями, обходя китайские заставы или через посредников.

После подписания Нерчинского дипломатического договора между Россией и Китаем население уезда быстро росло за счет прибывающих россиян, с надеждой заработать на торговле, о чем свидетельствуют Окладные книги 1689, 1690, 1701 гг., Городовые списки 1704–1714 гг.²²⁸. Временное же население с прибытием торговых караванов увеличивалось в разы, и также имело стойкую тенденцию к росту. Это были десятки торговых людей и их агентов, сотни промышленных «гулящих» и работных людей, охраны караванов. Существуют следующие цифры такого роста: 1691/92 гг. – 172 человека; 1692/93 – 206; 1693/94 – 269; 1694/95 – 165; 1695/96 – 320; 1697 – 572 чел.²²⁹.

²²⁶ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 39–43.

²²⁷ Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск. С. 211–214.

²²⁸ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ, Д. 782. Л. 77–82, 100–106, 155–161, 183–191, 232–238, 289–295, 320–326, 349–374; Д. 1063. Л. 42–50, 91–105, 141–167, 371–396, 440–461; Д. 1272. Л. 70–87; Найденов Н.А. Сибирские города // Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1886. С. 1–41.

²²⁹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Д. 1037. Л. 31–48, 75–82, 156–167, 318–328, 403–410, 481–489; Кн. 1124. Л. 99–100, 114–121; Кн. 1139. Л. 304–316, 442–458, 474–491; Кн. 1012, Л. 6–11, 99–117.

Основной категорией временных граждан Нерчинска являлись так называемые «гулящие люди», или люди без постоянного рода занятий. При формировании купеческих караванов в Китай они стекались со всех уголков Забайкалья и даже Восточной Сибири и нанимались в качестве рабочей силы. Это происходило дважды в год, когда из Китая прибывал предыдущий караван и начинал формироваться новый. Иные проникали самостоятельно даже за границу Китая и предлагали свои услуги далее, так как Цинские власти ограничивали доступ сопровождавших российских людей от Аргуни до Науна.

Коренное население Нерчинска жило торговлей, в том числе служилые люди, отвлекаясь от несения всех казачьих дел. В частности, они превращали свои дома и подсобные дворовые постройки в складские помещения, поскольку количество привозимого и вывозимого товара не всегда могли вмещать все имевшиеся амбары постоянных дворов и возведенный «государев» Гостиный двор. Поэтому в 1699 г. было принято решение построить в Нерчинске каменный Гостиный двор,²³⁰ сохранившийся до настоящего времени.

Оставляемые в Нерчинске приказчики, ларешные и работные люди сами занимались торговыми операциями на рынке в ожидании прибытия новых караванов своих хозяев, постепенно становясь самостоятельными купцами. Некоторые по объему внешнеторгового оборота не уступали столичным «гостям». Наемными охотниками они занимались добычей в окрестных лесах пушного зверя или скупкой шкурок, особо котировавшихся в Китае в роли разменной монеты.

На протяжении первого десятилетия в Нерчинске появились знаменитые московские купеческие фамилии XVII века – Филатьевы, Никитины, Лузины, Гостевы, Шангины, Юрицыны, Бобровские, Ушаковы, Заровняные и другие, причем не всегда связанные с формированием торговых караванов в Китай. Так, в 90-х гг. Иван и Степан Шангины снабжали «русским» товаром население Нерчинска и его округа²³¹. В 1694–1697 гг. свои товары для продажи привезли вкладчики енисейского Спасского монастыря Федор Даурцев и Николай

²³⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т.5. № 287.

²³¹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1012. Л. 33 об; Кн. 1073. Л. 298. 376 об, 462; Кн. 1258. Л. 16.

Леонтьев, крестьянин тобольского Софийского дома Игнатий Заровняный²³². Регулярно появлялись в Нерчинске енисейцы Петр Скорняков, Данило Щукин, Петр Захаров и Федор Игумнов²³³. В 1698 г. в Нерчинске появился енисейский посадский человек Калина Самсонов со своими 50 топорами, 15 сошниками, 15 косогорбушами, 4 дверными крюками, 50 сапожными скобами²³⁴. Другой посадский человек, Иван Иванов сын Тауснев, поставил в Нерчинск «своей домашней работы» 80 топоров, 30 кос-горбуш, 30 серпов, 30 ножей²³⁵.

Другие торговые люди из городов Сибири и Севера России привозили скот, хмель, мед, воск, пушнину, ткани (холсты, сукно), листовое железо, прут, медную проволоку, свинец, олово, пряности, фрукты, ягоды, сахар, мыло, кожи, обувь, рыбу, хлеб, соль и многое другое²³⁶.

Самым ходовым товаром на нерчинском рынке была местная пушнина, обмениваемая на привозные «русские» вещи. Только с июня 1691 по июнь 1692 г. нерчинская таможня зафиксировала 37 явок пушнины на 7462 рубля. Значительная ее часть покупалась для караванной отправки в Китай²³⁷. Скупали ее торговые люди и купцы у промышленных людей и непосредственно у аборигенного населения на местах. В 1692–1700 гг. было зарегистрировано уже 273 явки торговцев пушниной на 15300 рублей²³⁸. Из них 170 явок принадлежало промышленным людям (на 7382 руб.), и 57 явок – служилым людям (на 3524 руб.). Из людей, добывавших пушнину, чаще всего упоминаются те, кто представлял интересы купцов Ушаковых, Никитиных, Филатьевых. Монополию в этом виде товара держал «гость» Филатьев (в 1696 г. его приказчики приобрели в Нерчинске мехов для зарубежной торговли на 1537 рублей).

²³² РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1073. Л. 423–424; Кн. 1228. Л. 201 об., 395.

²³³ Там же. Кн. 1012. Л. 8; Кн. 1073. Л. 108, 180, 330, 345–346; Кн. 1123. Л. 113–113 об., 251–252, 349; Кн. 1228. Л. 366, 473.

²³⁴ Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН). Нерчинские акты. Д. 113. Л. 57.

²³⁵ СПбИИ РАН. Нерчинские акты. Д. 113. Л. 50; РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1128. Л. 457 об.

²³⁶ Машанова Л.В. Из истории торговли Забайкалья конца XVII – начала XVIII в. // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 3–14.

²³⁷ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах. Хабаровск, 1984. С. 216–218.

²³⁸ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1012, 1037, 1073, 1092, 1124, 1133, 1228, 1257.

Хлеб в Нерчинск и другие города Забайкалья в основном поставляли иркутские торговцы – оптовики братья Иван и Андрей Ушаковы²³⁹. Все другие торговцы (крестьян, монастырские люди, гулящие, служилые, промышленные и посадские люди) были вне конкуренции. На «пятки» Ушаковым наступали только иркутские казаки Андрей Леонтьев, пашенные крестьяне Федор и Матвей Гранины, гулящий человек Петр Миронов²⁴⁰.

На долю промышленных людей приходились основные партии поставок рыбы (до 10 бочек соленой и просольной рыбы в среднем на каждого), причем со временем товарное рыболовство для них становилось основным занятием, способствуя переходу от собственного улова к скупочным операциям. К началу XVIII в. многие из них становились профессиональными торговцами, учредив рыбные лавки в Нерчинске²⁴¹. С 1696 по 1711 гг. они продали рыбы на 1962 рубля, тогда как за этот же период все рыботорговцы Забайкалья на местных рынках Ильинке, Кабанске, Удинске, Селенгинске продали ее на 5005 рублей²⁴². К рубежу XVII–XVIII вв. стало выгодным продавать скот. Пригонявшийся из Прибайкалья или Западного Забайкалья, он реализовывался на Нерчинском рынке в 4 раза дороже, чем на месте покупки. Вот почему в 1692–1711 гг. здесь было зафиксировано 259 торговых людей, продавших 2107 голов крупного рогатого скота и 228 лошадей на 11 648 рублей²⁴³. Здесь монополия была за служилыми и частными торговыми людьми (60 % от общего количества продаж), причем из служилых преобладали нерчинцы, перешедшие от продажи своего доморощенного скота к закупаемому в других деревнях. Среди частных скототорговцев упоминаются жители Иркутска, Братска, Верхоленска, Балаганска и др. Например, иркутские служилые люди Петр Брюхов и Иван Прокопьев, енисейские служилые и посадские Леонтий Кустов, Никита Гоголев, Данила Щукин, причем последний

²³⁹ Александров В.А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 142; 147; Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 367–368.

²⁴⁰ Машанова Л.В. Из истории торговли Забайкалья конца XVII – начала XVIII в. // Бурятия XVII–начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 9–10.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1378. Л. 33; Кн. 1391. Л. 16.

²⁴² РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1221. Л. 3; Кн. 1228. Л. 535 об.; Кн. 1512. Л. 26; Кн. 1552. Л. 10 – 10 об.

²⁴³ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1012, 1037, 1133, 1221, 1258, 1378, 1391, 1474, 1512, 1552.

побывал в Нерчинске не раз с 1691 по 1698 гг.²⁴⁴. Занимались скототорговлей также приказчики и лавочные сидельцы «гостей» Д. Филатьева, С. Лузина, Г. Никитина, или сами купцы Василий Шангин, Григорий Осколков, Федор Лукьянов, Иван Иванов и др.²⁴⁵. Выращиваемый скот являлся единственной возможностью разбогатеть неимущим крестьянам. Из них в купцы со временем выбились такие, как братья Матвей и Федор Гранины, Андрей Смирнов, Любим Набецын, Алексей Устьянский, братья Стуковы. Они уже систематически из года в год скупали скот «врознь у всяких людей», а в начале XVIII в. в торговых рядах Нерчинска несколько лавок принадлежало мясникам – скупщикам²⁴⁶.

Таким образом, местный товарооборот в Нерчинске способствовал включению в орбиту товарно-денежных отношений различных слоев местного населения, процессу превращения их в мелких и затем крупных товаропроизводителей, работающих на внутренний и зарубежный рынок. Нерчинск все более превращался в город купеческий.

Хорошую картину о процветании Нерчинска после Нерчинского пограничного договора 1689 г. дают сведения по таможенным сборам. В торговом уставе России 1698 г. содержалась статья, которая определяла: те купцы, которые едут с товарами в Сибирь и Китай, должны десятую часть пошлины уплачивать в Верхотурье, а остальное (90 %) – в Нерчинске. Конечно, это было не в пользу Нерчинска, до этого забиравшая все 100 % пошлины, но все равно ставило власти пограничного города в более выгодное положение по сравнению с другими рынками Сибири, тем более, что объемы зарубежной торговли к концу XVII в. неуклонно возрастали. Выгода была в том, что местный воевода получил право распоряжаться пошлинными поборами на благо социально-экономического развития подведомственного края. Доходы эти были немалые: частная торговля в

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1092. Л. 28; Кн. 1073. Л. 223; Кн. 1037. Л. 56; Кн. 1092. Л. 47; Кн. 1133, Л. 277.

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1474. Л. 11; Кн. 1512. Л. 15.

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1378. Л. 21; Кн. 1474. Л. 37 об. – 38; Кн. 1502. Л. 9; Кн. 1512. Л. 15 – 34; Кн. 1552. Л. 5–20.

1698/99 гг. принесла Нерчинску 3260 руб. (65,5% от всего объема пошлин), казенная караванная 1717 руб. (34,5%). Всего 4977 рублей²⁴⁷.

Таможенная книга Нерчинска за 1699 г. содержит перечень видов собираемых пошлин. 3260 рублей 14 алтын собрано только деньгами, но помимо них в городскую казну поступили 6374 золотника 2 части золотника и против полуденьги золота; 86 золотников серебра; 70 золотников и полужолотников мелкого жемчуга на нитях; 5500 зерен половинчатых раковинных; 106 поставок камок «большой руки»; 476 поставок камок «малой руки»; 6 портиц камок «малой же руки»; 120 концов китаек «однопортищных»; 411 тюней китайки «средней руки»; тюни 1 конец китайки «малой руки»; 111 концов самцей пестрых китаек; 13 даб «с полудабыю»; 3 кушака шелковых; 46 кушаков бумажных; 2 гайки шелковые; 1 чашка «ценинная»; 10 чашек кожаных; 1 чашка луженая оловом; 35 фунтов чаю зеленого; 2389 бахчей чаю черного; 25 фунтов чаю черного засыпного из бахчей; 4 фунта 19 золотников шелка китайского сканого; 670 листов «румянцевых мелких»; 320 листов «румянцев на бумаге хлопчатых»; 7 фунтов бадьяну; 3 повязки шелковые; 6 поясков сетчатых малых шелковых; 1 «душек»; 1 носик китайский; 2 пояска бумажных; 1 портище пуговиц медных; 4 камешка «литиков китайских»; 4 фунта фианису, сердолика и яшмы; 28 ганз (трубок курительных) медных; 28 ганз железных; 27 пудов 27 фунтов бахчей табаку²⁴⁸.

Как видно из описи, все эти товары происходят из предметов вывезенных купцами с китайских рынков большими караванными партиями. Вероятно, это то, что именуется таможенными пошлинами с казенных купеческих караванов и оценено в Нерчинске в 1717 рублей.

Документ ясно говорит по этому поводу, что – пошлины с торговых операций торговых людей всех категорий. «А иных сборов с посацких людей и с пашенных крестьян не соберется для того, что Нерчинский город заведен не в давних летах и распространяется вновь с Китайским государством тот Нерчинский город пограничный». Но зато немалый доход приносили ясачные

²⁴⁷ Леонтьева Г.А. Денежный бюджет Сибири и место в его составе поступлений от торговли в конце XVII–XVIII в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 95.

²⁴⁸ Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. // Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947. С. 204.

сборы с аборигенного населения, принявшего Российское подданство. В 1689 г. общий объем таких сборов составил 89 сороков 17 соболей, 11 «пучков» соболей, 82 рыси, 100 лисиц, 11 лошадей, 50 скотин рогатых. На следующий год сбор ясака составил 10 сороков 12 соболей, 4 «пупка» соболей, 270 рысей, 172 красные лисицы, 21 лошадь, 73 скотины рогатки, «и на покупной скот выменяли у ясачных иноземцев еще 3 сорока 7 соболей. Тем не менее, долг ясачных перед Российским государством все еще составлял 584 сорока 31 соболь. Однако столь значительные объемы собираемого в Нерчинске ясака и 90 % таможенных пошлин в городе не оседало, а уходило в Москву. Как сказано в Описи, «и вышеописанная мягкая рухлядь и китайские товары присылаются к Москве»²⁴⁹.

В 1700 г. окладных и неокладных денежных доходов собрано 5080 рублей 19 алтын и 1/2 деньги. Но они, как и китайские товары, в описи не попали потому что «те товары причисляются к Москве и писаны вместе в Сибирском приказе». С учетом расходов, прибыль Нерчинска в этом году составила 871 руб. 21 алтын. «А в иных годах такова денежного сбора и остатку не бывает для того, как торговых людей караван в Нерчинску бывает, тогда и сбор бывает больше, а когда каравану не бывает, тогда и сборов бывает малое число». В 1701 г. общая оценка отосланной в столицу «государевой казны» составила 22 742 рубля 31 алтын 4 деньги.

Оставляемая в Нерчинске прибыль в деньгах и китайских предметах уходила на оплату текущих расходов жизни пограничного города и всего воеводства: на заработную плату чиновникам, служилым людям, на подарки ясачному населению в качестве поощрения на развитие соболиной охоты. В 1689/90 гг. в Нерчинске был выкопан общественный колодец, куплен двор даурскому князю Семену Гантимурову, оказана помощь переселенным на пашню крестьянам. Деньги шли также на покупку хлеба, соли, свечей, скота, пушнины, дров, на устройство печей в домах, перевоз товаров, на пивное варение и прочие дела. Из этой же казны были оплачены расходы «посланному иноземцу Елизарью Избрандту [Идесу. – С.К.], как приехал из Китая, работным его людям на корм 12 чети с осминою муки ржаной», а также «китайским посланным, которые

²⁴⁹ Силин Е.П. Указ. соч. С. 204.

приезжали в Нерчинск с листами, для почести на пиво и поденного и дорожного корму 44 чети без полуосмины муки ржаной».

Итого к рубежу XVII–XVIII вв. в Нерчинске числилось местных купцов 30 человек, общим объявленным капиталом 4940 рублей, или в среднем по 164,7 рубля на каждого²⁵⁰.

Как показывают таможенные книги 1698/99 гг., не казенная, а именно частная, торговля давала городу наибольший доход в казну до 65,55%. Через столетие в Нерчинске сложились династии крупных купеческих фамилий, не уступающие по богатству троицкосавско-кяхтинских, но действовали они уже на внутренних рынках Китая.

Итак, «золотой век» Нерчинска начался сразу же после подписания Нерчинского Нерчинского торгово-пограничного договора России с Китаем. У нерчинских и албазинских казаков уже был опыт первых торгово-обменных контактов с маньчжурскими племенами. Основу зарождающегося нерчинского купечества оставили статейные купцы, их приказчики и работные люди, прибывшие на восточную окраину России с посольствами Н.Г. Спафария, Ф.А. Головина и И. Идеса, что способствовало быстрому росту местного населения россиян. Во время формирования ежегодных торговых караванов численность граждан Нерчинска возрастала многократно – от 172 человек в 1661 г. до 572 человек в 1697 г. Даже пашенные крестьяне сдавали свои дома и амбары под складские помещения, пока в 1699 г. не был построен каменный Гостиный двор.

После проведения торгов приказчики, ларешные и работные люди, оставаясь на жительство в Нерчинске, продолжали заниматься торговыми операциями на местном рынке в свою пользу, постепенно становясь самостоятельными купцами. В периоды караванных походов в Пекин некоторые из них не уступали столичным «гостям».

Зародившаяся в конце XVI в. русская зарубежная торговля с восточными соседями из городов Западной Сибири имела большие перспективы перерасти из

²⁵⁰ Репин Н.Н. Купечество и торговля городов Западной Сибири в начале 60-х годов XVIII в. (по материалам фонда Комиссии о коммерции ЦГАДА) // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 17.

частной в государственную, встретив понимание со стороны «бухарцев», джунгаров и монголов. Через монголов российские торговые люди достигли Китая, найдя поддержку и у его императора. Однако россияне не имели полномочий от своего правительства на заключение дипломатического договора о торговле. Но монгольский рынок был завоеван прочно (в западных районах страны): Алтын-хан со своим кочевьем в 1620-х гг. перешел в российское подданство, а восточный Цецен-хан в 1647 г. отправил в Москву послов с таким же пожеланием, но ратификация царской грамоты не месте не произошла по причине его смерти.

Вследствии междоусобной войны торговые пути в Китай были перекрыты и понадобилось 40 лет, пока не был найден и освоен обходной путь через Сибирь в Нерчинск и Албазин, откуда началось торгово-хозяйственное освоение Маньчжурии (правобережья Аргуни и Амура), на которую Цинская империя имела территориальные претензии, поскольку китайская государственная граница («Ивовый палисад») находилась в 1000 км южнее Амура.

Назревала война за «свободную» территорию, которую удалось не допустить подписанием Нерчинского торгово-пограничного договора 1689 г., хотя Китай изначально был против допуска российских торговых караванов в Пекин. Походы торговых экспедиций вглубь южной империи продолжались не более 5 лет, после чего осложнялись политическими претензиями Китая на захват новых территорий севернее Амура и Монголии. По причине стойкости позиции русских, цинские власти вытеснили торгующих из столицы в Маньжурский Наун, а затем к 1720 г. оттуда в Нерчинск. С 1689 по 1728 гг. России удалось осуществить провоз 17 торговых караванов за рубеж, пока южный сосед не перекрыл наглухо свою границу, чем прекратил всякие торгово-экономические связи между двумя странами, нарушив условия Нерчинского дипломатического договора.

2 Развитие приграничной торговли после Буринского (Кяхтинского) договора (1727–1728 гг.).

2.1 Проблемы заключения и условий действия Буринского (Кяхтинского) договора

Упадок Нерчинской торговли начался с 1702 г., когда в Пекине побывал едва ли не самый крупный российский караван во главе с Иваном Саватеевым. Крупных московских купцов Д.Филатьева, В.Шорина, А.Евреина, Д.Божедомова, И.Крюкова и Л.Зверева в дороге обслуживало 338 работных и гулящих людей. Они завезли в Китай мехов и различных товаров на 223 319 рублей 24 алтына, уплатив только пошлин 198 руб. 18 алтын²⁵¹. Этот караван испытал в пути большие затруднения в продовольствии и транспорте. В Пекине россиянам долго не разрешали вести вольный торг, цинские чиновники вымогали взятки и требовали отдать им за бесценок самые лучшие меха. В результате возникло много недоразумений и жалоб. Поэтому Иван Саватеев в 1704 г. возвратился домой новой дорогой в Селенгинск, куда привез китайских товаров только на 298 79 рублей²⁵².

Вместо извинений за причиненные неудобства, китайский трибунал известил Сибирского губернатора М.П. Гагарина о том, что отныне в Китай будут допускаться караваны при сопровождении не более 200 человек²⁵³. М.П. Гагарин ответил твердо Китаю следует разобрать обиды торговых людей и впредь выполнять условия Нерчинского договора о торговле²⁵⁴. Обострения отношений с Россией Китай не мог допустить, так как вступил в военные действия с Джунгарией. Несмотря на боевые действия в Монголии, русские купеческие караваны продолжали изредка ездить в Пекин только через Селенгинск, находя этот путь более удобным. Нерчинский торговый центр стал отходить на второй

²⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 1507, Л. 100–102.

²⁵² Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем до XIX века. М., 1882. С. 95.

²⁵³ РГАДА. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Д. 2. Л. 45–51.

²⁵⁴ Там же. Л. 64–70.

план. Там сложилась новая форма торговых отношений, российские и китайские купцы стали передавать на границе свои товары друг другу в долг с условием расплаты после реализации в своих пределах. Однако многие китайские купцы оказались ненадежными партнерами. Среди них находились и такие, кто запускать мошеннические схемы, а иные и вовсе исчезали бесследно с полученными товарами. Подобным образом потеряли свой бизнес некоторые столичные именитые купцы, например, братья Филатьевы. Китайские власти отказывались разбирать жалобы русских при их спорах с китайцами, ссылаясь на личностный, а не на межгосударственный характер таких торговых сделок на условиях Нерчинского договора.

Для разрешения возникшей проблемы с русским караваном 1712 г. во главе с комиссаром Петром Худяковым в Россию выехало первое китайское посольство Тулишения, но не в Москву, а к калмыцкому Аюке-хану с предложением совместной войны против Джунгарии. Поскольку Джунгария уже частично находилась в российском подданстве, то Аюка-хан и Россия ответили отказом, что сразу привело к ухудшению русско-китайской торговли. С 1716 г. Цинские власти стали открыто чинить русским караванам различные препятствия: подолгу задерживать на границе, мешать свободной торговле в Пекине, а караван Гусятникова был попросту изгнан из страны. При этом китайский трибунал вновь известил сибирского губернатора М.П. Гагарина, чтобы российские торговые люди отныне не будут допускаться в Пекин, а могут вести свои дела только в пограничных городах Урга (Монголия) и Цицикаре (Манчжурия). Запрет касался даже тех «гостей», которые будут иметь царские грамоты и подорожные²⁵⁵.

Китайский император Кан-си также был обеспокоен событиями в Центральной Азии. Оттеснив джунгаров в Западную Монголию, империя Цин в 1681 г. овладела Халхасским улусом (Северо-восточная Монголия), что привело к соприкосновению границы нового района Китая с Россией в Западном Забайкалье.

²⁵⁵ РГАДА. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Д. 2. Л. 1–2.

Отсутствие официальной границы не давало Китаю возможности задерживать переход монголов в Россию. «До сего времени на Селенгинской границе с Халхасцами существовала Частная грань, определенная Селенгинскими комиссарами и Халхасскими удельными <...> тайшами, коих смуты и переходы <...> делались опасными для Китайского торгога»²⁵⁶.

Письменное предложение Кан-си об утверждении границы от Аргуни до Алтая (за исключением спорной по Амуру) достигло Петра I, который указом 30 марта 1719 г. повелел лейб-гвардии Преображенского полка капитану Льву Измайлову в чине чрезвычайного посланника выехать в Китай для выяснения вопроса о границе, а также потребовать от китайских пограничных властей не препятствовать пропуску задержанного в Селенгинске торгового каравана в Пекин, а секретаря посольства Лоренцо Ланга оставить в качестве российского агента «для надзирания и управления купечества»²⁵⁷.

Прибыв в середине 1720 г. в Селенгинск, Измайлов со свитой, 14 недель ожидал разрешения от китайских властей следовать в Пекин, но, не дождавшись, 16 сентября поехал в приграничное урочище Стрелку, и оттуда 20 числа достиг условной российско-монгольской (теперь уже китайской) разделительной черты на р. Буре²⁵⁸. На Стрелке он нашел изгнанный из Урги караван из 200 торговых людей с нагруженными на телеги товарами и бродящими по степи лошадьми.

Достигнув Пекина, Лев Измайлов был принят властями с большим почетом. Император Кан-си принимал его 13 раз и имел продолжительные беседы, однако, ожидаемых результатов они не дали. Видимо, потому, что Измайлов предъявил от имени Российского государства слишком большие требования, в том числе по части коммерции. Например, вот изложение пункта № 8 врученной ему Инструкции: «Весьма нужно учредить коммерцию между странами, позволив российским подданным ездить в богдыхановы земли с товарами, продавать повольною ценою, покупать у китайцев и вывозить оные в Россию повсегодно».

²⁵⁶ Сычевский Т.А. Историческая записка о китайской границе. М., 1875. С.16.

²⁵⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1882. С. 86 – 89.

²⁵⁸ Там же. С. 91.

Если же обслуживание китайцами российских караванов кажется тягостной, то купцы перейдут на собственное «иждивение» в кормах, только бы велено было им нанимать и покупать как лошадей и верблюдов на границе, так и корм для оных и для людей, и торговать им, с кем похотят, без определенного времени, исключая послов или гонцов, коим с обеих сторон давать корм и подводы казенные для почитания монаршей чести; а сие, равным образом, с российской стороны китайским купцам позволено будет; и на таком точно основании договор о купечестве учинить». От Коммерц-коллегии Лев Измайлов имел такие указы: «Ездить россиянам с товарами невозбранно по всем китайским городам, не запрещать им торговать с самими китайцами и с другими, там находящимися нациями, им не дозволять как свои и чужие товары врознь и оптом продавать, там покупать и вывозить из Китая золото, серебро, камень и парчи; получать им скорый и справедливый ход в долгах и в торговых своих делах на всех, какой бы кто нации не был, не зависеть им ни от кого, кроме генерального российского консула, давать им во всем Китае за пристойную плату лошадей, верблюдов и всякий запас и кормы; уволить их от всяких пошлин и налогов в покупке и в продаже в Китае товаров, и в приезде и отъезде никакого не чинить задержания, давать им довольное число провожатых в пути в Китай и оттуда»²⁵⁹.

Находясь в Китае, Лев Измайлов настаивал на немедленном подписании нового договора о купечестве, но китайские министры неизменно выдвигали свои надуманные контрдоводы:

- от российских купцов, занимающихся в Пекине драками и худыми поступками чинятся китайскому государству великие убытки;
- от купечества нет никакой пользы обоим государствам, ибо купечество есть дело малое.
- разговор о договоре может начаться лишь тогда, когда Россия разыщет и вернет китайских (т.е. монгольских беглецов – С.К.).

²⁵⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Ук. соч. С. 87–88.

– поскольку россиянам ходить в Пекин через Селенгинск тяжело, то Китай сыщет другое место для государственной торговли на Ямышевском озере, что ближе из Тобольска по Иртышу²⁶⁰.

Из всех требований России китайские власти согласились выполнить лишь два: пропуск задержанного в Чикойской Стрелке русского каравана и на оставлении Лоренца Ланга в качестве российского торгового консула, но только на короткое время, пока русские не завершат распродажу своих товаров в Урге и Пекине. Китайцы считали торговлю второстепенной задачей, решение которой ставилось в зависимости от решения вопросов политических, в частности, о границе и возвращении бежавших в Россию монголов. Полномочий на это Лев Измайлов не имел, поэтому переговоры, начатые в ноябре 1720 г., были прерваны в феврале 1721 г.²⁶¹.

8 апреля 1721 г. Л.Измайлов, возвращаясь в Селенгинск, вручил купцам разрешение цинских властей на проход в Китай. «Вследствие сего, караван сей при комиссаре Федоре Степанове сыне Истопникова благополучно в Пекин прибыл 13 декабря 1721г.»²⁶². Торги нельзя назвать удачными из-за порчи товаров в результате почти четырехлетнего ожидания на Чикойской Стрелке. С ним вернулся 26 августа 1722 г. в Селенгинск и Л. Ланг в ожидании дальнейшего о себе повеления. Причина высылки торгового представителя России в Пекине была в неурегулированности границы на юге Забайкалья и продолжающихся в этой связи массовых переходов монголов в российское подданство.

Отбытие посольства Льва Измайлова не принесло России улучшения восточных дел. Неожиданно в Забайкалье бежало 700 монголов с просьбой о предоставлении политического убежища. Оставшийся в Пекине Л. Ланг также не имел полномочий решать пограничные дела. Озлобленные китайцы стали чинить ему всякие неприятности, вынуждая покинуть страну. Мандарины даже запретили ему отремонтировать полуразвалившийся дом, в котором он жил, на том основании, что строение принадлежит богдыхану и не может быть поддержано за

²⁶⁰ Там же. С. 96.

²⁶¹ Дипломатический словарь (А – И). М., 1984. С. 390.

²⁶² Там же. С. 103.

чужие деньги. Все курьеры, посылаемые Л. Лангом в Россию, задерживались китайским пограничным начальством. Наконец, не выдержав чинимых неудобств в исполнении должностных полномочий, он в 1722 г. оставил Пекин и выехал в Ургу. Но, и там его ждало неприятное известие. Кан-си распорядился выслать торгующий там русский караван и запретил ему продолжать путь в Пекин. Одна из причин такого недружественного шага Цинского правительства была изложена китайским Трибуналом внешних сношений сибирскому губернатору М.П. Гагарину в следующей редакции: это, мол, обида самого богдыхана на русских купцов за то, что они в качестве подарков дали не деньги, а предметы не самого лучшего качества и торгуют высокою ценою²⁶³.

Раздражение китайских властей после бегства 700 монголов и отказ России выдать их обратно было настолько сильным, что делу не помогли две дипломатические поездки селенгинского сына боярского Василия Фирсова, который был на дружеской ноге с ургинским кутухтой. Иркутский воевода И.И. Полуэктов по этому поводу извещал сибирские власти о том, что в 1722 г. владелец «Мунгальской земли» Тушету-хан в отместку за принятие партии монгольских беженцев в Россию выгнал из Урги российских купцов и не дал им торговать. Направленный для улаживания конфликта Фирсов 10 сентября докладывал воеводе: запрет на торговлю связан с тем, что Россия не возвращает все время убегающих в Забайкалье монголов. К тому же, россияне нарушают ранние договоренности с Иваном Дунаевым посылать караваны числом не более 30 человек сопровождающих с «начальными людьми», а на подорожных грамотах нет изображений печати с государственным гербом России. Иные вообще заходят в пределы Монголии без каких-либо указов «и чинят всякие дурности».

Во время состоявшихся переговоров с Тушету-ханом Василий Фирсов ответил, что Дунаев являлся частным человеком и не представлял Российское государство. По крайней мере, никаких письменных договоренностей в Селенгинске и Иркутске нет. И ссылка на него не основательна. Россия придерживается статей Нерчинского договора, подписанного Ф.А. Головиным с

²⁶³ Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. М., 1785. Т. 3. Кн. 2. С. 172.

Китайским трибуналом. Эти статьи разрешали ходить за границу «пространно» в обе стороны гораздо большим числом сопровождающих торговые караваны людей, а не 30. Да, изображение орла является гербом России, но государевы и воеводские указы скрепляются разными государственными печатями, какие имеют воеводы любого крупного сибирского города. Что касается возврата беженцев, то для разрешения этой проблемы из Москвы приедет специальный государев посланец.

На другой год Фирсов вновь был послан к Тушету-хану, но тот его не принял, а общался через своих чиновников. Предложения России по урегулированию дипломатических отношений с Монголией были прежними. Но на этот раз монголы, аннексированные Китаем, сослались на Пекин, признав, что действуют по указанию новых властей никого не пропускать в их государство. Поэтому, возвращайтесь со своим торговым караваном, задержанным в Урге, пока не договоримся о возврате наших беженцев.

При этом Тушету-хан, в ответ на слова Фирсова, вновь ссылаясь на ранние договоры с селенгинскими приказчиками Иваном Дунаевым, Афанасием и Яковом Бейтонами. Озвучив, что тексты этих договоров у нас и у вас есть, он не представил в доказательство свои обменные документы. Поэтому, заключил монгольский правитель, «с нынешнего числа впредь чтоб ходили русские люди и брацкие иноземцы и при них работные в 30 человек, а при них был бы начальный человек. А торговать бы им, торговым людям, по два месяца, чтоб указы были за печатью и за орлом. А как те 30 человек исторгуются, и впредь бы ходить с такими же указы по 30 человекам»²⁶⁴.

По словам российского торгового комиссара Лоренца Ланга, побывавшем в Урге с посольством Львом Измайлова, будучи задержанным, караван стал готовиться к долгому стоянию в Урге, для чего «разные торговые люди дерзнули в помянутой Урге деревянные дома построить. Монгольские власти возмутились и велели строения разобрать, а так как россияне не спешили этого делать, «мунгалы сломали их» и прогнали торговых людей. Вероятно, это был тот самый

²⁶⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. I. М., 1990. С. 325–326.

караван из разных городов России комиссара Истопникова, не пропущенный в Китай. Вернувшись в Селенгинск, торговые люди вновь обосновались становищем на Чикойской Стрелке.

Интересны строки «Реляции» Ланга о настойчивом желании россиян торговать в Монголии и Китае, несмотря на испытываемые при этом немалые трудности: «В прошлом 1722 г. приехали в Иркутск и Селенгинск так много торговых людей из разных российских провинций, что наперед сего никогда не бывало, а именно все намеревались идти в Мунгалы с сукнами, юфтями, бобрами и выдрами торговать, которые не без великого убытку со своими товары на границе жить принуждены. Однакоже некоторые отважились з довольным числом товаров туда ехать. А как они никакой нужды не увидели, чтоб там остатца, тогда оне свои сукна мунгальским ламам на кредит отдали, а имянно дешевле как их в Англии и Галандии достать можно. Имеем здесь ведомость, что Кутухта и Тушету-хан поехали в Пекин и сказывают, что никогда такого опасного проезду в Мунгалах не бывало, как по отъезде сих обоих господ оттуда в Китай»²⁶⁵.

Отметим, что после умершего в том же 1722 г. императора Кан-си его преемник Юн-джен согласился восстановить торговлю с Россией, но только после точного определения государственной границы между двумя соседствующими странами и определения при ней пункта для постоянной торговли на условиях Нерчинского договора – одним караваном раз в 3 года, и числом торгующих не более 300 человек²⁶⁶. То есть, Юн-джен признал ранние нерчинские условия международной торговли, изложенные Львом Измайловым справедливыми и возможными для включения в будущее пограничное соглашение между Россией и Китаем.

Случай с очередной миграцией 700 монголов стал причиной отказа пропустить второй торговый караван России, прибывший в Иркутск 1 февраля 1724 г., и шедшего из разных городов Московии к Байкалу два года. И только когда Лоренц Ланг все же выслав часть перебежчиков в пределы Китая, цинские

²⁶⁵ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. I. М., 1990. С. 370–371.

²⁶⁶ Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке. К истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947. С. 41.

власти сменили гнев на милость. К Лангу в Селенгинск прибыли два китайских министра для «постановления о перебежчиках и о границе нового договора». Однако, переговоры закончились безрезультатно, поскольку и Лоренц Ланг, уже в чине сибирского вице-губернатора, не имел полномочий решать важные межгосударственные дела.

К тому же выяснилось, что эти два китайских министра имели и другие цели: скрытно в одностороннем порядке установить межевые знаки «в Саянской земле на р. Ока, в Анггару впадающей», или вообще по р. Ангаре, для предстоящего доказывания исконных китайских владений на предстоящих переговорах. Под их нажимом около Селенгинска, по Чикою и в других местах стали появляться вооруженные монголы, ставя свои юрты и проводя межевание будущей государственной границы.

Пресекая эти попытки, Лоренц Ланг потребовал допустить российских купцов, как это обещал богдыхан при личной встрече, но Президент китайского Трибунала (Правительства) письменно известил: коммерция в Китае считается «малой вещью», и русский агент при ней ни к чему. Мол, они и караван из Селенгинска не приняли бы, если бы не прошение Измайлова. Русские приезжают «богатить» только себя, а не китайцев, устанавливают высокие цены на товары. Поэтому Китай с русскими купцами никакого дела иметь не желает. Что касается ссылки на богдыхана, то он повелел «коммерцию с Россией пресечь и отныне не пропускать в Китай ни одного русского каравана». В подтверждение тому ранее ушедший в 1722 г., русский Селенгинский караван Степана Третьякова (хотя тот и имел грамоту от Сената) был остановлен в Урге, ограблен и изгнан по повелению монгольского Тушету-хана. Срочно выехавшего для урегулирования конфликта селенгинского дворянина Василия Фирсова хан не допустил к себе, заявив, что все делается по указанию богдыхана в отместку за невозвращение бежавших в Россию 700 монголов.

Ввиду неразрешимых пограничных и торговых проблем на Востоке, Российское правительство решает 5 июля 1725 г. начать формировать Посольскую миссию Чрезвычайного посла и Полномочного министра графа

Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского. В свиту вошел секретарь посольства Иван Глазунов и подполковник Иван Бухольц с Тобольским (с 6 ноября 1727 г. переименованном в Якутский) пехотным полком и ротой драгун, общим числом 400 человек²⁶⁷. Из других важных лиц назовем комиссаров Колычева, Ивана Балуюева, Скобельцина, Свистунова и других²⁶⁸. Последние выполняли геодезические работы от реки Аргуни до Енисея.

В Селенгинск посольство прибыло 2 августа 1726 г.²⁶⁹, а 21 августа С.Рагузинский выехал на Чикойскую (Китайскую) Стрелку, где нашел стоявший там государственный торговый караван «в худшем положении»²⁷⁰. По степи бродило 1650 лошадей, 565 голов домашнего скота, стояло 162 телеги с провиантом, 474 телеги с караванным товаром. В наскоро построенных избах ждали решения своей судьбы 205 человек. Моральный дух торговых людей упал из-за длительного бездействия купцов, порчи товаров и неожиданной смерти комиссара Степана Третьякова. На его место посол назначил тобольского сына боярского Дмитрия Молокова.

Покинув Чикойскую Стрелку, Савва Рагузинский прибыл на речку Буру (в 10 верстах южнее современной Кяхты) 24 августа 1726 г., считавшуюся условной пограничной чертой между Монголией (Китаем) и Россией, не дожидаясь прибытия в Селенгинск воинского контингента во главе с И.Д. Бухольцем. Оттуда он писал полковнику, чтобы он немедленно занялся постройкой на Чикойской Стрелке крепости со складочными амбарами для каравана, а Лоренцу Лангу вести его в Китай. Однако далее Урги он так и не был пропущен цинскими властями. В ноябре 1726 г. российский посол прибыл в Пекин, где китайские власти устроили ему торжественный прием парадом войск и стрельбой из пушек. Но как только Рагузинский отверг необоснованные претензии на русские земли до Байкала, цинские власти применили насилие, посольство морили голодом, ограничивали в

²⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.7. № 4746.

²⁶⁸ Бантыш-Каменский. Н.Н. Указ. соч. С. 115, 121; Новлянская М.Г. И.К. Кириллов и его Атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958. С. 50; Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья. СПб., 1887. С. 138.

²⁶⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. № 4992.

²⁷⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Ук. соч. С. 124.

воде, если давали пить то только соленую, и даже угрожали тюремным заключением²⁷¹.

В знак протеста Рагузинский предложил продолжить переговоры на самой границе. Таковой он считал реку Буру, по существу ручей, впадающий в Орхон в 10 верстах южнее Селенгинска. Там еще со времен русско-монгольских отношений на сопке Оргойтон стоял караульный маяк в виде каменного кургана, означающий условную черту разграничения земель между Россией и Халхой. И китайцы, стремясь предотвратить бегство монголов в Забайкалье, поставили на кочевой тропе караул из 20 юрт, где расположился перешедший на китайскую службу монгольский вооруженный сторожевой отряд. Здесь российские и китайские переговорщики простояли весь июль и август 1727 г. пока не составили и подписали текст Буринского договора.

Согласованное разграничение в целом учитывало исторически сложившуюся межевую линию, но с тем отличием, что ее было решено передвинуть с Буры и Селенгинска к речке Кяхте. Более 150 человек российских служилых людей приняли участие в демаркации новой государственной границы. Группа с секретарем посольства Иваном Глазуновым пошла на восток до Аргуни, вторая, с пограничным комиссаром Степаном Колычевым, «чертила» границу к западу до Алтайских гор. Свидетельством тому является документ, хранящийся в Государственном архиве Забайкальского края²⁷². Вдоль этой линии служилые люди посольства поставили на возвышенных местах 87 маяков в виде каменных или земляных пирамид: из них 63 – на восток, 24 – на запад. В каждую из них были вложены пояснительные записки о Буринском соглашении на русском и монгольском языках²⁷³.

Как и в Нерчинске, подписание Буринского пограничного договора происходило 20 августа 1727 г. под дулами китайского оружия, так как цинские

²⁷¹ Курц Б.Г. Русско-китайские отношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Днепропетровск, 1929. С. 70–74; Новая история Китая. М., 1972. С. 61.

²⁷² Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 213. Заведующий пограничными селениями 3-го участка Нерчинского уезда. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.

²⁷³ Константинова Н.Н. 270 лет Буринскому договору России с Китаем (1727). // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1997 год. Чита, 1997. С. 121–124.

власти не оставляли попыток оспорить «свои» земли до Байкала. Когда Савва Рагузинский прибыл из Пекина на Буру, он нашел там военный отряд в 5000 «мунгалов» под командованием двух китайских министров, богдыханова зятя из монголов Цырен-вана. Против них россияне сумели срочно перебросить из Селенгинска только роту драгун, несколько сотен русских служилых людей, и 400 «братских иноземцев» (всего 795 человек)²⁷⁴. Но на этот раз китайцы не были столь агрессивны, увидев, что севернее Буры помимо укрепления прежних Удинской и Селенгинской крепостей возводятся новые Петропавловская, Троицкосавская и Кяхтинская, перестраиваются Ильинский, Итанцинская и другие остроги, есть оборонительные стены у Троицкого и Посольского монастырей; живут россияне в тесном содружестве с бурятами и тунгусами. Последние стояли «в добром ополчении на границе»²⁷⁵.

Договор, называвшийся «О разграничении и торговли между Россией и Китаем» был подписан С.Рагузинским и уполномоченными Цинского правительства Чабиной, Тегутом и Тулишенем. Он наметил общие черты разграничения на участке от р. Аргуни (на востоке) до перевала Шабин-дабата (на западе). Для исправления ошибок при подписании Нерчинского договора 1689 г. на этот раз были учреждены две смешанные русско-китайские комиссии, которые точно устанавливали границу на местности и подписывали соответствующие документы: «разметные письма», описания пограничных знаков («реестр пограничным маякам») и карты («чертежи») устанавливаемой границы. При этом договаривающиеся стороны руководствовались принципом «каждый владеет тем, чем владеет теперь», то есть границы соответствовали прежней условной линии, где уже фактически существовали российские и китайские караулы, а там, где их еще не было, в основном, по естественным природным рубежам горным хребтам и рекам. Для укрепления добрососедских отношений оба правительства согласились «предать забвению все накопившиеся к 1727 г. дела о

²⁷⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 137.

²⁷⁵ Там же. С. 140.

перебежчиках», обязываясь впредь производить взаимную выдачу их без промедлений»²⁷⁶.

Главные пограничные маяки между Россией и Китаем были сооружены при р. Селенге. Н. Бантыш-Каменский приводит выписку из архивного документа: «На р. Кяхте учредить караульное строение, а на сопке Оргойту на китайской стороне будут главные знаки обоих границ: между ними земли разделяются пополам, да будет тут пограничное купечество». С.В. Рагузинский, осматривавший эту сопку, «в 10 верстах от Кяхтинского первого знака остающую», распорядился водрузить на каменном кургане большой деревянный крест с надписью «Крест Божий, курган – знак границы между Российской и Китайской империями, поставлен 1727 г., августа 26 дня». Имеется зарисовка С.И. Черепанова этих громадных по высоте пограничных знаков первой половины XIX века. Левый (северный) курган действительно имеет на вершине православный крест. Хотя изображения межевых знаков несколько преувеличены, но они дают представление о сходстве их с традиционными монгольскими каменными обо²⁷⁷.

Что касается торговли, то договаривающиеся стороны решили учредить два пропускных пункта при границе Кяхта и Цурухайтуй, через которые пропускать русские караваны не реже 1 раза в 3 года при 200 человек сопровождающих. В документах того времени сказано: «Купечеству быть свободному; каравану через три года в Пекин приезжать и там торговать, продавать и покупать беспошлинно; всегдашний торг иметь обеим сторонам на Кяхте и при Нерчинске». В этих торговых точках определено быть «для расправы между купцами» с обеих сторон содержать воинские команды по 30 человек под присмотром «двух начальников равного чина». Также условились для исполнения трактата российских и китайских купцов из Урги перевести в Кяхту, а из Науна – в Цурухайтуй, «дабы торговали в новопостроенных слободах, каждый при своей границе»²⁷⁸.

²⁷⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. № 5180; Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881г. СПб., 1889. С. 11–14; 50. Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк. Т. 2. Чита. 1916. С. 1–37.

²⁷⁷ Черепанов С.И. Сибирские горы. Острые сопки в Кяхте // Иллюстрация. СПб., 1859. №. 98. 10 декабря.

²⁷⁸ Бантыш – Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 235.

Договор этот также юридически оформил нахождение в Пекине Русской духовной миссии из 10 человек, из которых 6 учеников должны были изучать китайский и маньчжурский языки для работы переводчиками при караванах. Договорились не затруднять документы длинным титулованием обоих императоров. Вопросы урегулирования пограничных споров ложились на пограничных администраторов. Были решены вопросы дипломатического порядка приема послов. Из договора: «Если кто взят за границей на каком-либо промысле, то вся его добыча конфискуется, а виновный передается для наказания властям его родины. Переход границы разрешен только лицам, получившим на то паспорт от пограничных властей, Сената или Пекинского Трибунала. Постоянная пограничная торговля разрешена только в торговых слободах Кяхте и Цурухайтуе»²⁷⁹. В проекте договора этот пункт имел следующую редакцию: Для меньшего купечества на двух пограничных местах слободы построить и когда сие произведется в действо, пограничные жители могут быть довольны торговыми малыми промыслами, кроме мягкой рухляди <...> и от того торгу богатиться»²⁸⁰. Есть и такая редакция Кяхтинского трактата: «От караульного строения на реке Кяхте и от китайского маяка, что на сопке Оргайту, разделив промежуточную полосу пополам, на каждой <...> учредить места для свободной торговли. Для малых торгов учреждаются два места: в Кяхте и в Ныпкове» (Нерчинске)²⁸¹.

Пока на границе работали две комиссии по разграничению территорий двух государств, С.Л. Владиславич-Рагузинский отправил текст подписанного дипломатического документа на ратификацию китайской стороной. Каково же было его удивление, когда Буринский договор вернулся в новой редакции, искажающей суть достигнутых соглашений. Посол заявил решительный протест и потребовал от китайских чиновников доложить Богды-хану о допущенной фальсификации важного дипломатического документа. Сначала они пригрозили в ответ выслать из Пекина находившийся там русский торговый караван, но спустя

²⁷⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 8. № 5268.

²⁸⁰ Бантыш-Каменский Н. Указ.соч. С.140–141; Городские поселения в Российской империи. СПб., 1861. Т. 2. С. 257.

²⁸¹ Городские поселения в Российской империи. СПб., 1861. Т. 2. С. 258–259.

время вернулись к прежнему тексту Договора. 14 июня 1728 г. на р. Кяхте состоялся размен подписанных экземпляров нового окончательного документа, получившего название Кяхтинского трактата. Он стал правовой основой взаимоотношений России с цинским Китаем, вплоть до середины XIX века. В дальнейшем его положения уточнялись и заменялись дополнительными соглашениями, в частности, Айгунским (1858 г.) и Пекинским (1860 г.)²⁸². В 1792 г. было подписано русско-китайское соглашение о порядке русско-китайской торговли через Кяхту.

Добившись по Кяхтинскому трактату перенесения частного торгового двора на границу из Урги и Цицикара, китайские власти по сути дела окончательно вытеснили российских торговцев с территории своей империи. Более того, они не раз прибегали к вытеснению государственных караванов и из Пекина, чтобы помешать установлению прочих деловых контактов между русскими и китайскими купцами. Например, прибывший в ноябре 1736 г. караван Ерофея Фирсова разместили на торговом дворе, но установили строгую систему пропусков. Местному населению пригрозили казнью, если кто из китайцев будет наниматься к русским в качестве рабочей силы. Русским также не разрешили свободное хождение по Пекину. Сам Торговый двор охраняли 540 китайских солдат. В результате торг не состоялся под предлогом запрещения Богдыхана о свободной распродаже товаров. В 1737 г. уже сам российский торговый агент Лоренц Ланг повел караван в Китай через Цурухайтуевский форпост, но и ему, привезшему товар на 50 тысяч рублей, не разрешил расторгаться по той же причине. Более того, китайские купцы-посредники, явившись к Лангу, заявили о невозможности уплатить за отпущенные им в кредит товары деньгами, так как те опечатаны полицией. Жаловались они также на лихоимство своих чиновников, забирающих лучшие русские вещи для своих личных нужд или для отсылки в императорский дворец. Напрасно Л. Ланг подавал официальный протест России Цинскому правительству против нарушения 4-й статьи Кяхтинского договора. Не

²⁸² Дипломатический словарь (К – Р). Т. II. М., 1985. С. 129 – 130.

добившись удовлетворения своих требований, русские купцы дешево распродав свои товары в мае 1737 г. покинули Пекин и вернулись в Кяхту.

В аналогичных ситуациях оказывались и некоторые другие казенные караваны. В том числе Герасима Лебратовского: он прибыл в Пекин в ноябре 1745 г. из Кяхты и был задержан там на целый год. Впоследствии он писал: «Хотя указали его богдуханова величества <...> было опубликовано, что купечество на российский двор для торгу свободно допущено будет, токмо чрез бытность нынешнего каравана в Пекине весьма усмотрено, что караванному с китайцами торгу никакой свободы не находитца, либо к российскому двору <...> якобы для всякого каравану охранения определяются <...> по 4 и по 3 человека дзргучеев, которые всякий день заседают на переднем дворе у ворот, в которые вход на российский двор, и те дзргучеи каждого человека китайцы при входе и выходе на том переднем дворе осматривают и записывают, что кто несет продавать и что кто на российском дворе купит <...> и за вышеявленным от оных приставов не свободным на российский двор допущением из знатного купечества к караванному торгу никто не бывает, и затем принужден караван с какими торг иметь, которые едва пропитание себе имеют. И хотя они от знатного купечества яко приказчики торгуют, токмо российские товары <...> дешевет за тем, что без платы показанным приставам на российский двор запущены не будут <...> и за протчие мало капитальные, хотя и сами собою торгуют, токмо человек по 15 и по 20 складываютца в кампанию, а торгуют российские товары, не объявляя свою кампанию, порознь, якобы всяк сами собою, а один перед другим лишней цены не немо ят»²⁸³.

Более того, согласно жесткому распорядку, вечерами русский двор окружали более 1000 китайских солдат, запирали ворота и уносили ключи с собою. Открывали «узников» утром следующего дня. За каждым русским, выходявшим днем за ворота, следовал китайский солдат. Опасаясь такого надзора, китайские торговцы не решались продавать товары в своих лавках и домах²⁸⁴.

²⁸³ РГАДА. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Оп. 2/1. Л. 28–29.

²⁸⁴ Там же. Л. 30 – 31.

Похожие ситуации складывались и позднее, например, в 1753, 1755 и 1758 гг. с караваном Алексея Матвеева Владыкина.

Поэтому караванная казенная торговля с ее ограниченным ассортиментом товаров, рассчитанным в основном на представителей господствующих классов, с каждым годом становилась все более невыгодной и обременительной для царской казны. В 1739 и 1741 гг. Российское правительство попыталось привлечь к участию в торговых операциях частнокупеческий капитал путем предоставления монополии купеческим кампаниям, но и эти попытки окончились неудачей. 16-й казенный караван Антона Владыкина 1758 г. оказался последним, в 1767 г. государственная монополия на торговлю с Китаем была отменена. Это привело к окончательной концентрации русско-китайской торговли на границе, главным образом в Кяхте-Маймачене.

Следует сказать, что с 1728 по 1760 г. цинские пограничные власти восемь раз приостанавливали торговые операции и в Кяхте под разными предлогами (1733, 1737, 1744, 1747, 1751, 1753, 1756 и 1757 гг.). Взамен развивалась полуподпольная торговля с монгольскими купцами в Маймачене. В 1760 г. здесь было продано товаров на 1 млн. 358 тыс. рублей. Пытаясь бороться с контрабандным пересечением границы, российские власти установили вдоль наиболее заселенных участков деревянные надолбы-заграждения, вызвавшие в 1762 г. очередную ноту протеста Цинского правительства. Остановив торги, китайские власти стали настаивать на отмене пошлин с русских товаров в Кяхтинской таможне, ссылаясь на дороговизну их для китайских купцов. В 1764 г. китайцы окончательно прекратили торговлю, удалив из Маймачена всех своих торговых людей. Вместо них в слободу был введен военный отряд из 400–500 человек²⁸⁵. Этим шагом Китай решил положить конец тайной торговле монголов с русскими, а заодно и запугать те монгольские племена, которые переходили в Российское подданство. Надзор за «самовольными» действиями монголов и контроль за ходом политических дел с русскими в районе Кяхты-Маймачена был

²⁸⁵ Правдивые записи о прославлении императора Гао-цзуна великой династии Цин. Пекин. 1938. С. 4– 5, 15–16.

возложен на маньчжурского правителя-амбана в Урге²⁸⁶, присылаемого из Пекина на трехлетний срок.

Для налаживания ухудшившихся русско-китайских отношений в мае 1767 г. в Иркутск прибыл капитан И.И. Кропотов с большими полномочиями от Российского правительства. Посетив коменданта Селенгинска В.В. Якоби и получив от него исчерпывающие сведения о делах на границе, он поехал в Кяхту, где начались межгосударственные переговоры. Кропотов изложил 13 пунктов требований России, но от богдыхана пришел ответ о том, что если русский комиссар не примет предложений цинской стороны, то переговоры следует приостановить. Посланник ответил согласием и пошел на уступки. Они касались сноса пограничных надолбов и отмены пошлин с русских товаров на границе. С упразднением Цурухайтуя, Кяхта – Маймачен с 1772 г. стали единственным пунктом (зоной особого предпринимательства) через который осуществлялась легальная русско-китайская торговля. Несмотря на двухлетний перерыв 1778–1779 гг., товарооборот в Кяхте в 1769–1784 гг. увеличился в 2,7 раза, достигнув 6 361 612 рублей, а сбор пошлин составил 600 633 рубля²⁸⁷. В 1775 г. таможенные сборы в Кяхте составили 38,5 процента в целом по внешней торговле России.

Однако Цинское правительство продолжало препятствовать расширению деловых контактов русских купцов с китайскими. Под предлогами мелких нарушений на границе, чаще провокационных, Китай продолжал неоднократно и далее останавливать торговые операции в Кяхте-Маймачене: 1778 г. (на 2 года и 13 дней), 1785 (на 7 лет), 1799 (на 11 дней)²⁸⁸.

В 1796 г. было подписано русско-китайское соглашение о порядке русско-китайской торговли через Кяхту – Маймачен. Договаривающиеся стороны лично не встречались, а сумели решить скопившиеся проблемы в переписке между иркутским губернатором Л. Нагелем и уполномоченными Цинского правительства Сун Юном, Сун Допдорзи и Пу Фу. Причиной явился отказ Китая

²⁸⁶ Там же. С. 4.

²⁸⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 161. Главный архив. II-3 (1805 – 1830). Д. 2. Л. 35.

²⁸⁸ АВП РФ. Ф. 161. Главный архив. II-3, (1801). Д. 6. Л. 23, 32, 34.

в 1785 г. принимать торговые караваны в связи с нежеланием России выдать китайских перебежчиков. В переписке стороны показывали заинтересованность в скорейшем возобновлении взаимовыгодной торговли после 7-летнего перерыва.

Новое соглашение подтвердило пункты Буринского (Кяхтинского) договора 1727–1728 гг. и дополнительную статью к нему 1768 г. Стороны обязывались следить за быстрым обменом товаров в определенные дни, курировать деятельность своих купцов. Последним воспрещалось одалживать товары и возбуждать споры о долговых обязательствах. Это Соглашение привело к укреплению как русских, так и китайских купеческих объединений, что сказалось на заметном оживлении русско-китайской торговли в Кяхте-Маймачене. Хотя вопроса о переходе от меновой к денежной торговле соглашение не решало, тем не менее, при вмешательстве государств помогло улучшить осуществление расчетов и придать торговле более организованный характер. Достаточно сказать, что после ввода в действие документа, объем международной торговли здесь увеличился сразу на 70 %. Стороны договорились «впредь ничего не начинать в противность постановленного трактата и не нарушать мирного соглашения, сохраняя оный твердо»²⁸⁹.

Итак, к рубежу XVII–XVIII вв. сложилась невыгодная для Китая и России внешнеполитическая обстановка. Китай вытеснил Россию со своего внутреннего рынка, но и у него самого начались более крупные проблемы в связи с вступлением в войну с Джунгарией за господство в Монголии. Это повлекло массовую миграцию монголов в забайкальские пределы России. Прекратить отток подвластного населения кочевников, Китай не мог ввиду отсутствия официального порубежного разграничения.

Желая иметь в союзниках Россию, император Кан-си письменно предложил начать переговоры об определении государственной границы от Аргуни до Алтая. В качестве жеста доброй воли цинские власти разрешили России вести торги в Урге (Монголия) и Цицикаре (Маньчжурия), но не в Пекине.

²⁸⁹ Русско-китайские отношения. 1689–1916. М., 1958. С. 24–26; Сборник договоров России с Китаем. СПб., 1889. С. 93–95; Дипломатический словарь (К – Р). Т. II. М., 1985. С. 484.

Для изучения вопроса на месте, в 1714 г. прибыло посольство Л. Измайлова и торгового комиссара Л.Ланга. В Пекине посланцы 13 раз имели аудиенцию у императора, но переговоры больших успехов не принесли, китайские министры требовали немедленного подписания пограничного договора (на что Л. Измайлов полномочий не имел), а Россия настаивала заключить прежде всего соглашение о торговле. Удалось лишь договориться о пропуске в Китай задержанный на четыре года торговый караван в Селенгинске, ранее выдворенный Китаем из Урги. Однако едва он добрался вновь до столицы Монголии, как последовал запрет следовать ему до Пекина. Причина – принятие Россией 700 бежавших монголов. Попытка урегулировать вопрос селенгинскими властями и Л. Лангом с Тушетуханом не удалось: россиян выдворили из Урги в Селенгинск.

По прибытии в 1726 г. в Пекин посольства С. Рагузинского, Китай согласился на возобновление межгосударственных торговых связей, но с условием немедленного подписания пограничного договора, причем своей территорией признавал земли до Байкала. Российская сторона отвергла эти претензии и перенесла переговоры из Пекина на р. Буру (в 180 км. южнее Селенгинска), считавшуюся еще с 1666 г. условной границей между Россией и Монголией, и где китайцы уже разместили свои войска в 5 тыс. человек.

В ходе переговоров межевая черта была передвинута к речке Кяхте, где Россией уже возводились 2 пограничные крепости, а в устье Чикоя – еще одна (помимо имеющегося Селенгинска). Подписанный в 1727 г. Буринский договор «О разграничении и торговле между Россией и Китаем» предусматривал только 2 пропускных пункта – Кяхту на р. Селенге и Цурухайтуй на р. Аргуни, куда переводились уже действующие торговые слободы из Цицикара и Урги. Через них в Пекин пропускался разовый купеческий караван в 3 года при 200 человек сопровождающих, причем торговля признавалась только беспошлинной.

Однако, китайская сторона при ратификации этого важного дипломатического документа самовольно внесла коррективы, искажающие суть достигнутых договоренностей. Российский посол заявил решительный протест и перенес переговоры в Кяхту. 14 июня 1728 г. там был подписан прежний вариант

договора, получившего название «Кяхтинского трактата». Он стал правовой основой взаимоотношений России с цинским Китаем вплоть до середины XIX века. Но действия его не раз останавливались на годы по причине целого ряда пограничных нарушений (Россией и Китаем), пока в 1796 г. не было подписано тщательно выверенное русско-китайское соглашение о порядке международной торговли через Кяхту – Маймачен, начавшего путь к оживлению и расцвету здесь особой экономической зоны свободного предпринимательства.

2.2 Организация зон свободного предпринимательства на российско-китайской границе: Селенгинск–Чикойская стрелка–Петропавловская крепость–Троицко-Кяхтинская слобода–Маймачен–Цурухайтуевский пост

Установлению ныне действующей государственной границы между Россией и Монголией способствовало энергичное строительство во время затяжных переговоров российского посольства С.Л. Рагузинского с китайскими министрами трех новых пограничных крепостей: Петропавловской, Троицкой и Кяхтинской, а также укрепление Удинского и Селенгинского острогов. Увидев развернувшееся строительство значительными армейскими силами Тобольского (Даурского) полка И. Бухольца, забайкальскими казаками и охранным подразделением самого полка, китайцы умили свои территориальные претензии до Байкала и сели за стол переговоров. В ходе переговоров были утверждены статусы нескольких населенных пунктов, которые признавались пограничными пропускными постами российских торговых караванов, а фактически – зонами свободного предпринимательства.

1. Селенгинск. Со дня своего основания в 1665 г. Селенгинский острог стал самым южным русским поселением оборонного типа и центром начавшейся приграничной торговли свободного типа с Монголией и Китаем. Напомним первые походы казаков и торговых людей Ивана Перфильева (1668-1673), Ивана Поршенникова и Романа Никитина (1671), Степана Полякова (1673), Ивана

Старцева, Федора Оглоблина, Ивана Новосильцева, Моисея Галактионов-Тнихина, Никифора Кузнецца (1678), Григория Кибирева, Андрея Ушакова, Андрея Дмитриева и др. Тараса Афанасьева «с товарищи» (1684) состоялись из Селенгинского острога. Историки единодушно считают, что поход торгового каравана приказчика Селенгинского острога Ивана Перфильева 1671 г. явился едва ли не самым первым, который, достигнув Пекина, разрушил легенду о непроходимости монгольских пустынь²⁹⁰. Этим же разведанным путем в Китай хотел пойти из Селенгинска в 1675 г. и российский посол с караваном московских и иных купцов Николай Спафарий, но начавшаяся междоусобная война монгольских ханов явилась причиной изменения маршрута зарубежного путешествия на Нерчинск²⁹¹.

Так как приказчик Селенгинского острога по своему статусу являлся смотрителем южной условной пограничной черты российского государства в Западном Забайкалье, в его обязанности входил контроль за границей, которую монголы не желали признавать, хотя обе стороны учредили на ней свои сторожевые посты. Служилые люди гарнизона Селенгинского острога периодически выезжали на свои сторожевые посты (станции) в устьях рек Чикоя, Чикокона, Осы, Амукидири, Джиды. Главными были зимовья Семена Кузнецца в устье р. Кудары, Барсуковское зимовье на Кяхте, караулы в Урлуке, Харацае и Желтуре. В 1670–1680 гг. монгольские ханы несколько раз ставили вопрос о ликвидации русской крепости на Селенге, так как зимой Кукан-хан подкочевывал почти вплотную ко вновь возведенному острогу в его землях, разбивая стан в полутора днях конного хода от крепости. Переговоры шли трудно, прерываясь частыми набегами вооруженных монгольских отрядов на Селенгинск и Удинск, разорением русских деревень, угоном домашнего скота. В январе 1688 г. крепость, куда прибыл посол Ф.А. Головин, осаждала 15-тысячная армия, и только 15 марта три российских полка стрельцов и ополченцев с помощью бурят и тунгусов наголову разбили монголов и сняли трехмесячную осаду.

²⁹⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. I. М., 1955. С. 228.

²⁹¹ Статейный список посольства Н. Спафария в Китай. // Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом. Вып. XVII. СПб., 1906. Отд. II. С. 194.

Здесь же, в Селенгинске, Ф.А. Головин намеревался заключить с цинским Китаем пограничный договор, но китайское правительство перенесло дипломатические переговоры в Нерчинск.

В 1685 г. в связи с усилением военных нападений монголов на Забайкалье, Селенгинский острог в предельно краткий срок за 3 месяца, был капитально перестроен приказчиком И.П. Поршенниковым. Он стал иметь вид четырехугольной деревянной крепости с угловыми башнями и одной проезжей (Рисунок А. 11). Хотя в 1697 г. Селенгинск вновь перестраивался, но он так и не соответствовал своему военному назначению²⁹². Как писал в столицу посол С.Л. Владиславич-Рагузинский, «Селенгинск ни город, ни село, ни деревня, понеже в оном такмо 250 дворов и строен на месте ни к чему годном и ко всяким набегам опасным ни чем не огорожен, к тому же оной за низкостию места повсегодно водою, и реки Селенги разлитием затопляется»²⁹³. Как Ф.А. Головин (в 1686–1690 гг.), так и С.Л. Рагузинский (в 1726–1728 гг.) при выборе места ведения пограничных переговоров с Китаем ориентировались на Селенгинск, поскольку «отсюда ближе проезд через Монголию в Китай». Но обстоятельства вынудили первого уйти в Нерчинск, а второго – на р. Буру в Монголии.

После подписания Буринского (Кяхтинского) договора и демаркации пограничной линии в Селенгинской крепости были размещены Воеводская и Пограничная канцелярии, Посольский двор. Управлял южной оборонной линией с самого начала полковник И.Д. Бухольц как заместитель посла, пограничный дозорщик Григорий Фирсов, толмач Степан Кабей, писарь Иван Мангир и трое служилых людей для рассылок и «пограничного строения» Иван Разгильдеев, Алексей Цытенев и Савва Лесков. Ясачные тунгусы и буряты, поселенные на границе, были обязаны помогать им ездить по казачьим заставам, обеспечивать лошадьми и кормом. В случае военной опасности поднимался Тобольский (Якутский, затем Селенгинский) полк коменданта И.Д. Бухольца. Существует подробная инструкция из 30 пунктов посла С.В. Рагузинского Бухольцу и

²⁹² РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 350. Л. 407.

²⁹³ Полный свод Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. № 4994.

Фирсову о правах и обязанностях пограничного дозорщика, составленная в Селенгинске 27 июня 1728 г. Из Селенгинска в Ургу и Пекин посылались письма через курьеров о происшествиях на границе. Но фактически русско-китайскими отношениями единолично управлял И.Д. Бухольц, пока 12 сентября 1733 г. эти полномочия не были возложены на иркутского вице-губернатора А.И. Жолобова, который почти не вникал в «селенгинскую» проблему, назначив главным ответственным лицом губернии по пограничным вопросам уже немощного Бухольца до его смерти в 1741 г. Сам В.Рагузинский в ожидании ратификации Буринского (Кяхтинского) договора до 4 июня 1728 г. жил в Селенгинске, занимаясь проектами переноса крепости на новое место, руководил строительством Петропавловской, Кяхтинской и Троицкой крепостей.

В 1726 г. по рекомендации посла последовал царский указ из Сената о переносе Селенгинской крепости на новое место – «Городовой камень» на левом берегу реки, где имелось много скал и выходов камня. Рагузинский уверял Петра I, что по выгоде географического положения «во всей Европе подобного сыскать трудно». Этим указом возведение мощной крепости возлагалось на полковника И.Д. Бухольца и его воинский контингент, а также на местное гражданское население. Дело вперед не продвигалось. Из Петербурга в помощь И.Бухольцу был командирован «для построения на новом месте Селенгинска» гвардии бомбардир-поручик Абрам Петрович Ганнибал (прадед А.С. Пушкина). А.Ганнибал воспринял поручение ссылкой и по прибытии на место в январе 1728 г. отказался что-либо делать, хотя был знаком с Рагузинским еще мальчиком (тот вывез его из Эфиопии и подарил Петру I). Своему французскому другу, военному инженеру, Ганнибал писал, что «в оном месте построению никакому быть невозможно». В марте 1728 г. в помощь Ганнибалу была послана команда инженер-прапорщика С. Боборыкина (кондукторы Е. Бузовлев, Г. Карцев, инженер И. Титов) с инструментами для геофизических работ. Но, так как они ехали не спеша, встреча их с Рагузинским произошла в Красноярске. Не одоббив имеющиеся у них проекты новой Селенгинской крепости, посол поручил им заняться пока окончанием строительства Петропавловской. Ганнибал и с ними не

пожелал сотрудничества и все время просил Петра I вернуть его домой²⁹⁴. Да и сам Боборыкин не проявлял большого усердия в проектных работах.

С налаживанием русско-китайской торговли в Кяхте идея строительства новой Селенгинской крепости потеряла смысл, и работы были приостановлены²⁹⁵.

После подписания Буринского (Кяхтинского) договора и сосредоточения в Селенгинске воеводского управления, город быстро рос, но и в 1720 г. в нем помимо казенных учреждений находилось 3 церкви, 250 домов, торговые лавки, острог, гарнизон военных. В 1764 г. он стал центром одного из четырех уездов Иркутской губернии (Рисунок А. 12, 13, 14, 15). В 1770 г. в нем числилось 788 жителей мужского пола.

Интерес торговых людей к Селенгинску возник с первых дней основания острога. Уже в 1668 г. казаки под руководством сына боярского Ивана Перфильева совершили разведовательную экспедицию и заодно занимались торговыми операциями. Второй задачей ее стало договориться с монгольскими ханами о свободном пропуске русских торговых людей через их кочевья в Китай. Это направление все стали считать «гораздо способнее и ближе прежней» дороги через Нерчинск, и к началу XVIII в. она «была известна хорошо как сибирским, так и азиатским торговым людям»²⁹⁶.

Второй поход Перфильева состоялся в 1673 г. с теми же целями. В 1678 г. пошли со своими товарами купцы И. Старцев, Ф. Оглоблин, И. Новосильцев, М. Тнихин, Н. Кузнец. В 1709 г. из Селенгинска в Пекин направился первый государственный торговый караван, а в последующие годы и несколько других. Ответные визиты в Селенгинск монгольских торговых людей состоялись в 1675, 1681, 1682 и 1684 гг. Из среды казаков формировалось местное селенгинское купечество. Затем стали представители купеческих компаний городов Европейской России и Сибири, которые избрали местом жительства Селенгинск:

²⁹⁴ Никитин А.Л. А.П. Ганнибал в Селенгинске // Селенгинск: перекресток вековых дорог. Улан-Удэ, 2005. С. 114–117; Он же. А.П. Ганнибал в Селенгинске // Декабристы: их время и люди. Улан-Удэ, 2001. С. 160 – 165.

²⁹⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 122, 145, 162; Щекатов А.М. Географический словарь Российского государства. М., 1978. С. 142; Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983. С. 86.

²⁹⁶ Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 2. СПб., 1889. С. 264–265.

Старцевы, Мельниковы, Наквасины, Лушниковы, Воротниковы, Толстых, а также посадские мещане Быковы, Мелкоступовы, Малковы, Сахаровы, Качины, Карбаиновы, Филипповы, Баловы, Железниковы, а также отставные офицеры²⁹⁷.

Благодаря снаряжению в Китай купеческих караванов, Селенгинск в 1745 г. уже был крупнейшим городом за Байкалом, с населением 4244 человек²⁹⁸. Однако, отмена караванной торговли и развитие товарооборота на самой границе в Кяхте, привело к постепенному угасанию экономической жизни города. Жители его, прежде занимавшиеся торговыми делами, перешли к земледелию и промыслам, а наиболее богатые переехали в Троицкосавск, превратившись в первогильдейских купцов (напр. Лушниковы, Старцевы, Мельниковы, Наквасины и др.). В 1776 г. в городе уже числилось 788 жителей мужского пола, были выведены почти все войска. Административное значение Селенгинска начало падать с 1775 г., когда образовалась Удинская провинция, а Селенгинское комиссариатство с 1783 г. вошло в состав Верхнеудинского уезда. Селенгинском теперь управляла лишь «земская изба», подчинявшаяся Верхнеудинскому городовому магистрату.

Во все годы истории Селенгинска город преследовали три природные стихии: наступление песков, разливы реки и пожары. Первой попыткой спасти город было обнесение его с нагорной части земляным валом и надолбами с пятью артиллерийскими батареями. Они защищали от суховеев 36 улиц и переулков с 312 дворами. Одновременно со стороны Селенги берег укрепили деревянным бордюром, но он не спас Селенгинск от стихии 1785 г., когда разливами реки отмыло целый квартал²⁹⁹. Чуть ранее, в 1780 г., два страшных пожара уничтожили почти все строения города³⁰⁰.

После этих бедствий в 1785 г. для Селенгинска был разработан проект планировки с четкой прямоугольной сеткой улиц и реконструкцией земляной

²⁹⁷ Тиваненко А.В. Декабристы в Забайкалье. Новосибирск, 1992. С. 110.

²⁹⁸ Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. С. 48.

²⁹⁹ Шешин А.Б. Старый Селенгинск и Новоселенгинск // Селенгинск: перекресток вековых дорог. Улан-Удэ, 2005. С. 24–30.

³⁰⁰ Воспоминания Бестужевых // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927. С. 2.

оборонительной стены³⁰¹. (см. Рис. 16). Восстановление города шло медленно. В 1842 г. из 1832 жителя 1829 г. осталось 903, из 261 домов – 171. Горожане попытались оживить торговлю, но из двадцати лавок возведенного каменного Гостиного двора были заняты только семь³⁰².

Впрочем, сами селенгинцы о торговом значении своего города дают другую картину. В «Описании Иркутского наместничества за 1782 г. говорится: «Селенгинск. Жителей, записанных в купечество и мещанство, состоит 2597 человек, но не все отправляют торги купечества, хотя китайские торги на Кяхте и подают им на то довольно повода»³⁰³. А.И. Седов подтверждает: «Цветущее состояние города не умоляется даже с появлением Кяхты, основанной для торговли с китайцами и продолжалось для скорбных для него дней». Он, в частности, говорит о наличии в Селенгинске 60 купеческих лавок³⁰⁴. Некий С-Н. дает такой отзыв: «Все купцы имеют при домах лавки и встречаются тысячами; все почти мещане не имеют лавок и не ворочают тысячами. Стало быть, если мещане будут сыты и деньги города будут обращаться в городе, то у купцов торговля подорвется; а теперь же купцы мещанам в долг не поверяют; подняться мещанам нечем». Здесь автор касается вопроса конкуренции между купцами и мещанами. Когда последние подняли идею учреждения в Селенгинске общественного базара, где они могли бы торговать мелочными товарами, местное купеческое сословие выступило против, опасаясь конкуренции. Вероятно, это произошло после опустошительных пожаров, когда осталось только 10 купеческих лавок, а только выстроенный каменный Гостиный двор «почти был пуст». В это время «торговый люд Селенгинска остановился на точке замерзания, без холода»³⁰⁵.

К рубежу XIX–XX вв., когда Старый Селенгинск переезжал на новое место, в городе наступило общее, в том числе и торговое разорение. По данным Д.П.

³⁰¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 1. Д. 10. Л.8.

³⁰² Статистическое изображение городов и посадов Российской империи. СПб., 1829. С. 74; Национальный Архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 335. Оп. 1. Д. 55. Л. 50–51.

³⁰³ Топографическое описание Иркутского наместничества, собранное из разных достоверных сведений, присылаемых в наместническое правление // Описание Иркутского наместничества 1782 года. Новосибирск, 1988. С. 87–88.

³⁰⁴ Седов А.И. Летопись построения и событий г. Селенгинска (Забайкальской области) с 1674 по 1874 год, прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. 1874. № 49. С. 654–656.

³⁰⁵ Из Селенгинска // Сибирский Вестник. 1855. № 27.

Першина, в то время там осталось всего 3-4 торговые лавки. Но, они не могли бы обеспечить нужды людей если бы торговлю не поддерживали окрестные буряты. Они в основном занимались скупкой кож, лошадиных грив, хвостов, сала и шерсти. Только немытой овечьей шкуры они заготавливали в Селенгинске и его окрестностях до 5000 пудов. Першин признает: до пожара и после экономическое состояние города несоизмеримо. В 1780 г. там сгорело 60 купеческих лавок, после чего торговля на некоторое время почти прекратилась. Селенгинск выглядел как «мертвый город». Но и после местная торговля не возродилась – ее захватили в свои руки китайцы³⁰⁶.

2. Чикойская Стрелка. Ее история почти не освещалась в научной литературе, хотя в центральных архивах имеется немало документальных материалов³⁰⁷. Из них следует, что в 1703 г. российский государственный купеческий караван под руководством комиссара Ф.С. Истоппникова попытался пройти в Китай через Монголию, но был возвращен китайскими властями обратно в Селенгинск. Он хотел уйти за границу через Нерчинск, но вести о разбоях табангутов по реке Уде заставили россиян повернуть на Селенгинск. О тех событиях писал в своем дневнике еще Российский посол в Китай И. Идес: «Начиная отсюда [от Удинска до Еравнинского острога, – С.К.] путешествовать небезопасно, и никто не отважится идти небольшой компанией»³⁰⁸. Было беспокойно даже вокруг Удинского острога, где «летом <...> очень часто являются монголы и уводят с пастбищ вокруг города лошадей»³⁰⁹.

Российский посланник Лев Измайлов застал этот задержанный караван близ Селенгинска в открытой степи при впадении Чикоя в Селенгу. Там стояли нагруженные товарами телеги и бродили на лугах ездовые лошади, а 200 человек ютились во временных укрытиях. Выяснилось следующее: такое количество

³⁰⁶ Першин Д.П. Дмитрий Даурский. По Забайкалью (путевые письма) // Сибирь. 1911. № 3.

³⁰⁷ Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год, составленном по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии Иностранных дел, в 1792–1803 годах собранных Николаем Бантыш-Каменским. Казань, 1882; Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицкосавского пограничного правления Сычевским в 1846 году // Чтения Императорского общества истории и древностей Российских. М., 1875. Т. 2.

³⁰⁸ Идес. И., Брандт А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 144.

³⁰⁹ Там же. С. 145–146.

людей со скотом и грузами Селенгинск принять был не в состоянии, так как число его жителей равнялось числу прибывших гостей. Поэтому до получения разрешения Китая на пропуск каравана было избрано удобное место для стоянки Чикойская Стрелка. Во-первых, безопасность каравану обеспечивала соседняя Селенгинская крепость. Во-вторых, со Стрелки караван по пути в Китай избегал таких трудностей, как переправа через большие реки. В-третьих, наличие строевого леса в устье Чикоя давало возможность построить необходимые жилые, подсобные помещения и защитные сооружения: «рогатки», навесы для товаров, загон – городьбу для караванных животных.

Проезжавший мимо китайский посол Тулишень отметил в Чуку-байшине («Чикойской стрелке») «русские амбары для поклажи товаров»³¹⁰.

В-четвертых, вокруг простирались широкие луговые и степные площади для пастбы, куда работные люди гоняли пастись лошадей и верблюдов вплоть до Гусиных озер. Таким образом, к приезду Измайлова на Чикойской Стрелке возникла местная торговая слобода, более южное к Монголии пограничное поселение русских людей. Именно сюда 16 июля 1724 г. прибыли два китайских министра для переговоров о демаркации пограничной черты и возвращении монгольских беженцев, а также об учреждении международного торгового места. Сюда же 21 августа 1726 г. приехал и чрезвычайный и полномочный посол России в Китай Савва Владиславич-Рагузинский, ожидая разрешения на въезд от китайского трибунала и прибытия Тобольского полка И.Д. Бухольца с 1000 конными и 1000 чел. пехоты.

3. Петропавловская крепость. Прибыв на Чикойскую Стрелку 13 марта 1727 г., Бухольц по распоряжению С.Л. Владиславича-Рагузинского сразу же приступил к строительству укрепления, для чего уже имел опыт возведения Ямышевской и Омской крепостей³¹¹. После ее сооружения отсюда отправлялись в Китай и Монголию все формирующиеся российские государственные торговые караваны.

³¹⁰ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. М., 1978. Т. I. Приложение. С. 445–447.

³¹¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. 1760. С. 38–39.

Имеется текст распоряжения С.В. Рагузинского от 30 июня 1728 г. полковнику И.Д. Бухольцу о производстве строительных работ на Петропавловской крепости: «Сего лета оставшимся солдатам в Чикойской Стрелошной крепости и в Селенгинску прикажите на Стрелке достраивать казармы и прочее, что разсудите за благо, в чем в оной крепости в воинском и мирном случае может позвать нужда; также велите приготовить дрова на зимние квартиры, понеже дело нужно, дабы на винтер-квартирах целый батальон всегда зимовал в крепости на Чикойской стрелке, для четырех причин: первая, дабы оную крепость и прочее в совершенное строение к гарнизонному житию провидеть; вторая, дабы ближе границы для всякого случая батальон был в готовности; третья, ежели Указом Его Императорского величества на предыдущий год будет повелено строить фортецу регулярную, или прочее, дабы солдаты были ближе работы; так же и в конной роте на Стрелке квартиры иметь доведетца; четвертая, дабы Селенгинских жителей и прочее околичности частыми квартирами не теснить...»³¹².

В ноябре 1728 г. Рагузинский информировал И.Д. Бухольца о том, что по дороге в Петербург он встретился в Енисейске с шедшими в Селенгинск кондуктором Семеном Боборыкиным для строения новой Селенгинской крепости, однако в связи с отложением ее возведения, он приказал ему ехать на Чикойскую Стрелку и укрепить оборонительные стены Петропавловской крепости³¹³. О том, что задание было выполнено, свидетельствует план, начертанный самим Боборыкиным³¹⁴.

План этот обнаружен в «Атласе» И.К. Кириллова за 1730 г.³¹⁵ (Рисунок А. 17, 18). Согласно нему, Петропавловская крепость имела вид типичного прямоугольного острога, ориентированного по странам света, размерами 213 х 319 метров. Она включала в себя собственно острог и обширный двор – загон для полковых и караванных лошадей. Все это имело дополнительные оборонные

³¹² Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная в 1846 г. М., 1875. Т. 2. С. 65–66.

³¹³ Там же. С. 78.

³¹⁴ РГАДА. Ф. 192. Оп. I. Д. 89.

³¹⁵ Атлас Всероссийской империи И.К. Кириллова. 1722–1737. СПб., 1959. Л. 2.

заграждения – «палисад» и «рогатки против палисаду». Сам острог имел угловые сторожевые башни. «Палисад» же был возведен из вертикально стоящих бревен. В середине каждой из сторон крепости имелись проезжие ворота. Во внутреннем дворе находились церковь Петра и Павла (от нее и название поселения), комиссарский дом, офицерские избы, солдатские казармы, кузница, цейхгауз, кладовые и таможенные амбары, баня. Таким образом, полк И.Д. Бухольца за короткий срок построил на Чикойской Стрелке весьма внушительное военное укрепление. К примеру, Новотроицкая крепость на р. Кяхте, возведенная годом спустя, имела размеры только 128 x 170 метров.

Обращает на себя внимание и тот факт, что на плане 1730 г. рядом с Петропавловской крепостью, на правобережье реки Селенги, обозначены селение «Старая Стрелка» и «Казацкие дворы». Первое представляло собой, скорее всего, то место, где стояли купеческие караваны с обслуживающим персоналом, а второе – посад купцов и охранного отряда. Следы строений сохранились до настоящего времени в месте впадения Чикоя в Селенгу, но часть развалин уже смыто обрушением правобережья Селенги.

Схема 1730 г. согласуется с чертежами крепостей Троицкосавской, Селенгинской, Петропавловской и Кяхтинской торговой слободы, выполненные примерно в то же время Ф.Ф. Ласковским³¹⁶.

В данный период Петропавловская крепость, несшая в основном военные функции, стала самой южной по долине реки Селенги, и имела постоянный гарнизон из «капральство солдат» (20 человек) и еще 10 селенгинских служилых людей «для обережения крепостцы и торговой слободы»³¹⁷. Она же стала и местом сбора и формирования государственных торговых караванов в Монголию и Китай, а также складирования купеческих товаров для Кяхтинского пограничного торга. Здесь же существовала и таможня. Приплывающие по Селенге купеческие суда разгружались, товары просматривались и оценивались, и

³¹⁶ Ласковский Ф.Ф. Материалы по истории инженерного искусства в России. М., 1859. С. 87.

³¹⁷ Сычевский Е.И. Указ. соч. С. 67.

далее сухим путем на телегах доставлялись в Кяхту. Отправление их началось сразу же после подписания Буринского (Кяхтинского) договора.

Первый из них вернулся из Пекина 4 октября 1728 г. «на новопостроенную на реке Чикое пограничную Петропавловскую крепость»³¹⁸. 6 ноября 1731 г. отправился второй караван, формировавшийся на Чикойской Стрелке 3 месяца. Вернулся в Россию через Цурухайтуевскую торговую слободу 25 апреля 1733 г. и далее через Чикойскую Стрелку отбыл в Москву. Руководил им Лоренц Ланг. Третий караван отправился в Цурухайтуй под командированием того же Ланга в 1736 г., но перед этим он полгода формировался в Петропавловской крепости. Четвертый караван вышел в мае 1741 г. из Чикойской Стрелки в Кяхтинский форпост и оттуда за границу. Комиссаром при нем состоял Селенгинский приказчик Ерофей Фирсов. Из-за осложнений с Китаем, он простоял на устье Чикоя около двух лет. 5 марта 1744 г. Сибирский приказ направляет в Китай пятый по счету торговый караван под командованием асессора Герасима Лебратовского. 3 февраля 1745 г. караван прибыл в Иркутск, а после пятимесячного стояния на Чикойской Стрелке 1 сентября вступил в пределы китайского государства. Шестой караван Алексея Владыкина отправился из Петербурга 7 июля 1753 г. После длительного пребывания в Петропавловской крепости, 5 сентября 1754 г. отправился в Пекин через Кяхтинский форпост³¹⁹.

После длительного перерыва российско-китайская торговля возобновилась лишь в 1792 г., но торги разрешались проводить только в Кяхтинской и Цурухайтуевской слободах, караванная коммерция отменялась. Соответственно упразднялось значение Петропавловской крепости. В 1817 г. М.И. Семивский писал, что «бывшая пограничная Петропавловская крепость на Стрелке при соединении реки Чикоя с Селенгой совсем уничтожилась»³²⁰. По описанию 1840-х г. на ее месте «находится таможенный караул»³²¹. По материалам Комиссии секретаря А.Н. Куломзина, в 1897 г. отмечена деревня Стрелочная («Старая

³¹⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 162.

³¹⁹ Там же. С. 260.

³²⁰ Семивский М.И. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817. С. 135.

³²¹ Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. Ч. 1. С. 72.

Стрелка»), населенная крещеными бурятами Селенгинского ведомства³²², а поселок Стрелочный («Казацкие дворы») русскими казаками станицы Селенгинской³²³. В отчете А.К. Старицкого исследования реки Селенги (1907–1908 гг.) сказано: «На их месте находятся поселок Стрелка православных бурят и деревня Стрелка русских казаков, а на их месте, где когда-то находилась крепость, образовался Петропавловский остров»³²⁴. Остатки их существовали вплоть до второй половины XX века. Некоторое время следы Петропавловской крепости были потеряны из-за высокого стояния уровня р. Чикой, но позже найдены по битым кирпичам³²⁵.

4. Троицкая крепость – Кяхтинская слобода. Согласно достигнутому Буринскому (Кяхтинскому) договору 1728 г., зоны свободного торгового предпринимательства учреждались в приграничной Кяхте (Троицкосавске) на Селенге и слободе Цуруйхайтуй на Аргуни близ Нерчинска. Однако, приоритетная роль отводилась Кяхте, оттуда могли идти купеческие караваны в Монголию и Китай³²⁶. Если говорить точнее, то договор определил: на том месте, где граница касается ручья Кяхты, «заверено было общее торговое место русских и китайских купцов, для предупреждения всех, могущих со временем случиться раздоров»³²⁷. Пункт 4 в отношении зон свободного предпринимательства помимо караванной торговли в Пекине гласил: «Сверх торга караванами «производить всегдашний торг на Кяхте и при Нилджоу (Нерчинске) в избранных и огороженных местах». Поэтому при ручье Кяхте, в 26 верстах от реки Селенги, россияне заложили пограничный пост (где уже стояло Барсуковское зимовье Селенгинских караульных казаков) под именем Троицкосавской крепости, а в трех верстах ближе к границе – торговую слободу Кяхту.

³²² Материалы Комиссии по исследованию землеведения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. Т. 2. С. 338.

³²³ Там же. С. 302.

³²⁴ Старицкий А.К. Исследование реки Селенги (1907-1908 гг.). СПб., 1913. С. 187.

³²⁵ Хроникальные заметки «О находке развалин Петропавловской крепости на острове Цаган-Арал р. Чикой, построенной А.П. Ганнибалом в XVIII в.» // Вопросы истории. 1962. № 11. С. 169.

³²⁶ Евдокимова С.В. История основания и развития Кяхты в XVIII веке // Кяхта: страницы истории. Улан-Удэ, 1999. С. 88–98.

³²⁷ Клапрот Г.Ю. Описание Кяхты // Сын Отечества. Ч. 33. 1816. № 41–42. С. 1–10.

Как описывали современники, посреди слободы, имевшей вид четырехугольника, имелись деревянный Гостиный двор и православный храм, к югу – солдатские казармы, главная караульная и дом коменданта. Остальное место занимали избы купцов. Вся слобода окружена рогатками. Каждая стена крепости имела ворота и каланчу. Вне огражденной территории выстроены жилища поселенные для охраны границы, селенгинские казаки с семьями. Там же располагалась канцелярия и склад ревеня. Этот своеобразный посад также был обнесен рогатками, имел караульную избу и три часовни. Это и была Кяхта, именуемая Нижнею плотиною, в отличие от расположенной рядом Верхней платиной (Троицкосавской крепости). В ней складывались купеческие товары, имелись торговая канцелярия и таможня, переведенные из Чикойской Стрелки, дом таможенного директора, здание главного караула, пограничной канцелярии, пограничного начальника, жилые дома, церковь и часовни (Рисунок А. 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 33). Многие отмечали, что Троицкое селение хорошо построено, улицы просторны, дома деревянные, чистые и красивые. Это объясняется бытовой культурой пришедших сюда купцов московских, казанских, курских и прочих. Аборигенные торговцы из сибирских татар, бухарцев, бурят, монголов, тунгусов и иных народов стекались сюда только в дни объявленных международных торгов, и для них существовало особое предместье. В основном это были служащие русских пограничных караулов, торговавших пушниной, кожами, домашним скотом, маслом, салом и прочими съестными припасами на китайские товары. Причем на начальной истории Троицка торговый центр здесь был оживленнее, чем в приграничной Кяхте и китайском Маймачене. Торгующие беспрепятственно ходили в трех прилегающих слободах, где их везде принимали приветливо³²⁸.

Интересные подробности построения Кяхты-Маймачена дает Инструкция С.Л. Рагузинского капитану Федору Княгинкину и селенгинскому дворянину Алексею Третьякову. Документ пространен, но отметим своими словами его главную суть. Капитан Федор Княгинкин назван Рагузинским «строителем всего

³²⁸ Клапрот Г.Ю. . Описание Кяхты // Сын Отечества. 1816. Ч. 33. 1816. № 41–42. С. 1–10.

определенного строения, остерегателем Троицкой крепости, Святой церкви и торговой слободы, прудов и всего прочего и начальником служилых людей, которые под его командой». Алексей Третьяков был назначен «надзорщиком торговой слободы и судьбы малых дел пограничных и расправы торгового порядка по силе заключенного тракта». Оба подчинялись главному пограничному генеральному отправителю полковнику Ивану Дмитриевичу Бухольцу – заместителю С.Л. Рагузинского и коменданту Селенгинской крепости. Им поручалось в Троицкосавской крепости:

1) Достроить Кяхтинскую Троицкую крепость и церковь, возвести другие службы, которые посчитают нужным;

2) В Северной слободе, «где уже шесть юрт и большой двор о двенадцати амбарах построено и там размещен. Государев «круженный двор», построить большой погреб для содержания винной продукции;

3) В крепости, где уже имеется большой двор, погреб, «таможня купеческого смотрения», государева конюшня о 50-ти стойлах, возвести близ церкви хоромы священнику о двух избах. «По флангам укрепления построить небольшой амбар для содержания провианта и тюрьму для арестантов»;

4) Вокруг всей крепости выкопать земляной противопожарный ров, укрепить плотину речного пруда «навечно». «Ежели по случаю загорится караван, и не будет рва хоть малого то, все может сгореть».

5) Против церкви возвести колокольню, куда «я пошлю колокола».

В слободе – крепости Кяхта:

1. Строить ее строго по врученному ранее чертежу;

2. Укрепить стенами с угловыми башнями и палисадом;

3. Внутри слободы построить 32 избы или юрты с обогревательными печами;

4. Возвести Гостиный двор на 24 торговые лавки и несколько складских амбаров: в них печей, не строить во избежание пожаров, а по «ночам пьяным не жить, запирая обои ворота, которые караулить солдатам по ноч³²⁹.

Княгинскину и Третьякову приказывалось иметь столько лошадей и телег, чтобы ими можно было привезти с Чикойской Стрелки строительный материал и провиант для 350 солдат Тобольского гарнизона из Селенгинска. Например, из Удинска в помощь уже отправлено 25 телег с лошадьми и 30 служилых людей. Срок возведения двух крепостей – 3 месяца. Из Ильинского и Кабанского острогов также послано «несколько десятков работных людей с лошадьми и телегами (Рисунок А. 34).

С завершением строительных работ гарнизон Троицка-Кяхты определялся для несения пограничной службы драгунами и бурятами, объезжая посты между Селенгою и Чикоем «для удержания воровства и провоза товаров заповедных, и которые не будут иметь таможенных выписей не поведут прямо на заставу Кяхтинскую, но укрываясь противно указу государственному поедут другими дорогами; оных ловить, арестовывать и товары их конфисковать без милосердия». А «которые купцы через Кяхтинскую заставу переходить будут, известя таможенные таможенному заставщику покажут, оных пропускать в Слободу и чинить по возможности вспоможение, а за границу кроме торговой слободы отнюдь никого с товары и ни без товаров не пропускать без письма вышеозначенного господина полковника (И.Д. Бухольца)»³³⁰. После окончания строительства Кяхты питейные заведения оттуда перевести в Троицк. «Провиант, мягкую рухлядь и скот хотя на мунгальскую границу пропускать не велено; а ныне же Слобода Торговая российская по ту сторону Кяхтинской заставы, того ради провианту и скота и всего прочего кроме мягкой ряхляди, до указу российских торговым людям про свой обиход в российскую слободу возить и

³²⁹ Выписка из статейного списка С. Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Российско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727). – М.: Наука, 1990. – С. 410–437.

³³⁰ Выписка из статейного списка С. Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Российско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727). – М.: Наука, 1990. – С. 410–437.

скот гонять не заказано, только не большим числом, однакож ни малым ни великим числом никто ни под какою кажуищего, кроме Кяхтинской заставы, проводить и прогонять де не может»³³¹.

Кяхтинскому начальству разрешалось сдавать в наем все строения (хоромы, амбары, лавки и пр.) Торговой слободы приезжим купцам, поскольку «оние чинится для умножения торгу и прибыли государственной», но по умеренной цене.

«С каждой телеги порожной торговой, которая через заставу пройдет, должны купцы в святую церковь заплатить одну копейку, а которая пройдет с товаром – две копейки», поскольку она еще строится, и далее будет нужна «для христианского благовения и для новопостроенной слободы»³³². «Ежели в сей инструкции я что не упомянул, исполняйте по силе мирного трактату, на котором все дело состоит в меньших делах по своему разсуждению... 30 дня 1728 году»³³³.

Итак, современный пограничный город Кяхта основан накануне заключения Кяхтинского трактата. В июне 1727 г. С.В. Рагузинский заложил в пустынной широкой долине маленькой речки Кяхты, среди невысоких гор, покрытых сосновым бором, крепость Ново-Троицкую и в ней церковь во имя Саввы Сербского.

14 июня 1728 г. здесь состоялось торжественное подписание межгосударственного пограничного трактата (исправленный вариант Буринского договора, отклоненного русской стороной). На другой день в такой же праздничной обстановке обе стороны поставили два межевых маяка между Россией и Китаем (Монголией): с северной стороны учреждена крепость Кяхта (или Кяхтинская торговая слобода), а с южной – китайский торговый город Маймачен, почти соприкасающихся друг с другом. Кяхта отстояла от Ново-Троицкой крепости всего на четыре версты³³⁴. Хотя ее строительство еще не было

³³¹ Там же.

³³² Материалы Комиссии по исследованию землеведения и землепользования в Забайкальской области. СПб., 1898. Т. 2. С. 338.

³³³ Громов Н. Начало Троицкой крепостицы и Кяхты // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 31. С. 400.

³³⁴ Мартенс Ф. Россия и Китай. СПб., 1881. С. 25; Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 156.

завершено, Савва Рагузинский тотчас распорядился возводить и ее, но назвал слободою, то есть не военным объектом. Тем не менее, в официальных документах XVIII века Кяхта именовалась форпостом Троицкой крепости.

Центр огражденной территории занял деревянный Гостиный двор, укрепленный палисадом с угловыми бастионами («быками»). Планировали еще выкопать противопожарный ров с заполнением его водой из речки Кяхты, для чего возвели плотину с двухступенчатым прудом. Вокруг Гостиного двора по периметру защитных стен построили 32 дома для купцов. Эскизы крепости и форпосты выполнены по эскизам самого С. Рагузинского геодезистом Михайло Зиновьевым и рисовальщиком Алексеем Кушелевым³³⁵. Копии их посол предоставил вместе с отчетом о своей деятельности, о чем свидетельствуют надписи на оборотах чертежей.

Для быстрого окончания дел в Кяхту прибыл заместитель С. Рагузинского на переговорах полковник И.Д. Бухольц с частью своего военного подразделения. В 1729 г. он доложил в Коллегию иностранных дел об окончании работ, после чего «торг с китайцами на Кяхте, в Троицкой слободе уже открыт»³³⁶.

Ново-Троицкая крепость у впадения ручья Грязнухи в Кяхту представлял в плане неправильный четырехугольник 60 х 80 саженей со стенами в виде палисада, но углы выступали в виде пятиугольных бастионов. В середине огражденной территории перекрытый платиной ручей образовал обширное озеро – пруд. Вокруг него построили церковь, офицерские и солдатские казармы, конюшни, амбары и склады. Полоса надолб от северо-восточной стены крепости, пересекающая всю долину Кяхты преграждала путь контрабанде. Дорога из Селенгинска входила непосредственно в крепость, по сторонам которой были выстроены дополнительные офицерские и солдатские дворы. Далее за стеной вдоль этой дороги Троицкосавск развивался компактной полосой усадеб. В целом

³³⁵ РГАДА. Ф. 192. Иркутская губерния. Д. 74, 76.

³³⁶ Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 2. СПб., 1889. С. 99.

оборонительные сооружения крепости были слабыми и далее не усиливались. Вскоре высох и искусственный пруд³³⁷. (Рисунок А. 26).

В связи с расширяющейся международной торговлей многие здания внутри Троицкой церкви (казармы, конюшни, амбары) использовались для нужд торговли³³⁸, поскольку оборонное значение их пропало. Еще раньше стало тесно и в Кяхтинской слободе. В 1730 г. купцы жаловались на неудовлетворительные условия для торговли и хранения товаров. Поэтому, в 1735 г. первоначальный Гостиный двор заменили на более вместительный, размерами 32 x 42 саженей с 44 торговыми лавками, а огражденная палисадом территория занимала 144 x 144 сажени³³⁹. Внутри ее, дополнительно к уже существующим 32 «старым казармам» (домами для купцов) возвели еще пятнадцать новых, каждая величиною в три старых, а также хлебный амбар, винный и пивной подвалы. За пределами стен появилась «торговая баня», пивоварня и 2 кабака³⁴⁰. К середине XVIII в. в пределах «ивового палисада» построили «изрядную» деревянную церковь Воскресения, дома коменданта, офицеров и другие помещения. Здесь же разместились подворья первостатейных купцов. В 1770-х гг. создается проект каменного Гостиного двора, но он был возведен лишь в 1797 г. в Троицкосавске (Рисунок А. 27).

В 1809 г. по инициативе генерал-губернатора И.Б. Пестеля вышел царский приказ, по которому купцов оптовой торговли оставили жить в слободе Кяхте, а всех других переселили в Троицкую крепость³⁴¹. Там стали жить чиновники пограничной и таможенной служб, а также весь служилый и рабочий люд, занятый в торговых и транспортных операциях. К 1829 г. первым по величине городом Забайкальского края стал Троицкосавск со слободой Кяхтой: в Троицкосавске – 4054 жителя и 542 дома; в Кяхте – 326 жителей и 82 дома³⁴². К

³³⁷ РГАДА. Ф. 192. Иркутская губерния. Д. 74. План 1735 г.; ААН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 30/28. План 1770-х гг.; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА, Д. 22112.

³³⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21529. Ч. 3. Л. 58. План Троицкой крепости.

³³⁹ ААН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39. Л. 30.

³⁴⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22111.

³⁴¹ Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Ч.2. СПб., 1889. С. 20–21.

³⁴² История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. 1. С. 201.

середине XIX в. оба жилых массива объединились в административный город Троицкосавск.

5. Китайский Маймачен. Основан Цинскими властями после подписания Буринского (Кяхтинского) договора 1728 г. на противоположном берегу р. Кяхты (Рисунок А. 28). Построен по типу китайских городков и напоминал русские крепости квадратной формы, но гораздо обширный по площади. Обнесен плотным палисадом и небольшим валом в поларшина шириною: он был вырыт в 1756 г. для защиты от восставших монголов, которые тогда грозились «огнем и мечом» уничтожить «сие пограничное местечко»³⁴³. В городке существовало три параллельных улицы по оси С-Ю. (Рисунок А. 29). Деревянная оборонительная стена имела несколько ворот с наблюдательными вышками (каланчами) для караула, охранявшего город только ночью. Одни из ворот выходили в сторону русской Кяхты, прикрываемая дощатым забором, чтобы никто не видел внутреннюю жизнь китайской слободы (Рисунок А. 30, 31). В переводе с китайского Маймачен именовался «Торговым городом», но русские называли его «Китайской слободой». О принадлежности города Китаю говорил иероглиф, означавший аббревиатуру «Поднебесной империи». В центре, не перекрестке двух главных улиц, возвышалась высокая башня, в нижнем зале которой висели деревянные дощечки с письменными повелениями коменданта-дзаргучея. Под кровлей башни висело множество металлических колокольчиков, звонивших при ветре сами собою, издавая «весьма приятные звуки» (Рисунок А. 32).

Строительство и заселение Маймачена по сравнению с Кяхтой хотя и началось позже, но шло довольно быстро. К 70-м г. XVIII в. в нем насчитывалось до 200 дворов с постоянным населением в 400 с лишним человек. В годы расцвета приграничной торговли жизнь в Маймачене была оживленной. Путешественник А. Миччи писал, что в нем можно было встречать кроме русских и китайских

³⁴³ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III. I половина. СПб., 1788. С. 156.

купцов, монголов, сибирских крестьян, калмыков, бурят. Все они «продавали» и покупали, кутили и наслаждались»³⁴⁴.

Дома внутри Маймачена были построены плотно друг к другу, и почти ни один из них не имел обращенных на улицу окон. Внутри двора находились жилые избы купцов «в обыкновенном китайском вкусе», амбар для хранения товаров и прочие хозяйственные постройки из каменных плит. На воротах каждой усадьбы красовалась табличка с именем хозяина и вида его торговой деятельности, перечня товаров, и везде присутствовал то же знак – иероглиф Ф – «Китай». Эти дома во внутреннем дворике раскрашивались яркими красками, комнаты покрывались лаком или оклеивались бумагой с картинками, в потолке имелось небольшое отверстие для пропуска свежего воздуха. Окна без стекол, но заклеивались тонкой бумагой, со вставленными в середине рамы кусочков прозрачной слюды. Интересно, что в китайских домах не было женщин, Маймачен населяли только мужчины. По китайским законам, жить женщинам в пограничных городах и селениях запрещалось. Жены обитателей Маймачена проживали вне оборонительных стен. Таково же правило было и в Кяхтинской слободе: жены купцов находились в Троицкосавске. Некоторые китайские торговцы в Маймачене не виделись со своими семьями по 10 и более лет.

Близ южных ворот находился дом маньчжурского начальника, который, между прочим, имел еще один свой двор и в русской Кяхте. При нем постоянно находился пограничный караул из 50 или 100 монгольских всадников. В Маймачене близ его дома возвышались два «великолепных храма»: один в честь легендарного Гэсэр-хана, другой – буддийского бога Хомшин – Бауди – Саддо, на площади стоял лакированный столб, по которому в торжественные дни поднимали флаги, а по ночам – факелы и фонари.

Входя в общую зону свободного предпринимательства, торговые люди из Кяхты и Троицкосавска днем по обыкновению ходили друг к другу в гости, занимались, торговыми операциями, вечером все (китайцы, монголы и русские) были обязаны расходиться по своим жилищам, поскольку ворота двух

³⁴⁴ А. Миччи. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. Спб., 1868. С. 68.

приграничных слобод закрывались. Главным угощением гостей в Маймачене являлся китайский чай, но нередко взаимно закатывались хлебосольные пиры³⁴⁵. По Г. Ю. Клапроту, при входе во двор китайского купца, гостей неизменно встречал хозяин или его слуги для защиты покупателя от собак. В гостиную, его прежде всего подчуют чаем, сахарными пирожками, сухофруктами и курительным табаком, и только потом начинаются разговоры о предмете торга³⁴⁶.

Ходившие друг к другу в гости жители двух стран между Кяхтой и Маймаченом всегда видели параллельно стоящие стелы – пограничные маяки. На китайском языке имелась табличка с иероглифами «Май-ей-чу», то есть «Место купли и мена», а по маньчжурски – «Худайба», т.е. «Торговое место». Возле них, отдельно от Маймачена по дороге на Кяхту, стояла караульная башня, где дежурили китайские (монгольские) сторожа, оберегающие обозы прибывающих купцов. Их количество порою достигало несколько тысяч одноосных тележек, на которых китайцы и перевозили обычно русские караванные товары в Ургу и Пекин.

Основная масса приезжающих в Маймачен и Кяхту китайцев являлись выходцами из северных провинций страны. За право ведения торга они платили, как и русские, своему правительству подать (налог). Как правило, все холостые. Почти все хорошо говорили по-монгольски, некоторые и по-русски (но русские торговые люди никогда не обучались китайскому языку, кроме тех, кто в XIX веке готовился к таможенной службе). Дзаргучей проверял проезжие грамоты от всех прибывающих китайских купцов, он же разрешал торговые споры между китайскими и монгольскими купцами. Среди приезжих было много бухарцев, торговавших исключительно ревенем³⁴⁷.

Установленный в Маймачене порядок и образ жизни не изменялся много десятилетий, так что отзывы посетивших китайский город россиян и иностранцев XIX века вполне можно переносить и на XVIII столетие. Одно из таких

³⁴⁵ Мартынов А.Е. Живописное путешествие от Москвы до китайской границы. СПб., 1819. С. 53–64.

³⁴⁶ Клапрот Г.Ю. Описание Кяхты // Сын Отечества. 1816. Ч. 33. 1816. № 41–42. С. 1–10.

³⁴⁷ Клапрот Г.Ю. Указ. соч.

интересных описаний дал российский путешественник по Центральной Азии В.А. Обручев:

«Рядом с Кяхтой, на той же речке Грязнухе, сейчас за русской границей расположен китайский городок Май-ма-чэн. В нем проживают китайские купцы, посредники русских по торговле. Вдоль улицы тянулись оригинальные китайские лавки, в которых можно было купить чесучу и другие шелковые ткани, белую и синюю далембу и дабу (бумажные ткани), разные чаи, китайское печенье, черную сою (приправу вроде кабуля), сахар-леденец и другие товары. Мы обошли вместе с Поповым несколько лавок, нас угощали чаем по-китайски в чашках с крышкой и без сахара. Но покупателей мы нигде не видели. Вероятно, посредничество – главное занятие этих купцов, а торговля небольшая и случайная. Интересен красивый храм, оригинальной архитектуры, внутри мрачный, со статуей Конфуция, перед которой в металлических стаканчиках теплились жертвенные свечи; по сторонам виднелись статуи других богов или героев»³⁴⁸.

6. Цурухайтуй. Оборонительное значение Нерчинской крепости стало падать в начале XVIII в. Российский посол С. Владиславич-Рагузинский в 1726 г. отмечал бедственное положение крайнего опорного города на крайнем востоке страны: город деревянный, строения ветхи, «фортеца рассыпались», его необходимо переносить в менее затопляемое рекой место. В 1735 г. академик Г.Ф. Миллер подтверждал, что «крепость почти разрушена, защитить город не может, но артиллерия и количество боеприпасов значительные». Ветхи и все другие городские здания дом воеводы, канцелярия, цейхгауз, погреб, амбар, 7 хлебных магазинов, ратуша, таможня, торговые лавки, 145 жилых домов и прочее³⁴⁹. Тем не менее, в 1744 г. в Нерчинске проживали 1484 человека мужского пола, из них 1187 посадских, 192 разночинца, 21 государственный крестьянин, 9 приказных служащих, 55 отставных и служилых дворян³⁵⁰.

³⁴⁸ Обручев В.А. От Кяхты до Кульджи. М., 1956. С. 12–15; Он же. Кяхта // Байкал. 1994. № 3 С. 156.

³⁴⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 317.

³⁵⁰ Константинова Т.А. Нерчинское воеводство (1655-1783) // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник. № 6. Чита, 2009. С. 10–58.

Для сравнения приведем официальные данные Переписной книги Нерчинска после I-й ревизии (1720 г.), подписанные стольником и воеводой П. Мусиным-Пушкиным, Василием Корневым и Федором Мальцовым. Всего на тот период в Нерчинске имелось 40 однодворовых дворов с 46 жителями, 86 детьми и их родственниками, 94 человека дворовых людьми, «живущих с ними и на них работающих», 6 дворов отставных казаков; 175 дворов пашенных крестьян (вместе с родственниками 502 человека); 28 дворов с 66 людьми; 27 бобыльских дворов (37 человек); 8 человек бездворовых бобылей с 9 детьми. Всего 270 дворов и 1092 человека мужского пола. По социальному составу это были 13 дворян, 20 детей, 10 родственников; 28 детей боярских, их детей 44; 94 дворовых людей и 44 их детей; 61 оброчных бобылей; священников (2 дьячка, 3 пономаря, 16 поповских детей, 1 сын дьяческий, их родственников и священников). Всего 1123 человека³⁵¹. Данный перечень дополняется пофамильным перечислением жителей Нерчинска³⁵².

В три раза большее количество людей проживало во всем Нерчинском воеводстве в 144 населенных пунктах, 6 острогах (Аргунский, Сретенский, Еравнинский, Итанцинский, Читинский, Телембинский), 4 слободах (Куэнгская-Алеурская, Городищенская, Ундинская, Урульгинская) и 133 деревнях: 642 двора, 1691 душ мужского пола, 551 служилых людей (а с отставными казаками и их детьми-951), нерчинско-заводских приписных – 717, крестьян – 414 человек. Всего 3773 человека³⁵³.

Четвертым параграфом Кяхтинского договора 1728 г. второй международный (после Кяхты) пункт был учрежден на р. Ган при впадении в Аргунь в местности Цурухайтуй рядом с Аргунским острогом, где русские и китайские купцы имели место складирования товаров для обменного торга между двумя соседствующими странами. Точнее говоря, туда был перенесен частный торг русских, обосновавшихся в Науне (маньчжурском городе Цицикаре).

³⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Д. 1391. Л. 255–262; 1520. Л. 1–10. 1149. Л. 194–201. 1474. Л. 141–164.

³⁵² РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Нерчинское воеводство. Д. Именные книги за 1706–1711 гг.; Сметный список 1714 г.; Сказки 1719–1720; Переписная книга после I-й ревизии 1720 г.

³⁵³ ААН. Ф. 21. Портфели Миллера. Оп. 481. Ч. VII. Л. 99–105.

В разменном письме С. Рагузинского об учреждении русско-китайской границы по Кяхтинскому договору говорилось, что ее восточная часть начинается от Кяхты и заканчивается верховьем р. Аргуни, при урочище «Абагайту-сопки». В пункте 6 говорилось: «С разменного письма о избрании пограничного торгового места при Аргуни на урочище Цурухайту». В пункте 18 говорилось: «Понеже гренадер свиты моей из Иркутска отпущен будет в Нерчинск и на Аргунь и там жить будет до ноября для осмотра порядку торгового и строения слободы, и письменного рапорту от капитана Михайла Шкадера, что до того человека в оной слободе построено будет, а оттуда придет на Кяхту для рапорта тамошнего о кяхтинском порядке и строения и оной гренадер будет трактовать зимним путем ко мне, с которым пишите ко мне пространно и обстоятельно и пошлите рапорт всему строению»³⁵⁴.

Размен грамотами об учреждении в Цурухайтуе торгового международного пункта произошел 17 мая 1728 г. между комиссаром Аргунских серебряных заводов Тимофеем Бурцевым и толмачем селенгинским дворянином Алексеем Третьяковым с китайским чиновником Хубиту. Третьяков являлся надзорщиком торговой слободы в Селенгинске. В документе говорилось: «Усмотрели: Гана реки и Аргуни реки в стрелке, на полуденной стороне Куку дабо назначили место Срединного государства купецким людям строиться положили и установили. У Аргуни реки на правом берегу, на Цурухайтаевском нижнем мысу, положено место купецким людям строиться; положили и установили»³⁵⁵.

Строил Цурухайтуевскую слободу капитан Шкадер, о чем С.Л. Рагузинский извещал своего заместителя полковника И.Д. Бухольца в Селенгинске: Шкадер с командой солдат на 26–30 лошадях отпускается «на край восточного участка» российско-китайской границы. И «тех лошадей держать при себе и при слободе в строении на оных велеть работать». В Отчете Бухольца есть раздел «О Цурухайтуевской слободе» с указанием о нежелании китайцев возводить подобные строения на своей стороне границы: «От китайской стороны

³⁵⁴ Громов П. Начало Троицкой крепостицы и Кяхты. Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 31. С. 400.

³⁵⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ.соч. С. 364.

караульные офицеры капитану Шкадеру объявили словесно, что с их стороны, за неудобностью того места, строения торговой слободы и купечества не будет». В связи с этим по указу Тобольской губернской канцелярии от 22 апреля 1730 г. «велено на Цурухайте строение торговой слободы до указа отложить; а ежели китайские управители пожелают, для купечества с российскими купцами, строить слободу на иных местах, то б те места осмотреть достоверно». Руководствуясь этим, Шкадер (уже в чине майора) предлагал китайским пограничным караульным офицерам рассмотреть вопрос об избрании другого места для возведения торговой слободы, но определенного ответа не последовало. Шкадер даже «усмотрел» такое место «при реке же Аргуни между Цурухайтуем и Аргунским острогом», о чем 26 мая 1731 г. сообщил в Тобольскую губернскую канцелярию. Раздел «О Цурухайтуевской слободе» И.Д. Бухольц завершает словами: «А ныне тамо, на Цурухайте, обретаются солдат 2 капральства, которые провиант получают из Аргунского острога <...>, тамо ж определен <...> для сбора пошлин надзиратель и ларешный».

Китайская сторона также не любила Цурухуйтуевскую слободу. Цинские власти откровенно писали Иркутскому губернатору А.И. Жолобову: «Напрасано чинится домогательство производить торг в Цурухайтуе, которое место, яко в дальнем от границы расстоянии, пустое и без жилья найдено до сего неспособным, и купцы неохотно туда ездят»³⁵⁶.

В действительности, китайцы привозили туда для торговли крайне малое число товаров, причем раз в год, в июне, во главе с маньчжурским офицером и охраной из города Науна. Пока начальник пограничного разъезда объезжал китайские сторожевые посты по Аргуни и Амуру, приезжие торговые люди распродавали россиянам и монголам то, что привозили: кирпичный чай, курительный табак, шелковые ткани, «безделицы». Взамен предпочитали брать домашний скот, меха, овечьи шкуры, юфть, толстое сукно и прочее³⁵⁷. «Вся сия торговля производится китайцами без всякого старания, и единственное для того,

³⁵⁶ Бантыш-Каменский. Н.Н. Указ. соч. С. 230.

³⁵⁷ Там же. С. 280.

чтоб оставление оной не было почтено нарушением торговых трактатов», – писал М. Шкадер³⁵⁸.

Цурухайтуевскую слободу в основном посещали нерчинские торговые люди, купцы почти не приезжали, кроме селенгинских, верхнеудинских и некоторых иркутских³⁵⁹. Со временем приток купечества хотя и увеличивал торговые обороты Цурухайтуя, но они далеко отставали от кяхтинских. Большого купцы-мелочники дать не могли, только на то время, пока в Кяхте действовал запрет на торговые сношения. «Расцвет» Цурухайтуя пришелся лишь на 1778–1780 гг.

С китайской стороны также приезжали исключительно жители Науна. П.С. Паллас говорит, что, скорее всего, это были ни китайцы, ни монголы, а дауры, причем люди военные, поскольку имели при себе луки и стрелы. Дауры эти, прежде жившие в Восточном Забайкалье (Даурии) накануне подписания Нерчинского пограничного договора, были отселены Цинской властью во глубь Маньчжурии³⁶⁰.

Обычно первыми приезжали дауры. Они располагались станом на правом берегу Аргуни, верстах в 4 от русской слободы, около Цурухайтуевского пограничного маяка и там ожидали приезда русских торговцев. Получив известие, Нерчинск направлял для торгов всех желающих. Торговля, как и в Кяхте, носила исключительно меновой характер, она начиналась с начала июля и продолжалась до середины августа. В этот период ее обороты были не более 5 тыс. рублей. Ассортимент товаров был ограничен и известен. Паллас указывает, что наиболее ходовым товаром у русских купцов были овчины и овчинные шубы, а у дауров – чай и табак³⁶¹. Известны случаи, когда торговля в Цурухайтуевской слободе останавливалась, хотя там ее китайские власти не запрещали, как в Кяхте. Причина заключалась в неприбытии торгующих с той или другой стороны. Например, в 1772 г. Петропавловская пограничная таможня сообщала иркутскому губернатору о поступившем рапорте от наблюдателя за восточной частью

³⁵⁸ Там же. С. 283.

³⁵⁹ РГАДА. Ф. 1121. Иркутская приказная изба. Д. 16. Л. 383.

³⁶⁰ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. СПб., 1788. С. 589.

³⁶¹ Паллас П.С. Указ. соч. С. 592.

государственной границы. В нем говорилось, что с китайской стороны явились «тусски, называемые торгочины» (дауры) и потребовали начать торги, но с русской стороны приезжих купцов не оказалось, отчего «торгу не происходило». Иркутские власти срочно объявили всем имевшимся на то время в городе купцам отбыть в Цурухайтуй для беспошлинной торговли, но желающих ехать в такую даль с заведомыми убытками не нашлось³⁶². В конечном итоге, китайцы признали данное место «неспособным» для ведения торговой деятельности и отказались туда ездить³⁶³.

Не любили это место и русские. За всю историю Цурухайтуевского поста состоялось всего несколько переходов: в 1733 г. русский караван Лоренца Ланга, зайдя в Китай из Селенгинска, вернулся назад через восточные «ворота». Тот же Л.Ланг в 1736 г. повел очередной торговый караван из Петропавловской крепости тем же путем, но вновь вернулся через Кяхтинский форпост. По дороге в Наун россияне выдержали несколько разбойных нападений в монгольских улусах. В результате частых вооруженных стычек отогнано 90 лошадей и 23 быка, на которых перевозились товары, были раненые и убитые среди людей.

Лоренц Ланг подробно описывает второй на русско-китайской границе международный торговый центр: «Место Цурухайту где слобода для пограничного торгу по силе трактата построена, к немалому стыду как тех, кои сие место к тому выбрали, так и тех, кои сие место на оном построил только четыре рыбачьих, без заборов и кровель, шалаша, имеет положение со всех сторон чистое поле; никакого лесу ближе 50 верст не видно, кроме некоторых ольховых кустарников, но и те на китайской стороне реки Аргуни растут, из которых обретающийся тамо мунгальский караульный офицер российским людям из сожаления или за подарки дозволяет брать несколько для топки изб. Цурухайту отстоит от Нерчинска в 300, а от Аргунска в 140 верстах; ближайшие же деревни по Нерчинской дороге 200, а по Аргунской 100 верст от одного отдалены, так что на содержание человеческой жизни, кроме воды и воздуха,

³⁶² ГАИО. Ф. 1121. Иркутская приказная изба. Д. 16. Л. 380, 383.

³⁶³ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 263.

ничего там получить не можно»³⁶⁴. Прибыв в Цурухайтуй, Лоренц Ланг не нашел там ни одного амбара для хранения доставленных караваном товаров: часть из них кое-как удалось складировать в слободе, но остальное в чистом поле, где они лежали под открытым небом два месяца, так как людей, желающих перевозить их в Китай, не находилось³⁶⁵.

Во второй половине XVIII века Цурухайтуевский таможенный пост совершенно утратил свое значение. Ко всем неудобствам ведения торгов прибавились и наводнения «от потопу к спасению безнадежных». К тому же китайцы признали данное место «неспособным» для ведения торговой деятельности. Поэтому, в 1736 г. Коллегия иностранных дел Российской империи издало распоряжение о выборе другого пункта международной торговли вместо Цурухайтуевской слободы. Но этот пункт так и не был найден и через 20 лет³⁶⁶. В 1756 г. вопрос этот вновь всплыл на повестку дня. 29 января 1756 г. коллегия послала сибирскому губернатору А.Н.Метляеву указ о перенесении Цурухайтуевской крепости, поврежденной очередным наводнением, в другое место, на российскую сторону Аргуни, где построить «надлежащее укрепление». В связи с этим в Цурухайтуе был созван съезд пограничных начальников, но он закончился ничем, поскольку на него не поехал главный начальник восточных рубежей В.В. Якобий, занятый делами в Кяхте. На следующий год такой съезд собрался в Кяхте, и принял решение о переносе и об учреждении дополнительных караулов по Аргуни ниже Цурухайтуя, и о запрещении китайским купцам ходить за палисад русской торговой слободы³⁶⁷.

Необходимость общего съезда пограничных начальников была вызвана также продолжающимися вооруженными грабежами монголов на границе и массовыми переходами их на российскую сторону. Последнее не раз служило причиной осложнения международной обстановки на восточной окраине государства.

³⁶⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ.соч. С. 189–200.

³⁶⁵ Курц Б.Г. Государственная монополия в торговле в первой половине XVIII века. Киев, 1924. С. 60.

³⁶⁶ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 263.

³⁶⁷ Там же.

В 1729 г. через Цурухайтуевский пост самовольно мигрировало 5 юрт, а перебежчики объявили желание остаться «вечно в российском государстве и ясак платить». Вслед за ними 15 марта с р. Онон прибыло 150 юрт: заявители признались в прежнем российском подданстве, но бежали в Китай, а теперь возвращаются на родину от «несносного от китайцев разорения». Затем вышло еще 100 юрт, а еще позже – «великое уже множество». Установлено общее число перебежчиков: 2132 юрты, «годных к военному делу 2261 человек; у них верблюдов – 5210, лошадей – 68465, рогатой скотины – 14962, баранов и овец – 131610 голов»³⁶⁸. Дело разбиралось Пекинским трибуналом и в российском Сенате. Для избежания осложнений, перебежчиков чуть ли не военной силой с трудом удалось вернуть назад. Но случаи массовых миграций на этом не закончились. Подобные переходы происходили в 1733 г. по рекам Джиде и Чикою, в 1734 г. – в Нерчинском уезде. В последнем случае в Россию бежали из Китая 855 юрт монголов (2150 вооруженных людей). Вновь пришлось возвращать их военным ополченцам Селенгинского полка И.Д. Бухольца (1700 солдат), тунгусским ополчением из 550 человек князя Гантимура, и даже применять артиллерию.

Предвидя подобные случаи нарушения государственной границы перебежчиками из Китая и Монголии, а также миграции аборигенного населения из Забайкалья за рубеж (а такие случаи происходили часто), С.В. Рагузинский снабдил пограничных дозорщиков подробной инструкцией несения службы. Ответственному за восточное направление от Кяхты Василию Фирсову ставилась главная задача: торговать в иных местах, кроме Кяхты и «Цурухайтуя-урочища», которая на Аргуни, никого не пропускать, перебежчиков чужих не принимать. Пункт 7 специально касался торговых сношений с китайцами: «Объявите же верноподданным иноземцам: ежели купцы русские или протчие укрывались от прямой дороги Кяхтинской и Цурухайтуевской в утайке государственных пошлин, будут объезжать другими дорогами, и товары без таможенных выписей привозить, и скот и протчее, кроме Кяхтинской и Цурухайтуевской дороги гонять, и таких преступников велеть им ловить и с товары привозить на Кяхту или

³⁶⁸ Бантыш-Каменский Н. Указ. соч. С. 167.

Цурухайтуй и объявить таможенному голове; из чего три доли возмутся в казну Его Императорского Величества, а четвертая часть отдается тому, кто такого преступника поймает; а кто хочет торговать на Кяхтинской и Цурухайтуевской слободах, кроме провианту и мягкой рухляди, заплатя пошлины по Указу, тому позволяется, такмо б иными дорогами ни по которому образу не переезжали; ибо на Кяхтинской и Цурухайтуевской заставах имеют быть осмотрены. Дан Селенгинску июня 27 дня 1728 году»³⁶⁹.

Вероятно, восточная граница по причине открытого степного массива считалась наиболее уязвимой в плане контрабандного ввоза и вывоза товаров, поэтому там было установлено наибольшее число пограничных маяков и позже крепостей, к которым переселено много тунгусских, бурятских и даурских кочевников, желающих служить верой и правдой Российскому государству. Так, маяки 62 и 63 охраняли тунгусы Долоцкого, Нимяцкого и Конкурского родов под руководством их Шуленг Бутулуча, Доржи и Абиды, «а велено им стоять у реки Аргуни близ пограничного (63-го) знаку, против Хайзарского устья стрелочной сопки Абагайту, им же иметь смотрение вниз по Аргуни по левую сторону до перевоза, который против сопки Хайласуту (ныне караул Кайластуевский)»³⁷⁰. Сам караул поручился охранять нерчинским служилым людям под командованием пятидесятника Дмитрия Мыльниковца «с товарищи», там, где было определено место для пограничного купечества (Старо-Цурухайтуевский караул с 1745 г.).

Нужно сказать, что россияне с большой энергией укрепляли «нерчинскую» границу, когда умершего И.Д. Бухольца заменил генерал В.В. Якобий. Так как китайцы все время ограничивали пропуски торговых караванов в Пекин и Ургу, часто останавливали ведение обменных операций в Кяхте-Маймачане и Цурухайтуе, устраивали провокации на границе, по распоряжению В.В. Якоби на восточном участке были возведены крепости Кударинская, Акшинская, Старо-Цурухайтуевская и новые караулы Чалбучинский, Булдуруевский, Средне-

³⁶⁹ Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная в 1846 г. М., 1875. С. 19–37.

³⁷⁰ Там же.

Борзинский, Дураевский, Соктуевский,³⁷¹ и образовано особое Цурухайтуевское отделение границы. Провокации выражались не только в постоянном грабеже скота, но даже вооруженными нападениями в 1755 и в 1756 гг. монголо-китайских отрядов на Восточное Забайкалье, когда они убивали аборигенных жителей, не желавших вновь переходить на их сторону. Когда В.Якобий потребовал от Ургинского правителя наказать виновных, он не принял никаких мер, сославшись на невозможность найти грабителей.

Тогда у В.Якобия возникла идея отодвинуть государственную границу южнее учрежденной, вплоть до Урги и Науна и далее до верховьев р. Енисея. Для защиты нового рубежа он планировал перевести все пограничные войска и дополнить их инородцами Верхнеудинского и Иркутского округов, что составило бы значительную армию в 40000 человек. Российское правительство одобрило план «завоевания» Северной Монголии и поручило В. Якобию наметить план военной операции с монгольским Кутухтою, который на тот момент был настроен против Китая. Переговоры шли до 1758 г., но со смертью союзника дело не получило продолжения.

Однако о планах русских узнали китайцы. Началась их подготовка к войне. Пекинский двор сосредоточил на границе 4 корпуса: возле Кяхты, против Нерчинска, между Кяхтою и основанном в 1720 г., при слиянии рек Иртыша и Ульбы, Усть-Каменогорском. Каждый корпус состоял из 10000 маньчжуров, 10000 китайцев и 20000 монголов (всего 40000 человек). Это и послужило поводом многолетнему прекращению международной торговли в Кяхте и Цурухайтуе. Россия в срочном порядке указом Сената от 17 октября 1760 г. учреждает 4 полка ландмилиции, собирает 400 городских казаков Иркутского и Енисейского уездов, поднимает Селенгинский пехотный полк, вызывает яицких и донских казаков на охрану границы, ремонтирует и укрепляет все крепости, учреждает новые сторожевые посты и редуты. Главное внимание было направлено на наиболее опасное положение Нерчинского округа. Пограничная линия в одностороннем порядке продолжена на восток до столицы Горбищенской

³⁷¹ Буссе Ф. Забайкальское инородческое войско. Иркутск, 1895. С. 59–61.

на р. Шилке. К существовавшим 29 караульным добавлен еще 31 пост, гарнизоны их были увеличены многократно. По предложению иркутского губернатора Ф.И. Сомойнова в Нерчинском крае был учрежден тунгусский пятисотенный конный полк под командой князя Гантимурова. Одновременно было создано четыре бурятских конных казачьих полков из Ашебагатского, Цонголова, Атаганова и Сартолова родов.

Увидев, что Россия подготовилась к войне весьма обстоятельно, испуганный Пекинский трибунал начал смягчать резкость своих писем в Сенат, хотя проблемы сохранялись. И одна из них – высокие пошлины на вывозимые из Китая товары на кяхтинский торг. Они же категорически настаивали на уничтожении вертикально установленных столбов вдоль пограничной линии. Когда требования были выполнены, китайские купцы в октябре 1762 г. возобновили торги, ненадолго, прерывая их не раз на долгие сроки.

Поскольку серьезная военная обстановка на границе не спадала, иркутский и колыванский генерал-губернатор И.В. Якобий (сын «селенгинского» В.В. Якобия) считал возможным вторжение восточного соседа прежде всего со стороны «Нерчинской» границы, поскольку к Китаю были близко расположены сереброплавильные заводы. Поэтому он усилил военное ополчение из 4000 бурят, и еще 8 отрядов от 300 до 1000 воинов на перефирийных участках. Помимо того отряды тунгусов по 500 человек были сосредоточены у Акшинской крепости, 300 – у Чиндантуевской, 200 человек – в городе Нерчинске, 500 – на Нерчинских заводах³⁷². На их основе в 1851 г. было сформировано Забайкальское казачье войско, как военная опора тогда же выделенной из Иркутской губернии Забайкальской области.

Итак, вышеизложенный материал показывает, что с подписанием Буринского (Кяхтинского) договоров Китай и Россия при установлении разграничительной полосы между двумя государствами определили два пункта разрешенной приграничной торговли – Кяхту в Западном Забайкалье и Цурухайтуй – в Восточном. Только оттуда могли следовать в Ургу, Цицикар и Пекин российские

³⁷² Буссе Ф. Указ. соч. С. 59–61.

торговые караваны, но не реже одного раза в три года. Все остальное время торгующие люди могли осуществлять свою деятельность только в указанных пунктах беспошлинно.

Однако, Цурухайтуевский пост, учрежденный на реке Аргуни в малозаселенной и безлесной местности, где не имелось ни одного строения для складирования товаров и жизни приезжающего народа, не привлекал внимания купцов соседствующих стран с самого начала, поэтому международной торговли там не получилось, и к середине XVIII в. он фактически прекратил свое существование.

Большой известностью стал пользоваться Кяхтинский форпост и Троицкосавская крепость на р. Селенге, где россияне вели интенсивное строительство торговых служб и самого города. Китайцы и здесь некоторое время не предпринимали заинтересованности в возведении необходимой инфраструктуры для своих торгующих людей, вынужденных ютиться под открытым небом в юртах близ пограничной линии. И только по требованию российских властей там стали возводить город Маймачен – «Торговое место». В дневное время граница была открыта и торговые люди двух стран ходили свободно по ограниченной территории Кяхтинского международного торга: кроме торгующих граждане иного рода туда не допускались. Все ранее обосновавшиеся в Урге и Цицикаре российские купцы были выведены китайцами в Кяхту или Цурухайтуй. Но, в последнем месте они не остались, а переселились в Нерчинск или в Кяхту.

Россия помимо Кяхты имела еще несколько приграничных центров помощи Международной торговли. Наиболее ранний и крупный среди них – Селенгинская крепость, откуда с 1666 г. началось проникновение российских купцов в Монголию и Китай. После учреждения границы там же находились Воеводская и Пограничная канцелярия, стоял Тобольский (Якутский, затем Селенгинский) полк. Вторым местом явилась Чикойская Стрелка, расширенная до масштабов Петропавловской крепости. Она служила центром, куда со всей России собирались торгующие люди, чтобы отсюда следовать один раз в год в составе государственного купеческого каравана в Пекин тележным или вьючным ходом

на лошадях и верблюдах. С 1792 г. государственная торговля велась уже только в Кяхтинском форпосте.

2.3 Формирование кяхтинского купечества

С начала своего основания Кяхтинская слобода и Троицкая крепость предполагались как поселения торгующих людей. Первый торг состоялся здесь в конце сентября 1728 г., через месяц после подписания пограничного трактата, на нем присутствовало тогда 10 русских купцов и 4 китайских³⁷³. Предметом торга были меха, оставшиеся от продажи на китайском рынке – шкурки камчатского бобра, рыся, соболя. Этот ценный товар комиссар каравана посольской свиты С.В. Рагузинского сдал в Кяхтинском форпосте целовальнику С.Лянгузову, а тот променял его китайским купцам. Этот эпизод и положил начало официальному открытию приграничной меновой торговли и деятельности будущего города Троицкосавска. Китайский Маймачен начал возводиться по соседству два года спустя³⁷⁴.

В течение первого десятилетия после учреждения Кяхтинского форпоста и Троицкой крепости пограничная торговля развивалась медленно, не встречая заинтересованности со стороны Китая и Монголии. Поначалу причиной было то, что русские товары из-за отсутствия среди них мягкой рухляди, запрещенной правительством России к продаже частными лицами, мало интересовали китайских купцов. На товары, которые представляли для них некоторый интерес, китайцы, торгуя компаниями, заранее, по сговору, назначали очень низкие покупные цены, а на свои товары многократно завышали. Кроме того, китайские компании никому, кроме своих компаньонов, участвовать в торговле с русскими не разрешали. Поэтому русское купечество вынуждено было или сдавать свои товары за бесценок, либо удерживать их до тех пор, пока китайцы не согласятся на приемлемые цены, но это случалось довольно редко. Некоторое оживление в

³⁷³ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем до 1917 года. М., 1974. Т. 1. С. 147.

³⁷⁴ Златокипящая Кяхта. Иллюстрированный путеводитель. Иркутск, 2010. С. 15.

кяхтинскую торговлю 1729–1730 гг. внесла продажа казенной пушнины, которой за это время было продано китайцам на 23 829 рублей³⁷⁵.

Момент трудного начала кяхтинского торга образно описал в своем донесении властям российский торговый агент Л. Ланг, выдворенный китайскими чиновниками в Кяхту: «Вся Кяхта, как прежде имелось купечество не малое, так ныне оного довольно и российских товаров весьма много навезено, а торгу нет для того, что китайских купцов на торгище при Кяхте имеет самое малое число; а которые и есть, у тех недостаток в китайских товарах, подлежащих к покупке русским купцам, кои от сего проживаются, товары их на Кяхте в гостином дворе лежат праздно, не имея купечества, приходят в скудость и тем в пошлинном сборе в казне числится недобор <...> и что хотя он (то есть Ланг) по отъезде своем с караваном в Пекин, о таковых их (русских купцов) несчастьи от них же был извещен и всемерное хотел желание при дворе терпеть неволю в торгу, чего прежде не бывало»³⁷⁶.

Второй причиной слабого начала развития кяхтинской торговли была теснота Гостиного двора. Селенгинский житель Парфен Семенов, наблюдавший за ходом торгов, в своем письме от 30 июня 1731 г. доносил Генеральному пограничному правлению, что «кяхтинский гостиный двор для поклажи товаров построен зело мал: сего ради российское купечество принуждено товары свои содержать по десяти человек и более в одной лавке с великим утеснением, а некоторые содержат и в казармах при себе»³⁷⁷.

Третьей причиной явилась малозаселенность китайского Маймачена. В 1738 г. иркутский вице-губернатор А.Ю.Бибиков, ссылаясь на указание Сибирского приказа, поручил Селенгинскому бригадиру и коменданту И.Д. Бухольцу связаться с китайскими пограничниками и просить их направить в пустующий Маймачен своих купцов, «ибо за неимением в Кяхте китайского купечества остающиеся в Кяхтинском форпосте русские купцы живут долговременно, а

³⁷⁵ Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Днепропетровск, 1929. С. 45.

³⁷⁶ Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1700–1725). М., 1978. С. 487–498.

³⁷⁷ Сычевский Е.И. Указ. соч. С. 227.

товары их от много лежания портятся»³⁷⁸. Сохранилось прошение русских купцов от мая 1737 г. о том, что китайцы «русских товаров ни по чему не требуют, от чего учинилось им, российским купцам, великое разорение <...>, а мунгальцев и лам мунгальских и протчих для купечества с российскими купцами не допускают»³⁷⁹. Здесь, конечно, речь идет также о возникшей конкуренции между купцами «гостиной сотни» и торгующими мещанами, еще не вошедшими в государственное купеческое сословие. Кяхтинцы полагали, что с развитием приграничного рынка их «неконкурентноспособные» товары найдут своего покупателя у таких же китайских торговцев «средней руки». Установлено, что в ответ на эту просьбу цинские власти направили в Маймачен торговцев из провинции Шаньси, известных в Китае своими торгово-ростовщическими и не всегда легальными операциями. Судя по сохранившейся надписи на колоколе из маймаченского храма Лао мяо, изготовленного в 1743 г., это были уроженцы уезда Фоньян области Фоньчжоу провинции Шаньси по фамилиям Жэнь Ши Лун, Го Ши Лун, Ван Вэнь Циань, Хань Ин, Ли Чунь Хун, Ли Мин Кин, Чжао Кэ Жэнь, Тянь Дэ Юань, Ма Вань Лун, Ван Лун Ку и др.³⁸⁰.

Дав им монополию на частную торговлю, Правительство Китая вручило купцам особую инструкцию, в которой обязывало «держать» русских торговцев и их торговлю в зависимости от китайских желаний. Как земляки-торговцы, они объединились в единую цеховую организацию. При массовом завозе товаров из Калгана в Маймачен и в дни торгов они почти ежедневно собирались на общие собрания для согласования единой ценовой политики, чтобы не нанести убыток компаньонам. Все держалось в строгой тайне от русских торговцев. Изменивший договоренности в свою личную пользу, подвергался наказанию по решению дзаргучея камышевыми палками и изгнанием из купеческого сообщества. Секретными данными для русских считались сведения о состоянии торговли внутри Китая, о количестве привозимого чая для России и ценах на другие виды товаров.

³⁷⁸ Сычевский Е.И. Указ. соч. С. 103.

³⁷⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 229.

³⁸⁰ Экспозиция Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева.

Чуть позже, в ответ на действия китайских купцов, русские также ввели у себя подобный секретный порядок ценообразования, с правом высылать из свободной экономической зоны нарушителей правил. Это положение, кстати, с 1800 г. было принято на уровень общероссийского торгового закона рескриптом императора Павла I. Исполнять его в Кяхте было поручено местной таможне и ее чиновникам. Кстати, Кяхтинская таможня, основанная в 1727 г. занимала особое место в ряду таможенных органов Российской империи благодаря пограничному положению и объему поступающих в казну пошлин. Позже, особенно в XIX веке, для нее издавались отдельные постановления, указы, тарифы; она не входила в систему российской торговли с Азией, и тариф Кяхты шел отдельной строкой³⁸¹.

Нужно признать, что основной причиной, мешавшей торговле в Кяхте, являлся недостаток товаров для караванного торга с Китаем и дача приоритета российского правительства казенной торговле в ущерб частной. Сдерживая инициативы частников, Сибирский приказ составил ведомость, в которой указал, какие китайские товары могут покупать купцы в Кяхте и Цурухайтуе, а какие разрешается вывозить в Москву и в другие сибирские города и торговые ярмарки³⁸². Кроме того, правительство ограничивало допуск купцов на китайскую границу. Там могли жить только те, кто получал письменные разрешения Сибирского приказа или Сената и сибиряки, которые имели право свободной поездки в пограничные торговые пункты – Кяхту и Цурухайтуй.

Тем не менее, торговля понемногу развивалась. Первыми гражданами купеческого сословия в Кяхте стали члены торговых караванов, вывезенные китайскими властями из Пекина и Урги с торговым комиссаром России Лоренцом Лангом. В 40-х г. XVIII века торговые обороты купечества в Кяхте стали принимать значительные размеры: в 1746 г. выменено китайских товаров на 177106 рублей. Многие отпуска состояли до 10000 рублей, и самые крупные – у московских, тульских, тобольских, вологодских и ярославских купцов. У

³⁸¹ Переслегина И. В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни (20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX вв.) : автореф. дис. ...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. С. 133.

³⁸² ГАИО. Ф. 1. Илимская воеводская канцелярия. Д. 270. Л. 216.

Московского 1-й гильдии купца И.Р.Журавлева торговые обороты достигали несколько десятков тысяч рублей в год³⁸³.

С 1741 г. кяхтинский путь взял окончательный перевес над нерчинским. С 1741 по 1755 гг. Кяхта служила местом формирования трех последних государственных караванов в Китай и обратно³⁸⁴. А так как для их обслуживания потребовались рабочие руки, в начале декабря 1743 г. указом Сената велено было «для распространения купечества» поселить в Кяхте дополнительное число людей, отвести им «не строение дворов, заводов и огородов, так и на скотский выпуск <...> потребное число земли за городом близ Кяхтинского форпоста и селиться особливою слободою». В ней разрешалось проживать людям, «не положенным в подушной оклад, если они не беглые крестьяне или солдаты». Поселенцам предоставлялись льготы: они освобождались от уплаты податей и рекрутского набора в течение нескольких лет³⁸⁵. В 1745 г. вторым указом к поселению в Кяхте были допущены купцы и крестьяне из губерний Московской, Казанской, Архангелгородской и сибирских городов³⁸⁶.

Слобода быстро застраивалась, образовав особую торговую купеческую Кяхту. В те оживленные дни в Кяхте – Троицкой крепости – китайском Маймачане можно было встретить много купцов из городов Сибири и европейской части России. Так, в 1768 г. торговлей в Кяхте ведали 7 купеческих компаний: московская, тульская, иркутская и др. Их торговля длительное время была предметом правительственной опеки. В 1792 г. появились новые компании, в торговлю включились верхнеудинские, курские, воронежские купцы³⁸⁷.

По другим данным, в 1768 г. в Кяхте действовали шесть торговых компаний: московская (сукно, меха бобров и выдры), тульская (мерлушка, кошачьи шкурки), архангельская и вологодская (северорусские и скандинавские меха), казанская (юфть, кожи), тобольская (мерлушка, юфть и сибирская пушнина). В 1800 г.

³⁸³ Семенов А.В. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. 3. СПб., 1859. С. 199.

³⁸⁴ Бантыш – Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 238, 251, 261.

³⁸⁵ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8833.

³⁸⁶ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 12. № 9206.

³⁸⁷ Трусевич Х.И. Посольские и торговые отношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882. С. 245.

казанские купцы уступали место в этой шестерке еще одной сибирской компании – иркутской.

По данным 1806 г. из 60 купцов, торговавших в Кяхте лично или через своих приказчиков и комиссионеров, Москву представляли 2 человека, Калугу – 4, Тулу – 2, Курск – 1, Нежин – 2, Тобольск – 4, Великий Устюг – 4, Соль-Вычегодск – 1, Вологду – 3, Холмогоры – 1, Казань – 1, Тару – 1, Томск – 4, Иркутск – 20, Верхнеудинск – 9, Селенгинск – 1. К середине XIX в. в Кяхтинской торговле на постоянной основе (проживая в Троицкосавске – Кяхте) участвовали купцы из 20 и более городов³⁸⁸. Из них лично торговали купцов I гильдии – 19 человек, через приказчиков – 20, остальные поручали свои товары комиссионерам³⁸⁹, оплачивая им за посреднические услуги от 4 до 8 копеек с променного рубля. Всего в Кяхте этим делом занималось 14 комиссаров, но только 4 из них разрешалось вести самостоятельную торговлю, поскольку они являлись купцами I гильдии. Они-то и были монополистами в ценовой политике, почему другие, особенно сибирские торговцы, терпели убытки, вели либо мелочную торговлю, либо прекращали свою деятельность³⁹⁰. Монополисты, в свою очередь, имели своих комиссионеров в Китайском Маймачене из среды китайцев и монголов.

Впрочем, на первых порах, на комиссионеров еще было мало надежды, так как многие из них занимались обманом своих хозяев. Например, купец Филатьев был обманут своим помощником, ездившим в Кяхту представлять его интересы, на 50000 рублей³⁹¹. Такова же история случилась с челябинским купцом Григорием Неводчиковым и суздальским Иваном Карповым и другими³⁹².

Интересной особенностью Кяхты того времени, как и Троицкой крепости, являлась маловодность местности. Речушки Грязнуха и Кяхта по сути своей представляли ручьи, пересыхающие в летнюю пору. Для поддержания их уровня в XVIII в. были построены 2 плотины, поэтому селитьбы иногда именовались

³⁸⁸ Корсак А.К. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 420.

³⁸⁹ АВП РФ. Ф. Главный архив. II-3. (1801). Д. 2. Л. 179.

³⁹⁰ Хохлов А.Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) // Бурятия XVII – нач. XX в.: Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 15–50.

³⁹¹ Словцов А.П. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1. С. 267.

³⁹² ГАИО. Ф. Иркутской земской избы. Д. 18. Л. 533.

«Верхняя» и «Нижняя» плотины³⁹³. О плохой воде в Кяхте писал и П.С. Паллас: «Вода горько-солончатая или с известью, пахнет, и самый лучший чай портит и густит»³⁹⁴.

Существовало предание, будто место для торгового форпоста было выбрано С.В. Рагузинским по соображениям безопасности. Он боялся коварства китайцев, которые могли при остром конфликте отравить воду в реке, и поэтому искал такую, которая бы текла не из Монголии. Такой и оказалась речка Кяхта с ее притоком Грязнухой. Конечно, это лишь предание, но проблема воды действительно существовала, впрочем, как и сегодня. Вода являлась серьезной проблемой для первых кяхтинцев. Например, по химическому составу она не подходила для питья людям из-за большого процента известковой примеси. Богатые русские купцы, «как сильные чаев питоки», пускались китайскими пограничниками на свою территорию брать чистую воду из ключа на берегу реки. Однако на самом деле непонятно, почему именно на Кяхте Рагузинский выбрал место для устройства крепости и торговой слободы. Более удобное место имелось недалеко – близ места слияния речки Бурдуны с Чикоем, там, где кяхтинцы впоследствии основали свой дачный поселок.

Правительственные меры привели к быстрому росту населения приграничного городка: в 1763 г. в Кяхте уже проживало 380 купцов мужского пола и 874 человека цеховых³⁹⁵, в 1768 г. – 380 купцов (постоянных и временных), 864 мещанина, в 1774 г. соответственно 488 и 908³⁹⁶. К концу XVIII в. Кяхта – Троицкосавск становится самым многолюдным из селений Забайкалья. Здесь проживало наибольшее число лиц купеческого и торгующего сословия за Байкалом. Правда, первогильдийских купцов еще было немного (как и во всех крупных городах Сибири и России), делами иных иногородних управляли ими присланные приказчики или комиссионеры на постоянной основе жительства.

³⁹³ Семивский Н. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было известно. СПб., 1817. С. 217–218.

³⁹⁴ Паллас П.С. Указ. соч. С. 163

³⁹⁵ ГАИО. Ф. 75. Селенгинской городской ратуши. Д. 84. Л. 152.

³⁹⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 19. № 14179; Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1940. С. 91.

Чувствуя себя здесь вне хозяйского контроля, они часто наживались на их доверии и богатели, переходя в разряд самостоятельных купцов.

Особенно увеличилось население Кяхты после отмены внутренних таможенных пошлин. Обеспокоенный быстрым темпом заселения и бессистемной градостроительной застройкой города, иркутский генерал-губернатор Ф.М. Соймонов обратился к императрице Елизавете Петровне с просьбой о перенесении Кяхтинской торговой слободы в другое место, ибо свободных площадей для новых усадеб там не хватало. По его мнению, наплыв купцов является следствием отмены беспошлинной торговли. Однако, Сенат с этим не согласился и указом от 4 сентября 1761 г. приказал «проживающих как в форпосте, так и в крепости в другие места неволею выслать»³⁹⁷. Поэтому для ограничения наплыва новых поселенцев слободу и крепость обнесли со всех сторон деревянным палисадом «с бастионами по углам»; они имели трое ворот на север (на селенгинскую дорогу), к китайскому Маймачену, на речку Кяхту³⁹⁸. Таким образом, Кяхта-Троицкосавск был не просто городом торговым, но и оборонительным, имея в Троицкой крепости военные регулярные и казачьи гарнизоны.

Многие современники той поры отмечали, прежде всего, торговое значение города в XVIII в. когда Троицкосавск переживал «золотую» пору своего расцвета. Так, П.С. Паллас говорил: вся Кяхта представляла, образно говоря, собою единый Гостиный двор; единственным занятием жителей была торговля или ее обслуживание. В составленном им реестре имевшихся в ассортименте товаров значилось более 500 наименований³⁹⁹. Торговое значение города отражалось и в его гербе: «в лазоревом щите золотая оторванная голова дракона, с червлеными глазами и языком, и сопровождаемая четырьмя золотыми гонтами»⁴⁰⁰. Голова дракона и гонты – знаки торговли.

³⁹⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., Т. 19. № 14179.

³⁹⁸ Щекатов М. Географический словарь России. Ч. 3. М., 1847. С. 211.

³⁹⁹ Паллас П.С. Указ. соч. С. 152.

⁴⁰⁰ Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М., 1974. С. 162–163.

Занималась мелочной торговлей и вся посадская часть населения города. Там появились специфические, в отличие от других городов России и Сибири, специальности: оценщики, савошники, ширильщики и т.д. Во всех крупных городах Забайкалья (Селенгинске, Удинске), пригородах Троицкосавска разночинцы имели кустарные кожевенные заводы по выделке скотских кож, поставляемые на торговые склады для упаковки в них цибиков (китайского чая). Велик был и чиновничий штат руководства торговой международной деятельностью. В одной только таможне служили два директора, цольнер, бухгалтер, два канцеляриста, переводчик, четыре копииста, выборные от купечества, четверо ларешных, восемь целовальников⁴⁰¹. Главным образом их избирали из первостатейных купцов, «читать и писать умеющих, делами, счетами и казенными заимками не обязанные, о российских и китайских товарах и о мягкой рухляди силу цен знающие»⁴⁰².

При нежелании китайцев активно торговать, рост кяхтинской торговли все же продолжался (во многом за счет торгово-обменных операций с монголами). В 40-х гг. XVIII в. она уже приняла значительные размеры: в 1744 г. было выменено китайских товаров на 287500 рублей, а в 1746 г. за 8 месяцев – на 11 706 рублей⁴⁰³. С 1757 по 1761 гг. ежегодный товарооборот составлял 13 33 045 рублей, с 1769 по 1773 гг. – 2251417, с 1780 по 1784 гг. – 60 83 348 рублей⁴⁰⁴.

Мы опускаем многочисленные отзывы современников о Кяхте как о торговом центре Российской империи на Востоке, в жизни которого было много интересных моментов истории, быта, культуры и торговой деятельности. Самыми восторженными из них являются воспоминания о «необыкновенном» радушии к приезжим гостям, в честь которых кяхтинцы устраивали приемы и праздники, о хлебосольстве и неудержимых пиршествах. Много внимания жители уделяли образованию, литературе, искусству, наукам⁴⁰⁵, так, как они их понимали.

⁴⁰¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 14. № 10281, № 10520.

⁴⁰² Силин Е.П. Указ. соч. С. 73.

⁴⁰³ Силин Е.П. Указ. соч. С.98.

⁴⁰⁴ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем отношений через Кяхту. М., 1896. С. 20.

⁴⁰⁵ Евдокимова С.В. История основания и развития Кяхты в XVIII веке // Кяхта: страницы истории. Улан-Удэ, 1999. С. 88–98.

К чести кяхтинских купцов, они особо не экономили на благотворительности, возводя храмы, школы, училища (с коммерческим уклоном, «чтобы отношения с Китаем не ослабевали, а расширялись»), завели общественную библиотеку, музей и прочие культурно-массовые собрания, причем тяга к приданию имперского размаха городу появилась у них к рубежу XVIII – XIX вв. Церкви старого Троицкосавска могли бы обеспечить потребности прихожан почти миллионного города. По своим размерам и благополучию они соперничали со столичными храмами. Пример тому – богато убранный каменный Воскресенский собор в торговой слободе Кяхта, стоящий непосредственно у государственной границы с современной Монголией, Троицкий собор в центре бывшей Троицкой крепости, Успенская церковь на городском кладбище. Подчеркивая свое богатство, российские купцы возводили в деревянном и каменном исполнении жилые многоэтажные дома по европейским классическим образцам, «чтобы за державу не было обидно»⁴⁰⁶. Все это очень контрастировало с низкоэтажным деревянным китайским Маймаченом, который вплоть до начала XX века сохранял основные черты и дух первой половины XVIII века.

Такое отношение к городу купцы проявляли не только из-за патриотических чувств, но и по причине экономической самостоятельности. Город жил не за счет государственных средств, а на свои собственные заработанные деньги. С 1851 г. Троицкосавск получил право быть самоуправляемым городом – единственным в России с таким административным устройством. Только от китайского чая таможенные сборы составляли 110 тысяч рублей в год, что в 20 раз превышало бюджет среднего российского города, Кяхту называли «Городом миллионеров». Нажив капиталы в Кяхте-Троицкосавске, некоторые граждане переезжали в Москву, Санкт-Петербург, крупные города Сибири и России, где слыли богатыми и именитыми гражданами империи, увеличивая славу российского купечества. Из их числа произошли такие крупные купеческие династии монополистов, как Сибиряковы, Баснины, Кузнецовы, Немчиновы, Трапезниковы, Лушниковы, Сабашниковы, Второвы, Нерпины, Старцевы, Носковы, Игумновы, Синицины,

⁴⁰⁶ Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983. С. 90.

Анкуловы и другие. В XIX веке некоторые из них заявили о себе на мировом рынке, и фактически прибрали к своим рукам китайский. В Китае они построили железную дорогу (КВЖД), имели торговые фактории в Калгане и Пекине, морской порт в Шанхае. Только в Ханьхоу (самой крупной в Китае чайной ярмарке) кяхтинцы учредили восемь чаеперерабатывающих заводов, многие из которых действуют и сегодня. Именно кяхтинские купцы завладели «великим чайным путем» в Россию, как китайцы «шелковым». Китайские купцы считали большой удачей поработать в Кяхте, считая это хорошим способом многому научиться в торговом деле, поступая на службу к кяхтинским партнерам по ведению международного бизнеса⁴⁰⁷. Но это уже был век девятнадцатый, выходящий за хронологические рамки нашей работы. Что касается XVIII века, отметим, что начавшийся регулярный экспорт в Китай и импорт оттуда положительно сказался на развитие некоторых отраслей отечественной промышленности – кожевенного производства, сукноделия, шелкоткачества, огородничества, стеклоделия и прочее, а также хлебопашества, огородничества, лесного собирательства, скотоводства, охоты и т.д., явившись дополнительным стимулом роста торговых связей России с юго-восточными и европейскими странами. Только в Иркутске работало тринадцать кожевенных заводов, в 1747 г. под Иркутском посадским С.Прокопьевым заведена шелко-ткацкая фабрика, в 1755 г. купцом М.Глазуновым открыта вторая. Другие подобные фабрики действовали в Тюмени и Тобольской губернии⁴⁰⁸. В окрестностях Ильинского и Кабанского острогов было много кожевенных фабрик. Три кожевни имелось в Селенгинске, несколько в районе Кяхты, Чикойского кожзавода и в других местах. Их продукция вывозилась на Кяхтинский торг и там сбывалась китайцам⁴⁰⁹. Именно Кяхтинская торговля дала начало промышленному судостроению, рыболовству, горному делу, извозу, солеварению и другим видам деятельности забайкальцев. Торг оживил экономику Сибири, Монголии и Северного Китая. На этих сопутствующем Кяхтинской торговле промыслах

⁴⁰⁷ Златокипящая Кяхта. Иллюстрированный путеводитель. Иркутск, 2010. С. 15.

⁴⁰⁸ Географический словарь Российского государства, составленный Щекатовым. М., 1808. Часть 6. С. 250.

⁴⁰⁹ Силин Е.П. Указ. соч. С. 179.

получили работу сотни граждан, и наиболее активные из них, богатея на продаже вырабатываемой продукции, стали пополнять ряды купеческого сословия.

Итак, с самого начала основания Кяхтинская Слобода, Троицкая крепость предполагались как поселения торгующих людей, и на первом торге в конце сентября 1728 г. присутствовало десять русских и четверо китайских купцов. Поначалу дела шли плохо, так как частные лица с российской стороны не имели в качестве валюты сибирской пушнины, разрешенной к обмену только лицензионным купцам 1-й гильдии, которые доставляя в Кяхту пушной товар, нередко вынуждены были подолгу жить при своих обозах в ожидании китайских партнеров по бизнесу. Это объяснялось продолжающимся саботированием китайскими властями международной торговли с Россией вопреки подписанным дипломатическим договорам. Только к 1738 г. китайцы начали возводить свою торговую слободу Маймачен, куда с неохотой поселили торгующих людей, и то по настоянию Сибирского приказа и иркутского вице-губернатора. Монголы желали торговать, но Китай не допускал их к границе. Более того, правительство Китая обязывало «держать» русских торговцев и их деятельность в зависимости от китайских желаний. В ответ и россияне договорились между собою не снижать со своих товаров цены. В результате торговля не раз прерывалась на месяцы и годы, и все это время купцы или их приказчики жили в Кяхте в ожидании лучших времен. Так формировалось кяхтинское купеческое сословие.

Первыми стали члены государственных торговых караванов, выведенных китайскими властями из Пекина, Науна (Цицикара), Калгана и Урги. В 1743 г. указом Сената было велено поселить в Кяхте желающих людей «для распространения купечества». В 1745 г. вышел второй указ, по которому помимо купцов были допущены крестьяне из губерний Московской, Казанской, Архангел-городской и мещане сибирских городов.

На первый случай в Кяхте было поселено до 100 семей, но торговлей в основном ведали семь купеческих компаний – московская, тульская, иркутская и др., пользовавшиеся правительственной опекой. К 1792 г. появились верхнеудинские, курские, воронежские и иные торговые люди. По данным 1806 г.

уже насчитывалось 60 купцов, торговавших лично или через своих приказчиков: из Москвы, Калуги, Тулы, Курска, Нежина, Тобольска, Великого Устюга, Соль-Вычегорска, Вологды, Холмогора, Казани, Тары, Томска, Иркутска, Верхнеудинска, Селенгинска. Но, в период первого ажиотажа после открытия Кяхтинского международного торгова и устранения взаимных пограничных споров в отдельные годы сюда прибывали на временное житье и более крупные партии: в 1763 г., к примеру, их число составило 380 купцов и 864 мещанина, занятых в помощь первым; в 1774 г. – соответственно 488 и 908. Особенно увеличилось население Кяхты после отмены внутренних таможенных пошлин, что потребовало от Сената переселить часть жителей в Троицкую крепость, оставив в Кяхте только купцов первой гильдии и учредить между двумя частями города пропускной режим.

К концу XVIII века Кяхта–Троицкосавск становится самым многолюдным из селений Забайкалья, превысив даже уездный Верхнеудинск.

2.4 Особенности торговой деятельности на Кяхтинском рынке

Торговая деятельность на Кяхтинском международном рынке была для россиян весьма трудным делом ввиду малопонятной китайской ценовой политики. Торговые люди, следовавшие с купеческими караванами в Ургу и Пекин, долго не могли привыкнуть к местным запутанным условиям ведения торгово-обменных операций, и тем более к расчетам на непонятные денежные единицы. И только руководитель российского торгового каравана Михаил Гусятников, на несколько лет задержанный на Чикойской Стрелке и затем в монгольской Урге, получил возможность внимательно понаблюдать за спецификой китайских торгов и составить справку о производимых за рубежом расчетов для удобства коммерческой торговой деятельности своих соотечественников, выезжающих в Китай:

«Сказка Михаила Гусятникова»

1. Лан в Китае есть серебряная монета, например против русского рубля. В коробке китайского золота 10 лан золота, или мало что меньше; а всякий лан ценою против русского рубля.

2. Из Китая привозятся товары: китайка, камка, золото, серебро, шелк, бадьян, шпалер, завесы, посуда всякая.

3. Прошлого, 1717-го года в Китае товары в продаже и в покупке были ценою русских: 1000 белки казенной по 13 тюней китайки. А купчина вои продал по 40 р. тысячу.

4. Горносталей казенных по 17 руб. сотня, русских денег. А купчина свои продал по 15 рублей сотню.

5. Китайскую камку брали они по 3 и по 5 руб. косяк, понеже они разных видов суть.

6. Тюнь китайки по 3 рубля и меньше, смотря по товару.

7. Песцы продавали по 40 рублей сотню, а иногда и больше; а брали камками и китайскими по вышеобъявленному договору.

8. Песцы, которые браны от Хана, за оные брали по 14 алтын и по 4 деньги песец.

9. Камчатских бобров продавали по 4 тюни китайки.

10. Ленские красные лисицы по 2 руб. серебряных денег, а товарами по 1 ½ лисицы.

11. Красные лисицы других городов сибирских по 1 руб. и более, даже до 4-х рублей всякая продавалась, а брал за них товарами.

12. Бурые лисицы от 5 до 20 рублей всякая, смотря по товару.

Соболи продавал на товары же по 1 ½ всякий, а иногда больше и меньше.

14. Рыси проданы на товары же по 2 руб. всякая.

15. Рыбью кость продавал по 1 тюню и меньше штуку.

16. Косаки по 15 руб. всякую, а брал товарами.

17. 100 ласток по 20 рублей продавал на товары же.

18. Белые хребтовые и черви меха продавал по 2 рубля, больше и меньше.

19. В Китаях не требуют черных соболей и никакой цены за них не дают»⁴¹⁰.

Об обменном курсе в русско-монгольско-китайской зарубежной торговле в те же годы писал Селенгинский пограничный комиссар Ерофей Фирсов: «Ведомость. Российских денег по 100 руб. вменяют за китайское за торговое серебро за 53 ланы. А ефимки отдаются за ханское серебро по 72 фунта, а за 100 ефимок придет 72 лана. А по российскому обыкновению называется между китайцы лана рубль, коя имеет в себе 10 чинов. А чин гривна имеет 10 фунов, а фун-копейка, которой имеет 8 ½ чехов медных. А на российский вес лана приходит по 8 ½ золотников, и больше, и меньше, - за обстоятельные многие китайские весы показать ясно неможно. Фирсов»⁴¹¹.

Но поступали в качестве платежной единицы и китайские вещи в обмен на пушнину. Так, с енисейских рынков в 1684 г. неожиданно исчезла пушнина, в особенности шкурки рысей и выдр. Оказалось, что их в массовом порядке скупил российские торговцы для обмена на «заморские» товары, в частности, на китайские ткани. Такая же картина была и в Иркутске, Селенгинске, Нерчинске и Албазине⁴¹². Согласно тобольским таможенным книгам за 1683, 1684, 1686, 1687 гг. китайские товары поступали на сибирские рынки из Селенгинска и Северной Монголии. Платежной единицей российским торговым людям являлись меха, скупаемые в Сибири по ценам, превышающим даже московскую – настолько были выгодны обменные операции за рубежом⁴¹³. Интересно, что развитию торговых сношений не помешали разразившиеся военные действия между русскими войсками посла Ф.А. Головина и боевыми отрядами некоторых ханов и тайшей Монголии и Забайкалья. «Заморские» товары свободно продавались на рынках Селенгинска, Удинска и Селенгинска, окруженных врагами – кочевниками. Судя по собираемым таможенным пошлинам за те годы, соответственно 1361 и 1148 рублей,⁴¹⁴ общая стоимость ввезенных китайских товаров за Байкалом составляла примерно 25 тыс. рублей.

⁴¹⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 512.

⁴¹¹ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стлб. 913. Ч.2. Л. 398–408.

⁴¹² Там же. Стлб. 913. Ч.2. Л. 398–408.

⁴¹³ Вилков О.Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в. // История СССР. 1958. № 1. С. 116.

⁴¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стлб. 1331. Ч. 1. Л. 193–194.

Увидев выгоду торговли пушниной на международных рынках в Монголии и Китае, многие казаки стали активно совмещать военную службу с охотничьим промыслом, а некоторые вообще вышли в отставку. Уже к рубежу XVII–XVIII вв. хищническая массовая добыча «валюты» привела к значительному оскудению лесных богатств Сибири и запрету казакам «опромышлять» коренное население, живущее за счет охоты на зверя. Характерный пример тому – поход хоринских бурят 1703 г. к Петру I с жалобой на произвол русских.

Из Забайкалья, Иркутска, Красноярска «диқовинные» китайские товары поступали в Енисейское воеводство, а оттуда специальными караванами в Центральную часть России. Документы свидетельствуют, что по данным енисейского «списка с ценовых росписей» 1687 г. цены на китайские товары (камки, лауданы, камки, «гайка», китайки «добрые», «средние» и «малые»), бархат, атлас гладкий) с 1649 по 1687 гг. снизились от 25 до 62 %⁴¹⁵. Немало китайских товаров продавалось на Ирбитской ярмарке в Западной Сибири: известно, что они завозились русскими и иноземными купцами из «низовых сибирских городов» Восточной Сибири и Забайкалья⁴¹⁶.

Особенностью торговой деятельности на Кяхтинском международном рынке была конкуренция между частным и государственным бизнесом, отрицательные стороны которой выявились еще в Нерчинске в конце XVII века.

Русско-монгольско-китайская зарубежная торговля была начата частным мелкотоварным купечеством и на первых порах не облагалась никакими пошлинами, кроме проездных, если сибирские города миновали заметные торговые караваны. Но, в самом начале забайкальские казаки, промышленные и торговые люди привозили для обмена либо лично добытую на охоте пушнину, либо вымененную у аборигенов, либо за счет собираемого ясака.

С подписанием Нерчинского договора 1689 г. о границе и торговле в Китай стали ходить в основном государственные (казенные) караваны под управлением назначаемых Москвой торговых комиссаров, выполнявших и дипломатические

⁴¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 254. Л. 43 об – 45, 88 – 89.

⁴¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 254. Стлб. 1100. Л. 15.

миссии. Вместе с ними первое время ходили и частные караваны со своими товарами. Назовем два каравана Г.Р. Никитина, который под крылом известного первогильдийского купца Е.Филатьева настолько разбогател на русско-китайской торговле, что с 1681 г. из приказчика сам превратился в крупного московского «гостя». Первый его большой караван ушел в Пекин в марте 1695 г., а второй – в феврале следующего. В 1698 г. оба его каравана доставили в Москву разных китайских товаров на сумму 32 140 рублей 44 копейки. Отметим, что помимо Китая Г.Никитин вел обширный торг в сибирских городах, а его люди сами добывали пушнину для отправки за рубеж.

Первый официальный торговый казенный караван ушел в Китай из Нерчинска в 1690 г., но и он, состоял из частных купцов, объединенных под руководством комиссара от Сената С. Лянгусова. Их товары (пушнина) оценивалась в 47720 рублей, но у примкнувших лиц не купеческого сословия их было еще больше – на 210 230 руб. На пекинском рынке, естественно, нестатейные купцы по причине низких отпускных цен получили основную долю прибыли.

Стремясь устранить конкурентов, правительство предпринимает ряд мер для ограничения возможности частникам выезда за рубеж. Это, прежде всего, введенные двойные торговые пошлины как с ввозимых, так и вывозимых товаров (десятую часть объемов ассортимента товарами и деньгами). Это привело к значительному сокращению поступления на нерчинские торги товаров, особенно из городов Европейской России. Казенные караваны стали формировать в Китай не ежегодно, как раньше, а один раз в два года. Однако сибиряки продолжали контрабандно ездить в Пекин малыми партиями, и вскоре выяснилось, что в Нерчинске казенная торговля уступает частной купеческой по причине упадка интереса «гильдейских» купцов России к русско-китайской торговле из-за высоких пошлин. Исправлению ситуации мало помогла отмена в 1698 г. двойной и «перекупной» десятинной пошлин в городах Сибири, поскольку их собирали в Тобольске и Нерчинске и без отметок об уплате никто не имел права выезжать за рубеж.

Царская казна считала главным виновником контрабанды рядовых торговых людей не «гостиной сотни», чьи малые капиталы существенно подрывались таможенными сборами. Поэтому они и уклонялись от контроля и оценки своих товаров. Правительство вело борьбу с самовольными поездками таких людей в Монголию и Китай. Во-первых, как с нежелающими платить пошлины; во-вторых, как с конкурентами государственных караванов. Например, в 1677 г. царь Федор Алексеевич послал специальную грамоту в Енисейск, чтобы всех сибирских жителей и приезжих из русских городов «всяких чинов людей», возвращающихся из Китая через Даурию, и ходивших туда «без указа великого государя и без грамот», останавливать и все товары у них: «каменья, золото, серебро, камки и иные китайские и русские и сибирские товары и соболи и всякую мягкую рухлядь» отбирать в царскую казну «все без остатку»⁴¹⁷.

Собираясь группами, российские частные торговые люди регулярно ездили в Ургу и Наун, образуя особые поселения из раскидных палаток на берегах рек и ожидали прибытия китайцев. Некоторые торговцы жили там постоянно, выстроив деревянные избы и складские помещения. Китайцы также приезжали большими партиями, привозя с собою слитки золота и серебра, шелковые и бумажные ткани, фарфоровую посуду, чай и другие товары. Торговля эта проходила довольно оживленно путем обмена товаров на товар. Впоследствии частые купцы стали контрабандно привозить туда и разную запрещенную пушнину, подрывая тем самым казенную караванную торговлю в Пекине. Не случайно торговый агент России в Китае Лоренц Ланг в 1721 г. докладывал правительству: «Что же касается до нашей торговли с Китаем, то находится она ныне в весьма дурном состоянии и ничто на свете не могло большего причинить вреда нашим караванам, как производимый торг в Урге; ибо из сего места всякий месяц, и даже почти каждую неделю, привозят в Пекин не токмо те же самые товары, которые находятся в наших караванах. Но и лучшей еще доброты; да и столь же в великом множестве, что сии товары, которые китайские купцы, приезжающие непосредственно из Пекина в Ургу для торга с нашими купцами,

⁴¹⁷ РГАДА. Ф. 1142. Нерчинская приказная изба. Д. 6. Л. 85.

привозят всякий год в Пекин, а также привозимые туда мунгальскими ламами, стоят по крайней мере против цены четырех или пяти караванов, отправляемых в Китай из казны»⁴¹⁸.

Неудачные торги казенного каравана 1727 г. (несколько лет простоявшего на Чикойской Стрелке в ожидании разрешения китайского правительства на проезд в Пекин) заставили Российские власти впервые задуматься о проблеме торговой монополии с Китаем. Посол Савва Рагузинский объяснял неудачу торгов переполненностью пекинского рынка пушными товарами. Следующий караван из Москвы было решено направить «частный и небольшой», лишь бы не прерывать начавшихся торговых контактов, дабы китайцы не прекратили их вообще. А тем временем правительство изучало предложение Л.Ланга об организации надежной зарубежной торговли с Китаем. Он, в частности, предлагал все пушные товары сосредоточить в руках казны, а она, в свою очередь, может продавать их частным купцам. Собранные казной деньги от продажи мехов и от таможенного сбора с этих купцов употребить на покупку ефимков (денежная единица), которые имели хорошее хождение в Пекине⁴¹⁹.

В целях борьбы с конкуренцией частных купцов, Петр I в 1706 г. издал указ, в котором говорилось: если купцы и служилые люди будут торговать в Китае без особого на то разрешения, то им «без всякие пощады учинена будет смертная казнь»⁴²⁰. После этого указа в Пекин ходили только казенные караваны, а частным лицам было оставлено право вести торговлю с китайцами только в монгольской Урге и маньчжурском (китайском) Науне, причем они могли возить туда очень ограниченный перечень товаров – кожи полотно и разную мелочь, но не пушнину, составляющую главную ценность казенных караванов.

Однако, частным купцам, уже освоившим контрабандную торговлю без таможенных пошлин за счет собственной добываемой пушнины, не было резона делиться с государством своими капиталами. Наоборот, она стала так развиваться,

⁴¹⁸ Дневник Ланга // Белевы путешествия через Россию и разные Азиатские земли. СПб., 1776. Часть III. С. 59–60.

⁴¹⁹ Курц Б.Г. Указ. соч. С. 54–55.

⁴²⁰ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. I. С. 278–279.

что расшатала основание государственной монополии и к 50-м годам XVIII в. окончательно подорвала ее.

Государственный караван 1731 г. под руководством Л.Ланга вез пушнины на 100 000 рублей. Надежда отобрать монополию у частных подкреплялась указом, который Ланг вез с собою на правах торгового агента России. В нем говорилось: «В Пекине и прочих китайских владениях, местах отнюдь российским поданным, всякого чина и звания людям, ни под каким претекстом, ни предчиною мягкою рухлядью кроме казенной караваном в Пекин посылаемую, не торговать и за границу ни тайно, ни явно не отпускать под [страхом – С.К.] потери всех таких товаров, дабы оной торг через удержание излишней мягкой рухляди паки привести в первое достоинство государственной прибыли»⁴²¹.

Вслед за этим указом иркутская ратуша в целях борьбы с контрабандой не раз посылала в Селенгинскую земскую избу свои распоряжения с требованием напоминать частным купцам, торгующим с китайцами, о существовании правительственных запрещений на продажу пушнины. Одно из таких распоряжений пришло на имя селенгинского земского старосты Ивана Мостовского в 1735 г.⁴²². Но все эти указы и распоряжения не достигали цели. Например, тот же казенный караван 1731 г. Л.Ланга нашел в Пекине такое огромное количество контрабандной пушнины, навезенной туда, главным образом, из Кяхты, что гильдейские купцы с трудом расторгались без получения ожидаемой большой прибыли казне. Поэтому в 1734 г. правительство вновь подняло вопрос о целесообразности государственной монополии. На этот раз Рагузинский назвал причину неудачи в торгах не в том, что они перенесены по договору в Кяхту, а в плохой организации казенных караванов, без предварительной подготовки, изучения потребительского спроса и предложения⁴²³.

И вновь нерешенность проблемы не принесла результатов. В 1736 г. третий по счету российский караван из Кяхты нашел на пекинском рынке втрое больше

⁴²¹ ГАИО. Ф. 1. Илимской воеводской канцелярии. Д. 335. Л. 20.

⁴²² ГАИО. Ф. 75. Селенгинской городской ратуши. Д. 8. Л. 229.

⁴²³ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 377.

сибирских мехов, навезенных туда китайскими купцами с границы, чем доставлено было этой партией. Ответом явился новый указ от сентября 1739 г. о запрещении частным купцам променивать пушнину китайцам⁴²⁴. Одновременно было решено направить еще один торговый караван в Пекин, «а впредь китайскому караванному торгу не быть, а собрать компанию знатных купцов и прочих персон, кто пожелает в оную китайскую компанию вложить капитал»⁴²⁵.

Как и следовало ожидать, на этот раз мало кто откликнулся: у местных торговых людей, до сих пор относимых властями «ко второму сорту» в деле зарубежной торговли с Китаем, четко сформировалось недоверие к заверениям правительства. Они десятилетиями жили за счет контрабанды и считали ее достаточной для ведения самостоятельного бизнеса. Чтобы переломить негативную ситуацию в восточной торговле, был отдан приказ применять по отношению к нарушителям физические меры.

К примеру, в 1748 г. в Кяхте с пушным товаром был пойман иркутский посадский человек Н. Бречалов. На следствии выяснилось, что свое нелегальное дело он начал с продажи китайцам камчатской пушнины, купленной им в Иркутске у купца Холодилова. За нее Н.Бречалов выменял у китайских купцов разные «заморские» ткани, стоившие по таможенным расценкам 6 088 рублей, сумму на то время частному лицу немалую⁴²⁶. Здесь дело пока ограничилось штрафом и отображением товаров в казну. Более круто обошлись с пойманным в 1769 г. на границе близ Кяхты жителем Селенгинска Алексеем Некраевым, который тайно, без оплаты пошлины, торговал с китайцами. Его доставили в Кяхту, товары отобрали, самого публично побили «вместо кнута плетьюми в страхе ему и другим, дабы впредь никто того чинить не отважились». В довершение всего, селенгинского торговца из Кяхты прогнали и постановили на границу более не пускать⁴²⁷. Но, несмотря на таможенный досмотр и суровые меры наказания, беспошлинная торговля в Кяхте существовала на всем протяжении

⁴²⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 10. № 7895.

⁴²⁵ ГАИО. Ф. 1. Илимской воеводской канцелярии. Д. 936. Л. 30.

⁴²⁶ ГАИО. Ф. 75. Селенгинской городской ратуши. Д. 37. Л. 90 – 91.

⁴²⁷ Там же. Д. 85. Л. 111.

XVIII века, и ничуть не изменилась в последующих веках. Некоторые купцы ухитрялись выменивать большое количество китайских товаров и ничего за них в казну не платить. Например, в 1770 г. близ Селенгинска был пойман кяхтинский посадский Комаков «с неклеяменными китайскими товарами». Его работник Заган Быскиев на следствии признался, что Комаков систематически продавал скот на Чикойской Стрелке и в Петропавловской крепости. На вырученные деньги он покупал у русских купцов неклеяменные китайские товары, с которыми ездил в Хоринские улусы, где по высоким ценам сбывал их бурятам. В последний раз Комаков привез домой 100 кирпичей чая, 100 бакчей табаку, 15 тканей разных цветов лощенной китайки и велел Быскиеву «тот товар до времени подержать в скрытом месте». Сам обвиняемый показал, что кроме названных предметов он имел еще неучтенных 12 000 больших и малых китайских корольков, 116 катушек шелка, 4 000 иголок и 700 пуговиц. Весь этот товар он тайно выменял у китайцев на границе близ Кяхты⁴²⁸.

Правительственные меры, принимаемые по борьбе с тайной торговлей пушными товарами, осложнялись тем, что нередко были случаи, когда купцам в их контрабандных делах помогали таможенные служители и само пограничное начальство. Например, в 1750 г. расследовалось «повинное доношение» московского купца Алексея Шелехова. Он просил снять наложенный на него штраф за то, что он и еще несколько других московских купцов в 1749 г., находясь в Кяхте, «воровски» променяли камчатскую пушнину китайцам на их товары. А.Шелехов считал, что штраф наложен неправильно, так как промен состоялся с согласия таможенных служителей, за взятку кяхтинскому таможенному бурмистру Паникаровскому и ларешному Сибирякову⁴²⁹. В приговоре по делу вновь раздались призывы Правительства к торгующему в Кяхте купечеству о недопустимости контрабандной торговли под угрозой полной конфискации товаров. В 1752 г. последовал еще один подобный указ, но он был последней попыткой властей удержать монополию внешней торговли с Китаем в

⁴²⁸ Там же. Д. 128. Л. 51.

⁴²⁹ Силин Е.П. Указ. соч. С. 185.

своих руках. Казенный караван 1755 г., как и все ранее посылавшиеся, понес убытки. Это окончательно убедило Петербург в нецелесообразности продолжения казенного торгова с китайцами. Так бесславно закончились попытки России 60 лет держать в руках торговую монополию на Востоке любой ценой, по сути дела, в корыстных интересах узкого круга торгующей элиты страны. Казенный караванный торг официально был отменен лишь в 1762 г. указом Екатерины II, караван 1755 г. из Кяхты действительно был последним⁴³⁰. С этой даты постепенно начинается «настоящая» торговля в пограничной Кяхте, и более того – в результате открытия свободной беспошлинной торговли начала богатеть не только Кяхта. Когда русские купцы к рубежу XVIII – XIX вв. глубоко проникли в Монголию и Китай, образовав торговые конторы в Пекине, Ханьжоу, Фуньчжоу, вследствие повышения авторитета России, китайцы стали к концу XIX в. не менее энергично развивать свою деятельность и в Забайкалье.

Отменяя посылку казенных караванов в Пекин, Екатерина II своим указом разрешила свободную торговлю с Китаем для частного купечества, предоставив ему право променивать все виды мягкой рухляди⁴³¹. Манифест о коммерции с Китаем от 31 июля 1762 г. гласил: «Китайский караван, который пред сим, по силе заключенного в 1728 г. трактата, чрез каждые три года отправлялся, из казны отдать в вольную торговлю и позволить всем, кто бы ни посылал, как на границе торговать, так и в самый Пекин, с платежом пошлин по тарифу <...> товары свои отправлять по примеру прежде посланных казенных караванов»⁴³². Однако открывшиеся перспективы свободной зарубежной торговли не прельстили российских купцов к отправлению в Китай своих караванов, по причине нежелания оплачивать установленные пошлины, ссылаясь на трудность доставки своих товаров до Кяхты. По ходатайству иркутского вице-губернатора Ф.И. Соймонова правительство в 1763 г. поставило построить «на Байкал-море, при узком проливе, который называется Прорвою, или на косе, называемой Карга, за

⁴³⁰ Самойлов А.М. Исторические и статистические исследования о Кяхтинской торговле // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1854. Отд. II. С. 6.

⁴³¹ Зинченко Н.П. Россия и Китай. СПб., 1889. С. 2.

⁴³² Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 310.

счет накладных расходов маяк», а за счет сборов с купцов, следуемых в Кяхту, построить торговый флот,⁴³³ но и это было встречено торгующими людьми равнодушно. 30 апреля 1764 г. генерал-губернатор Сибири И.В. Якобий известил Сенат о том, что китайцы закрыли (в очередной раз) Кяхтинский торг, купцов своих из Маймачена выслали, а на их место ввели монгольский вооруженный отряд из 500 человек под видом пограничного караула⁴³⁴.

Посланный для разрешения конфликта представитель Сената И.И. Кропотов выяснил причину такого поступка китайской стороны. Оказалось, что их очень раздражало нахождение в Кяхте таможенного пункта, занимающегося поборами, неподъемными для китайских купцов. Кропотов заверил их, что отныне в Кяхте с купцов больше не будут взимать никаких пошлин с вывозимых за рубеж товаров. Но, в действительности, он тайно перенес Кяхтинскую таможенную в Петропавловскую крепость на Селенге, а в Кяхте выстроил новый, большой и более вместительный пакгауз и учредил коммерческую экспедицию. Немногие знали о том, что в этом закрытом пакгаузе работники экспедиции начисляли на них пошлины с русских купцов, оплата которых производилась в Петропавловской таможне, которая и оставила на упаковках казенную печать.

Перевод таможни в Петропавловскую крепость принесла пошлинный недобор, поскольку некоторые купцы, направляясь в Кяхту и имея намерение не платить пошлин, объезжали крепость проселочными дорогами. Так, в 1771 г. Петропавловская таможня жаловалась в Иркутск, что «разного чина люди летом проселочною дорогою, а зимой – людом, по реке Чикою из Селенгинска в Кяхту и оттуда обратно проезд имеют, миновав надлежащий тракт и таможенную, где им надлежащий по силе указов осмотр учинить надлежало, а караульные хотя и одерживают их с тем, чтобы они ехали прямо к таможне, но они, несмотря на то, своевольно усиленно проезжают, отзываясь между теми другие для закрытия себя и посторонними званиями»⁴³⁵. На эту жалобу Иркутский губернатор А.И. Бриль

⁴³³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 16. № 11840.

⁴³⁴ Там же. № 11.840.

⁴³⁵ ГАИО. Ф. Иркутской земской избы. Д. 15. Л. 196.

распорядился всех виновных ловить, а товары их конфисковать в пользу казны. Высокие пошлины были отменены в 1768 г.

Постепенно пограничные проблемы торговых сношений с Китаем начали приходить в норму. Отмена пошлин благотворно сказалась на торговой деятельности Кяхты. Только учтенный с 1757 по 1761 гг. торговый оборот здесь составил 5 665 227 рублей при среднем ежегодном 1 333 045 рублей; в 1769–1773 гг. – 11 257 086 руб. (при ежегодном 2251417); в 1780–1784 – 30 41 6744 (при ежегодном 6 0830348 рублей)⁴³⁶. Всего с 1755 по 1785 гг. здесь было обменено товаров на 66 175 184 рубля⁴³⁷. Эти цифры могли бы быть еще более впечатляющими, если бы не 12 перерывов в торговле благодаря позиции китайской стороны.

На начало китайского влияния на Забайкалье обратил внимание в 1874 г. селенгинский житель А.И. Седов: «По тракту с Китаем [от Верхнеудинска на Кяхту, – С.К.] китайцы торгуют беспошлинно и завели лавки во всех более значительных селениях и около многих дацанов; русским крестьянам и бурятам нет нужды ездить в город за покупками, имея под боком китайскую лавку. Между тем, ламы стараются вытеснить русских торговцев при главном храме» [Гусиноозерском, или Тамчинском. – С.К.]⁴³⁸.

К 1911 г. картина китайского «засилия» на забайкальском рынке стала более заметной. Д.П.Першин (Дм. Даурский) в этой связи писал: «Если сравнить прежний Селенгинск <...>, когда сгорело 60 купеческих лавок и 280 обывательских домов, с современным Селенгинском, то получается разница несоизмеримая. Домов уменьшилось более чем на две трети, а о торговле и говорить нечего. Поистине мертвый город <...>. Всю мелкую, да отчасти и среднюю торговлю в Западном Забайкалье, захватили в свои руки китайцы. «Нет никакой возможности конкурировать с китайцами», – говорил мне один обстоятельный коммерсант, –

⁴³⁶ Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений чрез Кяхту. М., 1869. С. 20.

⁴³⁷ Семивский Н. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доньше не было известно. СПб., 1817. Прилож. С. 169.

⁴³⁸ Седов А. Летопись построения и событий г. Селенгинска (Забайкальская область) с 1674 по 1874 год. // Иркутские епархиальные ведомости. 1874. № 50. С. 663–671.

«они заполнили всю торговлю». Если россияне много тратятся на прислугу и накладные расходы, то у китайцев нет «ни прислуги, ни лошади, ни квартиры». «Они живут всегда тут же, при лавке». Они торгуют и русским и китайским товаром, которого мы не держим <...>. При таких условиях нашу торговлю забивают китайцы, и, поверьте, скоро вся деревенская торговля да и городская <...>, вся перейдет в китайские руки, а весь наш край будет в экономической зависимости от китайцев»⁴³⁹.

Таким образом, мы видим, что восточная торговля для российских купцов была затруднительной по причине малопонятной китайской ценовой политики, особенно во время проведения обменных операций товаром на товар.

Основной «валютой» считалась сибирская пушнина, что приводило к конкуренции российских купцов, работные люди которых занялись пушным промыслом и массовой скупкой шкурок. Чтобы оградить московских купцов от конкуренции местных торгующих людей, Правительство учредило государственную монополию на этот вид товара. Но сибиряки занимались контрабандной торговлей, поэтому их пушнина в общем объеме превышала на китайских рынках то, что привозили с собой «казенные» караваны. Царские запретительные меры не достигали цели: казенный караван 1755 г. как и все раннее поставляющиеся из столицы, понес убытки. Это окончательно убедило правительство о нецелесообразности продолжения казенного торга с китайцами. Так бесславно закончились попытки России 60 лет держать монополию на Востоке. В 1762 г. Екатерина II отменила монополию и разрешила свободную беспошлинную торговлю всем желающим. С этого времени началась эпоха процветания Кяхтинского международного торга, но она устанавливалась постепенно, не раз прерываясь по вине китайской стороны, обретая стабильность только к рубежу XVIII–XIX вв.

⁴³⁹ [Першин Д.П.] Дмитрий Даурский. По Забайкалью (путевые письма) // Сибирь. 1911. № 3. С. 5.

2.5 Контрабандная торговля

До подписания в 1689 г. Нерчинского договора, когда между Россией, Монголией и Китаем еще не было твердо установленных границ и соответственно порубежных таможенных постов, беспошлинный обмен товарами вне государственного контроля был явлением распространенным и не считался преступлением. Хотя существовал перечень товаров, вывозить которые россиянам для южных степных соседей было запрещено: оружие, боеприпасы, сибирская пушнина, драгоценные металлы⁴⁴⁰.

Проблема контрабанды в российско-китайских торговых отношениях еще не привлекала внимания исследователей в должной мере. В имеющейся литературе описаны некоторые факты незаконных коммерческих операций, относящиеся к Кяхтинскому центру международной торговли⁴⁴¹. Наиболее ранние архивные дела, учрежденной в 1728 г. Кяхтинской таможни, сгорели в пожаре 1862 г., а оставшаяся часть документов, лежавших бесхозными тюками в Гостином дворе Кяхты была уничтожена уже в советское время⁴⁴². Основными источниками являются опубликованные работы Л. Ланга и Н. Н. Бантыш-Каменского. Первая представляет собой служебные записки и документы в Правительственный Сенат и Коммерц-коллегию Российского торгового агента в Пекине в период до и после подписания Кяхтинского погранично-торгового трактата 1727–1728 гг. Он ценен для освещения событий становления русско-китайской торговли через Кяхту. Публикация деловых бумаг Л. Ланга осуществлена отдельным сборником архивных документов⁴⁴³. Кроме того, существуют и другие оценки миссии Л. Ланга – в выписке из статейного списка посла С.Л. Владиславича-Рагузинского

⁴⁴⁰ Тиваненко А. В. Первое столетие Улан-Удэ: 1666–1860 гг. Улан-Удэ. 2015. С. 65–66.

⁴⁴¹ Переслегина И. В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни (20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX вв.) : дис. ...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004; Птицын В. В. Селенгинская Даурия: очерки Забайкальского края. СПб., 1896.; Силин Е. П. Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947.

⁴⁴² Из письма Е. Д. Петряева от 18 сентября 1986 г. // Демин Э. В. Золотая россыпь Селенгинска: историко-краеведческие очерки. Улан-Удэ. 2009. Т. 1. С. 85.

⁴⁴³ Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1700–1725 гг.). М., 1978. С. 487–498.

в Коллегию иностранных дел⁴⁴⁴, как и «Дневник» самого торгового агента России в Пекине⁴⁴⁵.

Подписанный в 1689 г. Нерчинский договор о «мире, границе и торговле» объявлял учреждаемый международный торг через Нерчинск свободным и беспошлинным, но в Московском государстве до введения в 1653 г. первого Торгового устава существовала практика взимать сборы за привозимые через Сибирь товары в размере 10 % от общей суммы объема в каждом крупном городе. После осуществленной реформы 1693 г. прежний порядок был упразднен: проездные пошлины стали собираться только в двух пунктах – на месте отправки каравана из России и на месте его прибытия в Нерчинск⁴⁴⁶. Тяжесть таможенного обложения вызвала серию попыток подкупа таможенников со стороны торговых людей, что не раз происходило в Нерчинске. Например, общее количество китайских товаров, выставленных на рынок в Верхотурье в 1639 г. оказалось значительно больше, чем было зафиксировано таможей в Нерчинске⁴⁴⁷.

Второй способ контрабандного обмена товарами с монголами и китайцами проистекал по причине ненадежности охраны пограничной полосы. Растянутость линии давала возможность населению обходить таможенные посты. Тем более что китайская сторона доверила охрану учрежденной границы монголам, а Россия – бурятам и тунгусам. При наличии родственных связей, надеяться на строгий таможенный контроль было невозможно. Дзаргучей (китайский пограничный комиссар) из приграничного Маймачена жил чаще всего в Кяхте и находился в дружеских связях с русским пограничным комиссаром. Они регулярно проводили совместные заседания, на которых решались вопросы торговли, перебежчиков, угона скота, периодически совместно инспектировали линию границы. Как правило, о предстоящем маршруте начальства было известно заранее, так что на

⁴⁴⁴ Выписка из статейного списка С.Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии [текст] // Российско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725 – 1727 гг.). М., 1990. С. 410–437.

⁴⁴⁵ Дневник Ланга // Белевы путешествия через Россию и разные Азиатские земли. СПб., 1776. Часть 3. С. 1–247.

⁴⁴⁶ Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 223.

⁴⁴⁷ Там же.

местах успевали скрыть следы таможенных нарушений⁴⁴⁸, а если и находили их, то не афишировали контрабандную меновую торговлю, получая в качестве компенсации соответствующую мзду. Л. Ланг в 1730 г. не случайно констатировал: «Чего ради ежели пограничный торг будет запрещен, то они [сибирские жители] без сомнений тайным образом и без платежа надлежащих пошлин всякими окольными и заповедными дорогами к мунгалам товары будут возить»⁴⁴⁹. Это высказывание должностного лица, курировавшего всю восточную зарубежную торговлю, свидетельствует о том, что между забайкальским населением и монголами сложились собственные экономические связи, реализовывавшиеся контрабандным путем и которые они не считали преступными.

В связи с этим, под давлением китайской стороны, правительство России в 1760 г. издало указ об ограничении свободной беспошлинной торговли с Монголией и Китаем, имевшим такую оговорку – разрешить продажу скота забайкальцам (бурятам) за границу любым способом. В результате, в 1757–1759 гг. буряты вывели за границу 23 180 голов лошадей, в 1759–1761 гг. – скота на сумму 44,5 тыс. рублей⁴⁵⁰.

В 1769 г. иркутский губернатор И.А. Пиль пошел еще дальше, разрешив забайкальским жителям свободную заграничную торговлю⁴⁵¹. В 1800 г. уже Коммерц-коллегия особой инструкцией ввела свободную торговлю без взимания пошлин скотом, мерлушкой, овчинами, хлебом, причем в любом удобном месте на границе⁴⁵².

С русским торговым населением ситуация была более сложная. Хотя Нерчинский договор 1689 г. декларировал свободную беспошлинную торговлю для всех желающих, правительство сразу же взяло ее под свой контроль. Китай требовал от каждого прибывающего купеческого каравана государственных

⁴⁴⁸ Чимитдоржиев Ш. Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. (через Забайкалье и Кяхту) // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ, 1978. С. 36–40.

⁴⁴⁹ Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1700–1725 гг.). М. 1978. С. 120.

⁴⁵⁰ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 85.

⁴⁵¹ Силин Е.П. Указ. соч. С. 74–87.

⁴⁵² Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 90.

полномочий, поэтому назначаемый комиссар имел функции российского посла, обладающего соответствующей грамотой. В связи с важностью миссии, Нерчинская воеводская канцелярия проверяла, переписывала и упаковывала все прибывшие из России «казенные» товары, взимала двойную таможенную пошлину за ввоз в Китай и вывоз оттуда, за предоставление транспорта, охрану и продовольствие.

В результате, отпускная цена товаров столичных купцов в Пекине была значительно выше той, по которой продавали товар частные торговые люди. Уже первые караваны в Китай показали, что казенная торговля уступала там частной, цены которой были приемлемы для рядового китайского потребителя. Это сказалось и на сокращении числа первогильдийских купцов из европейской части России. После введения Новоторгового устава, интерес к Нерчинской «государственной» торговле у россиян и китайцев стал снижаться из-за высоких пошлин. В знак протеста против отхода России от условий Нерчинского договора, Китай уже в 1698 г. запретил государственным русским караванам въезжать в Пекин, вывел всех торгующих приказчиков и купцов из столицы в Наун (Цицикар), а оттуда – в Нерчинск, разрешив торговать лишь с 1728 г. в приграничном Цурухайтуе.

Не исправил положения и подписанный Буринский (Кяхтинский) пограничный договор 1727–1728 гг. «О границе, торговле и купечестве». В Пекин было пропущено только шесть караванов, после чего россияне были высланы из «ургинского Маймачена» в Селенгинск, где формировались государственные караваны. Помимо прочих политических причин сдерживания и порой прекращения торговли на границе через Кяхтинский международный торг, китайцами указывались ее высокие пошлины, собираемые на таможне, отчего русские товары становились очень дорогими. Русские, по мнению китайской стороны, приезжали «богатить» только себя, а не своих партнеров. В подписанном в 1728 г. договоре стороны возвращались к условиям Нерчинского соглашения 1689 г., вновь провозглашая: «Купечеству быть свободному; каравану через три года в Пекин приезжать и там торговать, продавать и покупать

беспошлинно; всегдашний торг иметь обеим сторонам и на Кяхте и при Нерчинске»⁴⁵³. Но переход границы разрешался только лицам, получившим паспорта от пограничных властей, Сената или Пекинского трибунала. Постоянная пограничная торговля разрешена только в торговых слободах – Кяхте и Цурухайтуе⁴⁵⁴. Без документа торгующий человек задерживался, а его товар конфисковывался как контрабандный.

С 1728 по 1760 гг. Китай восемь раз под различными предлогами приостанавливал торговые операции в Кяхте (1733, 1737, 1744, 1747, 1751, 1753, 1756, 1757 гг.). На смену государственной торговле пришла контрабандная торговля с монгольскими купцами в Маймачене (близ Кяхты) через посредников, в которую были вовлечены даже высшие монгольские светские и духовные чины. В 1760 г. оборот контрабандных операций составил 1 млн. 358 тыс. рублей⁴⁵⁵. Так, ранней весной 1764 г. в Кяхту прибыл караван из 50 повозок, и пока дело дошло до Пекина, монгольские амбани и ламы приобрели множество привезенного товара. Виновные были наказаны китайской правительственной комиссией, все приобретенные товары конфискованы, а сами высшие чиновники сняты с должностей. Начались репрессии и в Урге, куда шли частные купцы из Восточного Туркестана⁴⁵⁶.

Контрабандой занимались не только пограничные и таможенные чиновники России, но также селенгинские и нерчинские воеводы и даже иркутские губернаторы, хотя российскими законами им было строго запрещено заниматься коммерцией. Поэтому они стали вынуждать торговых людей вывозить на зарубежные торги и свои личные товары, которые как правило, нигде в таможенных книгах не регистрировались и не оплачивались. Известны имена таких воевод Иркутска, Якутска, Илимска и Нерчинска как Антон и Афанасий Савеловы, Г. Грибоедов, Иван Михайлов, Иван и Матвей Гагарины. Например, львиная доля конфискованного имущества И.П. Гагарина и его брата – первого

⁴⁵³ Бантыш-Каменский. Указ. соч. С. 242.

⁴⁵⁴ Громов П. Начало Троицкой крепости и Кяхты // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 31. С. 400.

⁴⁵⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 242.

⁴⁵⁶ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. соч. С. 235.

губернатор Сибирской губернии М.П. Гагариных состояла из различных китайских тканей и зерен жемчуга. Во время следствия они указали на сложившуюся практику контрабандной торговли с Китаем своих предшественников – воевод⁴⁵⁷. Иные прибегали к насилию. Антон Савелов, к примеру, отобрал у приказчиков братьев Филатьевых Ф. Кочетова и И. Калуги 1020 лан серебра и отправил его назад в Китай, с купцом Г.А. Осколковым, для покупки на них себе китайских тканей⁴⁵⁸. Тот же Антон Савелов, принудил купца Спиридона Лянгусова взять в Пекин свои товары, оплатить отнятым у Кочетова и Калуги серебром долговые расписки, а на остальные деньги закупить ему шелков, серебра, золота, жемчугов и дорогой китайской посуды. Речь шла о слишком большой сумме, потому что когда преступление А.Савелова раскрылось, то оказалось, что нерчинский воевода получил, минуя таможенный контроль, неучтенных зарубежных товаров на 1784 рубля 25 алтын⁴⁵⁹. Подобных случаев контрабанды у А.Савелова было немало и ранее. Когда казна сделала обыск в его доме, то только китайских товаров было конфисковано на 4772 рубля 25 алтын.

Тяжесть таможенного обложения, установленного в 1693 г., вызвала лавину попыток подкупа таможенников со стороны торговых людей. Упомянутые 1020 лан серебра воеводы Антона Савелова, к примеру, в таможенных книгах не зафиксированы; 7 драгоценных камней, отобранных у Г.Р. Никитина и Николая Греченина, прибывшего из Нерчинска в Тобольск в июне 1694 г., также не нашли там отражение⁴⁶⁰. Особенно «грешила» сокрытием истинного положения дел в русско-китайской торговле нерчинская таможня. Установлено, к примеру, что общее количество китайских товаров, вывозимых на западные рынки и фиксируемые в Верхотурье (например в 1690–1693 гг.), было значительно больше, чем зарегистрировано таможней в Нерчинске⁴⁶¹.

⁴⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стлб. 1283. Ч. II. Л. 368–379; Стлб. 1292. Л. 55, 135–137, 219–241, 252–266.

⁴⁵⁸ Там же. Стлб. 1174. Л. 6–14.

⁴⁵⁹ Там же. Стлб. 1149. Л. 74–77.

⁴⁶⁰ Там же. Стлб. 1216. Л. 1, 4, 6.

⁴⁶¹ Александров В.А. Указ. соч. С. 223.

В начале XVIII в. иркутский вице-губернатор А.Жолобов разрешил отдельным купцам вывозить запрещенные товары в Кяхту, за что получал от них крупные взятки. Он брал взятки скотом даже с монгольских и китайских перебежчиков, отдавая его обратно купцам для промена на товары. Он же удерживал и 1100 пленных китайцев, занимаясь вымогательством за обещание не выдавать их обратно цинским властям, которые подвергнут их казни «за измену». Это событие явилось причиной закрытия китайцами кяхтинской торговли в 1733 г.⁴⁶² Россия по их требованию так и не вернула присвоенные А.Жолобовым 25789 голов домашнего скота. Указом Сената от 9 июля 1796 г. губернатор был арестован, осужден и затем казнен за вымогательство⁴⁶³. Это послужило хорошим предостережением другим чиновникам не поощрять тайно или открыто контрабандную торговлю с Китаем.

Практически тем же занимался еще один губернатор Восточной Сибири И.В. Якобий, сын селенгинского пограничного комиссара В.В. Якобия. Покидая Иркутск на новое назначение, он увез с собою громадные богатства, полученные от взяток торгующих в Кяхте купцов. Там были редкие китайские материи, дорогие меха, значительные суммы денег и еще много всего. В Иркутске он жил в великой роскоши и богатстве. В его домашней прислуге только музыкантов для личного увеселения насчитывалось 40 человек.

Имеющиеся документы показывают, что на начальном этапе становления зарубежной торговли нерчинская таможня учитывала провозимые в Китай и обратно товары только у членов торговых караванов, но у послов и их свиты проверку и оценку не производила, хотя каждый ехал не только с дипломатическими целями, но и с поклажами, что определенно свидетельствовало о цели занятии контрабандой. Не случайно, по возвращении из Китая, посол Избранд Идес передал правительству партию особо ценных «восточных» вещей, предназначенных в качестве подарков титулованным особам и государственным деятелям Западной Европы, а Францу Лефорту – уникальный

⁴⁶² Полное собрание законов Российской Федерации. СПб., 1830. Т. 9. № 7009.

⁴⁶³ Там же.

«лазоревый яхонт большой», оцененный в Москве в 3 тыс. рублей⁴⁶⁴. Помимо него у Идеса еще имелись 2 красных яхонта – рубина по три золотника с лишним (т.е. более 60 каратов каждый) и 1 красный яхонт более двух золотников (свыше 40 каратов), оцененные в 1650 рублей⁴⁶⁵.

Немало подозрений в контрабанде зафиксировано в документах относительно посольств Николая Спафария, Федора Головина и Саввы Рагузинского, но изложение этого материала не входит в задачу нашей работы. В качестве исторического курьеза назовем, к примеру, гулявшую по Забайкалью ложную версию, с «китайским душком», относительно якобы принятием российским послом крупной взятки за территориальные уступки при подписании Буринского договора. Говорилось, что китайские министры просили оставить в их ведении присаянские земли с кочующими там монголами. За это они, как будто, преподнесли Савве Рагузинскому несколько мешков золота. Впоследствии, когда мешки были вскрыты, обнаружились обыкновенные камни, «покрытые только сверху золотом»⁴⁶⁶. Нелепость слуха была в том, что Россия никогда не претендовала на «просимую» территорию Монголии у южных подножий Восточных Саян.

В соответствующих статьях Нерчинского и Буринского (Кяхтинского) договоров о границе, торговле и купечестве много внимания уделялось организации строго таможенного контроля на русско-китайской границе, и страны не раз демонстрировали их исполнение. Однако сам характер охраны пограничной полосы давал возможность контрабандного обмена товарами на местном уровне вне опорных крепостей, торговых слобод и пограничных караулов, тем более в таких удаленных горно-таежных местах, где никакой охраны не существовало, кроме редких охранных разъездов. Причины этого на наш взгляд, следующие:

Во-первых, караулы двух соседствующих стран стояли на границе лишь в удобных остепненных местах, где помимо несения службы можно было

⁴⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 18. Стлб. 366. Л. 4.

⁴⁶⁵ Там же. Стлб. 1185–1186. Л. 26–28.

⁴⁶⁶ С-кий. Материалы для истории торговли русских с Китаем // Сын Отечества. СПб., 1839. Т. 9. С. 65–74.

заниматься и сельскохозяйственной (скотоводческой) деятельностью для прокормления семей. Это, прежде всего, районы Кяхты, Кудары, Мензы, Акши и Цурухайтуя, где стояли крепости. Во всех других местах сторожевые посты были малочисленны дозорщиками – от 5 до 10 юрт на каждый караул. В Нерчинском округе и, особенно по Саянскому хребту до Алтая пограничные заставы отстояли от разделительной черты за десятки верст, в более-менее удобных для жительства местах в долинах рек. «Нейтральная» полоса, где было трудно проехать даже верхами, не посещалась годами.

По этому поводу селенгинский пограничный комиссар бригадир В.В. Якобий писал 21 февраля 1756 г. Сибирскому губернатору: «Здесьняя граница никакого укрепления не имеет, кроме караулов, стоящих юртами; из них же оные караулы один от другого чрез немалое расстояние отстоят и между ними пустые места»⁴⁶⁷. Что касается якутского пехотного полка В.В. Якобия, призванного охранять государственную границу России с Китаем, то он изначально был разбросан мелкими командами (отрядами) по Селенгинскому и Нерчинскому уездам. Самые крупные гарнизоны находились в Селенгинске при штабе полка – 88 чел., в Кяхтинском форпосте – 189 чел., в Нерчинской слободе и Цурухайтуе – 123 человека⁴⁶⁸. Из этих гарнизонов более мелкие воинские подразделения посылались на сменное дежурство по пограничным караулам, так что при всем желании перекрыть всю разделительную линию от контрабандистов или грабителей (чем монголы больше всего занимались) солдаты не могли.

Во-вторых, китайская сторона доверила охрану границы монголам, а Россия – бурятам и тунгусам, и там, где между ними существовали родственные или добрососедские связи, надеяться на строгий таможенный контроль было невозможно. Более того, Ургинская администрация посадила в приграничный Маймачен специального чиновника – дзаргучея из представителей монгольской знати, лояльных к цинскому режиму. Тот чаще всего жил в Кяхте, дружил с русским пограничным комиссаром; они регулярно проводили совместные

⁴⁶⁷ Сычевский Г.А. Указ. соч. С. 135–137.

⁴⁶⁸ Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 203.

заседания, на которых рассматривали вопросы о торговле, о перебежчиках, угоне скота разбойниками и др. Практиковались периодические совместные инспектирования границы, пограничных караулов. Как правило, о предстоящем маршруте Пограничной комиссии двух стран было известно заранее, так что на местах успевали скрыть следы произошедших таможенных нарушений⁴⁶⁹.

В-третьих. Несмотря на официальные запреты, в XVIII–начале XIX вв., во многих местах границы практиковалась неафишируемая меновая торговля, на что представители двух стран закрывали глаза. В 1730 г. торговый комиссар Лоренц Ланг писал: «Чего ради ежели пограничный торг будет запрещен, то они [сибирские жители, – С.К.] без сомнения тайным образом и без платежа надлежащих пошлин всякими окольными и заповедными дорогами к мунгалам товары будут возить»⁴⁷⁰.

Данное высказывание должностного лица России, курирующего всю «восточную» зарубежную торговлю, свидетельствует о достаточно сложившихся связях забайкальского населения с монголами путем контрабанды⁴⁷¹. В связи с этим интересен такой факт: под нажимом китайской стороны царское правительство в 1760 г. издало указ о как бы об ограничении свободной торговли местного населения с Монголией, но в нем имеется оговорка: если буряты окажутся в затруднительном положении с уплатой государственных податей, то им разрешить продажу скота за границу любым путем. И как иллюстрация тому – в 1757–1759 гг. из Забайкалья было пропущено 23 180 голов лошадей,⁴⁷² в 1759–1761 гг. вывезено их русскими и бурятами на 44,5 тыс. рублей. Причину такого мена объяснял П.С. Паллас: «Мунгалы, сколь богаты мелким скотом, столь бедны крупным, лошадьми. Как они гораздо хуже имеют, нежели наши»⁴⁷³. Помимо скота в таких тайных «торговых» местах также обменивали пушнину, хлеб, юрты, металлические изделия и др.

⁴⁶⁹ Чимитдоржиев Ш.Б. Роль Кяхты во взаимоотношениях России и Монголии // Кяхта: страницы истории. Улан-Удэ, 1999. С. 173–176.

⁴⁷⁰ Кашен Г. История отношений России с Китаем (1689 – 1730). Париж. 1912. С. 84.

⁴⁷¹ Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII – XVIII вв. (через Забайкалье и Кяхту) // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ. 1978. С. 85.

⁴⁷² РГИА. Ф. 1264. Первый сибирский Комитет. Оп. 1. Д. 607. Л. 57.

⁴⁷³ Паллас П.С. Указ. соч. С. 207.

В 1769 г. произошла очередная нестыковка решения российских властей о русско-монгольско-китайской заграничной торговле. Историк Е.П. Силин цитирует постановление «Об укладке китайских товаров вместе всегда и всем одинаковым числом». В нем говорилось: «В целях борьбы с беспошлинной торговлей и для обеспечения контроля над вывозимыми из Китая товарами» таможенные служители и купцы должны быть оповещены, чтоб "в укладе места отнюдь от пошлины утаиваемых товаров в привозе быть не могло". Положение это зачитывалось всем купцам, приезжающим для торгов в Кяхту, "дабы оные неведением в том никто оговорки впредь не имели"⁴⁷⁴. В том же году иркутский губернатор И. Пиль пошел еще дальше, разрешив забайкальским жителям свободную заграничную торговлю, но ограничил до предела годовую норму продажи скота. Например, для селенгинских бурят 18 родов годовая норма выражалась в 1863 овцах, 363 лошадях, 463 быках, 63 верблюдах⁴⁷⁵. Такой отход от условий Буринского (Кяхтинского) договора в одностороннем порядке явился (помимо политических споров) причиной частого прерывания русско-китайской международной торговли в Кяхте. Но, такие ограничения и запреты лишь усиливали поворот к контрабандной торговле по личностному согласованию между бурятскими и монгольскими караульными под негласным прикрытием русских казаков и даже ханской элиты.

На этой почве довольно значимые события произошли в Монголии. В 1765 г. всплыл факт крупной контрабандной торговой деятельности с участием видных монгольских деятелей, подчиненных административно Цинскому Китаю. В числе зачинщиков контрабанды были ургинские амбани – монгол Санжайдорж, маньчжур Чудэй, пограничные начальники, крупные иерархи ламаистской церкви. Суть их торговой аферы такова: отец малолетнего богдо-гэгэна Данзан-Гомбо, собираясь на паломничество в Лхасу, стал готовить подарки своим духовным начальникам во главе с Далай-ламой. Из-за дальности расстояния гнать домашний скот отказался, но пожелал заменить его редкими для Тибета

⁴⁷⁴ Силин Е.П. Указ. соч.С. 74, 87.

⁴⁷⁵ РГИА. Ф. 1264. Первый сибирский Комитет. Оп. 1. Д. 607. Л. 21.

«русскими товарами». А поскольку торговля в Кяхте была китайскими властями закрыта, ламы явились к Ургинским амбаням за помощью. Позже на допросе амбань Чудэй заявил: он был уверен в том, что богдыхан знает о поездке отца Хутухты в Лхасу, поэтому и разрешил ламам негласную пограничную торговлю. Поэтому его караван из 56 повозок прибыл в Кяхту ранней весной 1764 г. Затем до осени один за другим прибыло еще несколько подобных караванов ургинских амбаней. В результате своей негласной торговой деятельности монгольские купцы приобрели контрабандным путем большие партии русских сукон, юфти, хлопчатобумажных тканей, металлических и фарфоровых изделий, мехов. Только один амбань Санжайдорж незаконно приобрел у русских 23 тыс. кусков сукна, большое количество соболей, бобров, рысей, юфти, тканей металлических и фарфоровых изделий. Однако вместо доставки «даров» в Тибет, он перепродал купленное в Калгане и Пекине. Другие амбани кроме подобного же перечня товаров приобрели 2 тыс. штук железа для покрытия крыши монастыря в Урге⁴⁷⁶.

Специальная китайская правительственная комиссия в ходе расследования и допросов раскрыла крупнейшую незаконную (с ее точки зрения) торговую операцию 1764 г. Многие виновные, в том числе амбань Чудэй, помощник дзаргучея Галсан, крупные ламы, учителя кутухты были разжалованы и смещены со своих должностей. У Санжайдоржа, который, на удивление, отделался лишь выговором, были конфискованы 1826 лошадей, 217 верблюдов, 118 голов крупного рогатого скота, 2974 овцы⁴⁷⁷. Попутно были конфискованы товары и у рядовых монгольских и китайских торговцев, монгольских караульных и других лиц, у кого обнаруживались неизвестно как приобретенные русские товары (объяснение следователей одно – они получены контрабандным путем вне Кяхты – Маймачена).

Одновременно усилились репрессии и по отношению к тем иностранцам, кто, не зная о прекращении русско-китайской торговли, шел в Кяхту со своими караванами. Например, в 1767 г. был задержан торговый караван с товарами

⁴⁷⁶ Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ, 1978. С. 102.

⁴⁷⁷ Там же. С. 102.

дунганских купцов из Восточного Туркестана. Остановленный в районе Урги, он подвергся полной конфискации.

Контрабандная торговля в Халхе-Монголии активизировалась до такой степени, что китайские власти начали бить тревогу, обвиняя в потакании ей русских. М.И. Сладковский отмечал: «цинские правители, установившие свое господство в Центральной Азии, не были заинтересованы в русско-китайской торговле, способной ослабить маньчжурское влияние на аннексированной территории за счет усиления российского присутствия. Беспокойство Китая относительно ослабления своих политических позиций всякий раз усиливалось на фоне участвовавших переходов монгольских и ойратских беженцев на территорию России в связи с разгромом цинами Ойратско-Джунгарского ханства. Желая положить этому конец, Китай наглухо закрыл русско-китайскую границу, чем в очередной раз надолго остановил международные торги в Кяхте-Маймачене. Направляя для переговоров посланника И.И.Кропотова, Россия в Высочайшем указе от 31 января 1767 г. писала: «А между тем уже с китайской стороны остановился с нашими купцами торг на Кяхте, и купцы китайские с товарами не допускаются туда, по злобе за то, что споры в пограничных делах продолжаются и что их, китайские, требования не удовлетворены». И в качестве одной из трех претензий называлось то, «что в Кяхте с купцов берутся в российскую сторону пошлины в противность [Кяхтинскому, – С.К.] трактату, и чтобы таких пошлин не брать»⁴⁷⁸.

Этот волнующий китайцев вопрос разрешился тем, что Россия пошла на уступки и перевела пограничную таможенную «к городу Селенгинску и учредила оную, по представлению генерал-майора Якобия, в близости сего города, в Петропавловской крепости, называемой Стрелка» (там она просуществовала до 1775 г., пока не была переведена в Иркутск)⁴⁷⁹. В самой Кяхте возобновлялся, согласно трактату 1728 г., свободный торг «по-прежнему», «чтоб купцы их, китайские, с товарами всегда без задержания в сему торгу пропускаемы были, так

⁴⁷⁸ Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе, составленная в 1846 г. М., 1875. С. 260–271.

⁴⁷⁹ Там же.

как и российское купечество со многими товарами в приезде на Кяхту свободно бывали, а от сего торгу в обе стороны взаимная польза быть имеет»⁴⁸⁰.

Внешне источник раздражения китайцев из Кяхты был убран, но российские купцы теперь имели перевалочно–таможенный пункт в устье Чикоя, в 200 верстах севернее, где с них брались установленные законом торговые пошлины. Конечно, это отражалось на росте стоимости провозимых на торги товаров, однако для людей, знающих долину Селенги, не составляло труда находить обходные дороги на Кяхту, где их торговлю уже никто не контролировал. Другое дело, что местные пограничные власти учредили на этих дорогах караульные посты (рогатки) для пресечения контрабандного провоза товаров, но и они опытным возчикам не являлись преградой.

Тогда то и родилось правило считать законными торговцами в Кяхте только тех людей, которые получали специальные билеты за подписью иркутского генерал-губернатора. Такую же форму контроля ввели и маньчжурские власти в Маймачене. Например, в 1780 г. при возобновлении кяхтинской международной торговли после очередного перерыва, маймаченский дзаргучей получил от своего начальства подробную инструкцию о правилах приграничной торговли. В ней говорилось, что теперь все прибывающие на торги купцы обязаны предоставлять ему торговые билеты, на основании которых они получают разрешение на въезд в кяхтинскую торговую слободу. Без таких билетов из Урги ни один караван туда не допускался. Но, содержалась в инструкции и новая деталь: в прошлых годах китайские купцы практиковали контрабандную торговлю с русскими через монгольских посредников, что приводило к хищению грузов монголами; теперь отдается приоритет торговле самим китайским фирмам, а монгольские ограничиваются в пределах 100 лан, на периферии – до 200 лан. Зато монголам разрешаются групповые поездки в Кяхту до 8 человек в каждой партии⁴⁸¹.

В конце XVIII в. в приграничную торговлю свои новшества внесла и Россия. Теперь поощрялись не только крупные оптовые сделки правительства и

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ, 1978. С. 102.

гильдейского купечества, но и мелкие розничные операции простых людей. 9-й пункт новых правил Кяхтинской торговли от 15 марта 1800 г. гласил: «Как находящиеся в здешнем подданстве братские иноверцы и прочие близ Кяхты поселившиеся люди производят заграничный торг скотом и прочими мелочными вещами»⁴⁸². В октябре того же года Коммерц-коллегия разработала инструкцию по розничной торговле между приграничными жителями. В частности, «бурятам разрешалось вести свободную заграничную торговлю скотом, мерлушкой, овчинами; казакам – (бурятам) – торговлю хлебом в урожайные годы».

Но дело это двигалось с трудом по разным причинам. Главный лама забайкальских дацанов Ишижамсуев жаловался на чинимые пограничными властями ламам 4-х бурятских казачьих полков: «Они, ламы, серьезно нуждаются в заграничных товарах и в сбыте умножившегося скота»⁴⁸³. То же подтверждали и цинские власти: «Русские кяхтинские власти не желают расширения мелкой торговли на границе. Они занимаются разгоном торговцев»⁴⁸⁴. Кяхтинское начальство оправдывалось тем, что, мелкие русские и бурятские торговцы в своей деятельности нарушают торговые правила и порядки на границе, тогда как купцы государственных караванов строго подчиняются установленным правилам. Дело, как видим, в торговой конкуренции, когда первостатейные купцы видели реальную угрозу своей монополии за счет развития мелкорозничной торговли. Важно подчеркнуть, что в этом вопросе против монополии русских выступали все жители приграничных аймаков Монголии, в том числе караульные границы. В письмах иркутскому коменданту они требовали свободы розничным торговцам России, ссылаясь на то, что все пограничные договоры между Китаем и Россией не запрещают мелкую торговлю⁴⁸⁵. Борьба с монополиями являлась одной из причин развития контрабандной торговли, в которой, как видим, были заинтересованы и сами пограничные надзиратели.

⁴⁸² РГИА. Ф. 1264. Первый сибирский Комитет. Оп. 1. Д. 607. Л. 2.

⁴⁸³ Там же. Л. 24.

⁴⁸⁴ Чимитдоржиев Ш.Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ, 1978. С. 102.

⁴⁸⁵ Там же. С. 90.

Итак, введенное Россией государственное регулирование таможенной политики на границе с Китаем и Монголией препятствовало международному экономическому развитию. Дипломатические договоры XVII–XVIII вв. декларировали свободные, беспошлинные торгово-экономические связи, которые удовлетворяли запросы основной массы населения. Попытки правительства России получать высокий доход в казну за счет самовольно введенных высоких таможенных пошлин потерпели неудачу. Первогильдейские столичные купцы, опекаемые властью, не выдержали конкуренции с частным приграничным бизнесом забайкальских жителей в Кяхте. Только возврат к свободной беспошлинной торговле, декларируемой Нерчинским и Кяхтинским договорами привела к процветанию зарубежных экономических связей между Россией, Китаем и Монголией в XIX в.

Здесь выявляется еще одна, помимо перечисленных, причина живучести контрабандной торговли, которая привела к ее подлинному расцвету в XIX в. Не только Китай, но и Россия в конце XVIII в. начала принимать энергичные меры к завоеванию монгольского рынка. При помощи тяготеющей к России Монголии, она начала по караванному пути Кяхта – Урга – Калган – Пекин устраивать собственные российские базы обслуживания караванов, поселения работных людей. Люди эти использовали монгольские сенокосные, пастбищные и лесные угодья, места водопоя, попутно занимались поисками и разработкой минеральных богатств. За это монгольские власти получали необходимые в быту русские товары, расширялись личные контакты. Для общения с монголами в Иркутске и Кяхте действовали русско-монгольские школы переводчиков, в Урге открыли российское консульство. Оттесняя китайцев, русские полностью овладели купеческим трактом из Кяхты в Калган. По свидетельству членов Московской торговой экспедиции, «в Кяхте и смежном с ней Троицкосавском чуть не половина населения говорит по-монгольски, работает в Монголии и живет от монголов». Это подтверждает и российский консул в Урге Я.П. Шишмарев: «Больше всего видно сближение жителей той и другой стороны. Монголы непрерывно посещают русские станицы, наши постоянно встречаются в

Монголии, в степи, в юртах, на арендованных сенокосах, на рыбной ловле и т.д.; казачьи табуны и стада скота пасутся на монгольских пастбищах»⁴⁸⁶.

Закрепление русских в Монголии через торговлю отмечал и Карл Маркс в статье «Русская торговля с Китаем»: «Русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю, в которой у них, по-видимому, не будет соперников»⁴⁸⁷.

С упрочением российского купечества в Монголии и Китае, когда зарубежные торговые операции оказались вне досягаемости таможенного ведомства, роль контрабанды (скажем мягче – автономной коммерции) значительно выросла. Хотя это относится уже к середине XIX в., но дадим ей краткую характеристику. Кяхтинский житель И. И. Попов (1862–1912 гг.) писал следующее: «В Петербурге и Иркутске совершенно не знали условий кяхтинской торговли и не были знакомы с требованиями китайского рынка. Когда с упорством невежды губила кяхтинскую торговлю, которая продолжалась только благодаря контрабанде». Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, защищая сложившиеся условия приграничной торговли, тем не менее, считал всех кяхтинцев контрабандистами. Назначенному в 1859 году пограничному начальнику Кяхты А.И. Деспот-Зеновичу было дано задание искоренить контрабанду на корню. Принимая по случаю вступления в должность кяхтинское купечество, он без обиняков сказал им, что в Иркутске их считают контрабандистами. На что купец Н.Л. Молчанов возразил: «Да, контрабандисты, по недомыслию казны, которая погубит торговлю с Китаем, и испортит наше отношение с ними...». Другой купец, глава кяхтинского купеческого общества И.А.Нерпин, рекомендовал А.И. Деспот-Зеновичу внимательно изучить положение дела торговли в Кяхте. Впоследствии новый пограничный начальник не только не мешал вести торговлю по старине, но и составил доклад в Петербург об учреждении в Кяхте зоны свободного предпринимательства и предложил

⁴⁸⁶ Чимитдоржиев Ш.Б. Роль Кяхты во взаимоотношениях России и Монголии // Кяхта: страницы истории. Улан-Удэ. 1999. С. 124.

⁴⁸⁷ Маркс К. Русская торговля с Китаем // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12. С. 157–160; Заятуев Г.Н. К. Маркс и Ф. Энгельс о Кяхте // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ. 1979. С. 60–67.

упразднить таможенную службу вообще, то есть создать зону со свободным беспошлинным ввозом и вывозом иностранных товаров, как этого декларировали все ранее подписанные русско-китайские дипломатические договоры 1689, 1727, 1728 и 1796 годов.

Писатель Д. Стахеев опубликовал интересный очерк о Кяхте, в котором вкратце, но образно рассказал о процветании в ней контрабандной торговли. Экипажи купцов и их телеги с товарами доводились «до возможного совершенства», имея потаенные ящики в оглоблях, осях, колесах, хомутах, дугах, седлах, словом везде, где это возможно устроить тайники для хранения золота и серебра. Иногда драгоценные металлы в Кяхту завозили местные возчики, ждавшие купцов в окрестностях, и доставлявшие ценности только им известными путями мимо таможенной заставы. Существовала своя стража, охраняющая контрабандные товары, свои подпольные цеха в лесах, так называемые «затончики». Например, в Маймачене или в так называемой «Воровской пади», ведущей в Монголию в обход Кяхты и Маймачена. Там, «обделывается все сложное дело, там и чай в кожу зашьют, и пломбы собственного приготовления повесят на каждый ящик, и двинут партию, как следует, приличную – ящиков в 200 или 300». Бывали случаи, когда одни контрабандисты грабили других контрабандистов, но ограбленные не жаловались, боясь самим попасть под суд. На вопрос писателя о том, кто занимается контрабандой или обслуживает ее, информатор уклончиво пояснил: занимаются контрабандой «не наши кяхтинцы, это было бы очень для них низко, черная, значит, работа, – для этой работы в Троицкосавске много всякого народа есть...»⁴⁸⁸.

После перевода Кяхтинской таможни в Иркутск, контрабанда сделалась чуть ли не легальным занятием. Теперь, как писал Д. Стахеев, местный бурят с усмешкой провозит мимо опустевшего здания таможни свой товар, тогда как раньше он «дрожал, пробираясь с контрабандным чаем позади этого здания»⁴⁸⁹.

⁴⁸⁸ Стахеев Д. Кяхта // Русское слово. 1865. Сентябрь. С. 273–295; 1865. Октябрь. С. 172–191.

⁴⁸⁹ Там же.

Итак, подводя итог сказанному выше, отметим следующее: учрежденный в 1728 г. Кяхтинский международный торг имел несколько особенностей:

Прошло немало времени, пока российские купцы привыкли к специфике восточной торговли с ее своеобразной системой мер, весов и ценовой политики. Руководитель торгового каравана в Китай, надолго задержанного в Урге, Михаил Гусятников сумел хорошо изучить суть этой торговли и составить справку о производимых за рубежом расчетах для удобства коммерческой деятельности своих соотечественников, выезжающих в Китай.

В связи с введенной монополией России на заграничную торговлю, в Пекин стали направляться государственные торговые караваны один раз в год, а частникам разрешили торговать только в Кяхте мелочной торговлей. Но, даже «своим» купцам Правительство установило такие высокие таможенные пошлины, что это привело к значительному сокращению желающих торговать в Кяхте. По этой причине взлетевшие отпускные цены делали российские товары неконкурентоспособными, и государственные караваны стали нести убытки, так как и китайские партнеры в ответ значительно завышали цены на свои товары.

По причине частого протестного прекращения китайцами торгов в Кяхте стала развиваться контрабандная торговля, в которую были втянуты все чиновные лица, включая губернаторов, ханов, пограничных комиссаров и прочих, кто был обязан не допускать ее. Отмена Россией двойной и «перекупной» пошлин не изменили положения. Казенная торговля уступила место частной, а торговые люди всех категорий в основном перешли на контрабанду. Российские торгующие люди стали регулярно ездить в Ургу и Наун, образуя собственные торговые пункты. Они же самостоятельно добывали сибирскую пушнину, в качестве валюты, не обращая внимания на строгие запреты государства, о чем свидетельствует большое число императорских указов. Например, в 1731 и 1736 гг. Л. Ланг нашел в Пекине такое огромное количество контрабандной пушнины из Кяхты, что гильдейские купцы государственного каравана с трудом расторговались, даже по низким ценам себе в убыток. Не имея возможности бороться с контрабандой, правительство с 1755 г. прекратило формирование

казенных караванов, а указом 1762 г. Екатерины II, государственная монополия была официально отменена.

С 1762 году после отмены монополии постепенно установилась «настоящая» беспошлинная торговля в Кяхте, все торгующие стали богатеть, русские купцы проникли глубоко в Монголию и Китай, как и китайские торговцы постепенно стали проникать в Забайкалье. Общий объем сниженных внутренних таможенных пошлин за счет увеличения количества торговых операций вырос многократно, пополняя как и российскую, так и общественную и личную казну самих кяхтинцев. В результате возникло меценатство купцов, которые щедро вкладывали прибыль в развитие экономики Забайкалья и инфраструктуру городов, сел и транспортных путей сообщения.

Заключение

Российское государство, с конца XVI века распространившее свое политическое влияние на Сибирь, не сразу учредило «казенные» торгово-экономические контакты с восточными странами, но изучив спрос и предложение посредством частных инициатив служилых, торговых, промышленных и «гулящих» людей, действовавших самостоятельно, на свой страх и риск, без дипломатической государственной поддержки. Немногие экспедиции, снаряжаемые сибирскими воеводами, имели письменные полномочия проникать до Урги и Пекина для выяснения возможности организации государственной торговли, но без права вступать в официальные коммерческие сделки от имени России. Политическая и экономическая активность Московского государства была прежде всего обращена на Западную Европу, а торгово-обменные контакты с Китаем и Монголией оно считало делом второстепенным и преждевременным.

По инициативе сибирских казаков, частные торги с кочевыми «иноземцами» (калмыками, джунгарами, монголами, «бухарцами») развивались довольно успешно, встречая с их стороны понимание и поддержку. В 1616 г. оформился торговый караванный путь из Западной Сибири в ставку монгольского Алтынхана, в 1618 г. русские дошли до столицы Китая и были приняты самими императором. В 1620 г. была учреждена Ямышевская ярмарка в Северном Казахстане. К 1650 годам русские торговцы ходили в Монголию несколько раз в году. Однако, по причине начавшейся затяжной междоусобной войны между Джунгарией и Китаем этот путь был перекрыт и перестал действовать.

По мере освоения русскими Восточной Сибири и Забайкалья, начался поиск обходного, минуя Западную Монголию, торгового пути в Китай. С построением Нерчинского (1658) и Селенгинского (1665) крепостей частная торговля с монголами и маньчжурами возобновилась, а экспедиции приказчиков Селенгинского острога И.И. Перфильева (1668 и 1673 гг.) и И.П. Поршенникова (1671 г.), торгового человека Г. Р. Никитина (1675 г.) достигли Пекина, и впервые поставили перед цинскими властями вопрос об организации межгосударственной

торговли под защитой больших военных (конвойных) отрядов. Однако у них не было полномочий действовать от имени государства, отчего этот вопрос был передан Москвой дипломатическому посольству Н. Г. Спафария в Пекин. Однако, миссия закончилась неудачей из-за нежелания российского посла следовать китайским церемониям перед богдыханом, показавшимся ему унижительными для чести царского величества.

В 1685 г. война с Китаем за Албазин на Амуре обострила русско-китайские отношения и успешно начатые частные приграничные торги с рядовым маньчжурским населением были прекращены. Николай Спафарий получил от китайской стороны ответ, что Китай не станет обсуждать вопрос об организации международной торговли до тех пор, пока Россия не уйдет с берегов Амура и территории Забайкалья. Китайские военные отряды уже совершали рейды к Нерчинску, Селенгинску, Верхнеудинску и Иркутску, разоряя русские деревни, нападая на бурят и эвенков. Для разрешения опасной ситуации, в Забайкалье выехало представительное посольство боярина Ф. А. Головина в сопровождении значительного военного отряда. Ценой сдачи Албазина ему удалось отстоять восточную окраину России, а под угрозой прекращения начатых переговоров внести в Нерчинский договор 1689 г. статью об организации русской караванной торговли в Пекине, по поводу чего китайская сторона была категорически против, заявляя, что торговля для их страны – «дело второстепенное». Однако, без этого пункта Россия отказывалась обсуждать политические пограничные вопросы. Поэтому с большим трудом подписанный договор стал называться «О мире, границе и торговле». Однако, в нарушении его, Китай запретил своим купцам ездить в Россию, а все даурские народы, уже торговавшие частным порядком с россиянами, были отселены с берегов Аргуни–Амура вглубь Китая.

Первый торговый караван, носивший полугосударственный характер, был направлен в Пекин еще в 1689 году самим Ф. А. Головиным из числа купцов, прибывших с посольством из Европейской России со своими товарами. Этот караван, как и все десять последующих, столкнулись с противодействием Цинского правительства. Вскоре, в 1693 г. въезд в Пекин был запрещен и

перенесен в Наун (ныне г. Цицикар) в Маньчжурии. Караванная дорога из Нерчинска в Китай была совершенно не обустроена (отсутствовали стоянки, места для отдыха и ночлега, не было организовано снабжение продовольствием и кормами). На пути действовали отряды местных грабителей, а власти начали выжигать степь, лишая кормов лошадей и верблюдов. Дипломатическое посольство И. Идеса (1692–1695), направленное для урегулирования российско-китайской торговли в соответствии со статьями Нерчинского договора, вообще не было пропущено к богдыхану. В конечном итоге, торговый караван 1703 г. в Китай оказался последним, но и он был вынужден из-за разбоев на дороге вернуться в Россию через Монголию в Селенгинск.

В начале XVIII века российское правительство признавало «селенгинское» направление для купеческих торговых караванов наиболее перспективным, тем более что правители Монголии разрешили основать международное торговое место в Урге, откуда россияне, при их посредничестве, появлялись в Пекине. Направленный в 1714–1719 гг. из Селенгинска караван М.Я. Гусятникова, однако, был остановлен китайцами, и основал в Урге русское торговое место – «Ургинский Маймачен». Успехи торгово-обменных операций в Монголии со стороны «северного соседа» серьезно обеспокоили Цинское правительство, которое завершало присоединение Внешней Монголии. Россияне были высланы из Урги, их жилища разорены, лавки и складские помещения уничтожены. Перебравшись в Селенгинск, торговые люди обосновались на Чикойской Стрелке на пустом месте, пока не обустроились заново. Посольству И.И. Глазунова 1719–1722 гг. удалось снизить напряженность между странами обещанием начать переговоры о признании новой границы Китая в Монголии.

Посольству С.В. Владиславича-Рагузинского в 1726–1728 гг. пришлось испытать те же трудности, что и посольству Ф.А. Головина. Уклоняясь от включения в текст статьи о торговле и купечестве, китайская сторона на первый план выдвинула политический вопрос о претензии на территории до берегов озера Байкала и реке Ангаре. Однако строительство пограничных крепостей и размещение в них гарнизонов умили требования Китая, которые в то же время

продолжал отказываться от статьи о торговле. Только благодаря уступке С.В. Рагузинского – перенесению условной пограничной черты между Монголией и Россией к реке Кяхте от р. Буры (на 10 км. южнее), китайская дипломатия согласилась обсудить и этот вопрос. В результате были определены два международных пункта торговли – в Кяхте на р. Селенге и Цурухайтуе по р. Аргуни. Русская торговля в Цицикаре и Урге должна была быть свернута. Формально разрешалось посылать в Пекин по одному торговому каравану в три года, общим числом торгующих и охраны в 200 человек, но на короткий срок пребывания.

Однако после достигнутой договоренности Китай делал все возможное, чтобы статья о караванной торговле по Буринскому (Кяхтинскому) договору не исполнялась. Прибывавшие в Пекин караваны запирались на постоялом дворе и окружались отрядом китайских солдат, не подпуская желавших вести прямые торги. Допускалось бесплатное изъятие лучших товаров для «самого императора». В результате купцы терпели большие убытки: Цурухайтуевская торговая слобода тоже так и не заработала в полную силу, поскольку из-за удаленности места и его необорудованности, ни российские, ни китайские купцы ехать туда не стремились. Вскоре, в 1758 г., она фактически прекратила свое существование, и была перенесена в другое место под Аргунский острог, но уже как обычный пограничный пост на р. Аргуни. Торговля в Кяхте развивалась более успешно. Первые торги были осуществлены здесь уже в 1728 г., еще при С. В. Рагузинском, но политические вопросы (территориальные, прием Россией беженцев-монголов и нежелание их возвращать обратно, военное укрепление границы) нередко приводили к остановке торгово-обменных операций, закрытию границы в Маймачене на годы. Торговые караваны могли добраться лишь до Урги: дальше интересы россиян в Пекине представляли посредники – китайцы и монголы, нередко исчезая вместе с деньгами и товарами. С 1727 по 1754 г. из Селенгинска (Кяхты) удалось направить только шесть государственных караванов, после чего Китай окончательно допустил торговать только в пограничных Маймачене–Кяхте.

Частые закрытия границ по политическим мотивам привели к контрабандной торговле между русскими, монголами и некоторыми китайцами, в которую были втянуты как пограничные и таможенные служащие двух стран, так и высокие чины ханской власти в Монголии и губернской администрации. Даже после урегулирования в 1796 г. разногласий между Россией и Китаем, отменой ограничений, не предусмотренных Нерчинским и Буринским (Кяхтинским) договорами, контрабандная торговля продолжала процветать, поскольку деньги и товары, проходящие мимо переведенной в Иркутск таможни способствовали получению сверхприбыли и развитию Кяхты. Положительной стороной этого неофициального торгового потока было экономическое продвижение России в восточных странах, освоение Россией китайских природных ресурсов, закрепление в китайских морских портах.

Слабому развитию российской зарубежной торговли на восточной окраине страны способствовало то обстоятельство, что Китай не стермился к торговле с официальными российскими караванными купцами, товары которых были на порядок дороже, чем у частных торговых людей. Сказывалась и традиционная изоляционная политика Китая, не допускавшая проникновения в Пекин всего иностранного в целях сохранения своей культуры и уклада жизни. Русские торговые караваны были единственным из зарубежных стран, достигшим Пекина с массовым количеством товаров, купцов, работных людей и вооруженной охраны. Однако, рядовые китайцы охотнее контактировали с частными русскими людьми в приграничной полосе в связи с более выгодной ценовой политикой. Следует отметить, что российское правительство также не соблюдало пункты заключенных дипломатических договоров, самовольно лоббируя интересы столичного купечества и запрещая заграничные поездки частных лиц. С целью их недопущения к торгам, оно установило высокие таможенные пошлины в размере 20 % от стоимости и объема товара. Российские купцы пытались переложить свои убытки на китайских торговцев путем высокой отпускной цены на свои товары, что вызывало их недовольство. Половина случаев останавливаемых торгов в Кяхте происходила из-за протестов Китая по причине высоких таможенных

пошлин и ценовой политики. Указ 1752 г. об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов, был последней попыткой российской власти удержать монополию внешней торговли с Китаем в своих руках. В 1755 г. правительство убедилось в нецелесообразности продолжение казенного торго за рубежом, поскольку он не выдерживал конкуренции с частной торговлей, и в 1762 г. была разрешена всеобщая беспошлинная торговля. Русско-китайским трактатом 1796 г. были окончательно улажены все накопившиеся проблемы в пограничной политике и зарубежной торговле: Кяхта была объявлена единственным на Востоке центром свободной международной торговли. Это способствовало «Золотому» веку Кяхты в последующем XIX столетии.

Дальнейшая разработка темы возможна на путях изучения процессов экономического взаимодействия между населением приграничных территорий, роли воеводской администрации в организации официальной и неофициальной торговли, влияния русских торговых центров на хозяйственную жизнь региона, номенклатуры мер и денежных единиц, которые использовались при совершении обменных операций.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архив Академии наук (ААН)

1. Ф. 21. Портфели Миллера. Оп. 5. План Селенгинска нач. XVIII в.; Оп. 4. Планы Селенгинска; Оп. 5. План Троицкой крепости при р. Кяхте 1735 г.; Оп. 5. План Кяхтинского форпоста 1735 г. Д. 24, Д. 29, 39/24, Д. 39/28, Д. 30/28.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

2. Ф. 161. Главный архив. Д. 2, 4, 6, 22.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

3. Ф. Военно-ученый архив. Д. 25580, 22111, 21531, Д. 21529, 1293, 1310.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

4. Ф. 62. Сношения России с Китаем. Д. 2.

5. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 288, 1063, 1012, 1128, 1378, 1221, 1092, 1507, 1149. Д. 782, 1063, 1272, 366, 1391, 1037.

6. Ф. 1121. Иркутская приказная изба. Д. 5, 16, 23, 63, 69, 73, 84, 235.

7. Ф. 268. Портфели Юни. Стлб. 3, 4, 7.

8. Ф. 1142. Нерчинская приказная изба. Д. 6.

9. Ф. 124. Монгольские дела. Оп. 1. Д. 1.

10. Ф. 192. Иркутская губерния. Д. 74, 76.

Российский государственный исторический архив (РГИА СПб)

11. Ф. 1264. Первый Сибирский комитет. Оп. 1. Д. 607.

12. Ф. 1293. Техническо-строительный Комитет МВД. Оп. 1. Д. 10.

Госсархив Монголии

13. Ф. 1. Внешней политики. Д. 1396.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

14. Ф. 1. Илимской воеводской канцелярии. Д. 270, 335, 936.

15. Ф. 75. Селенгинской городской ратуши. Д. 8, 84, 37, 85, 128.

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК)

16. Ф. 30. Войскового хозяйственного правления.
17. Ф. 78. Инспектора Читинского таможенного участка.
18. Ф. 25. Забайкальской контрольной палаты.
19. Ф. 268, 159, 271. (Доронинский, Нерчинский и Кяхтинский городничие).
20. Ф. 213. Заведующего пограничными селениями 3-го участка Нерчинского уезда. Д. 5.

Национальный Архив Республики Бурятия (НАРБ).

21. Ф. 335. Оп. 1. Д. 55. Л. 50–51.

Сборники архивных документов

22. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841 – 1842. – Т. 3. – 501 с.; 1851. – Т. 4 – 565 с.; 1842. – Т. 5 – 539 с.

23. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год: составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в 1792–1803 гг. – Казань: Типография Императорского Университета, 1882. – 565 с.

24. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоановны. 1731–1740 гг. / Собраны и изданы под редакцией А. Н. Филиппова, ординарного профессора Московского университета. Т. 10 (1739 г.) (Июль – декабрь). – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1909. – 716 с.

25. Выписки из Нерчинского архива // Русский вестник. – 1841. – Т. 4. – С. 64–70.

26. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846–1872. – Т. 2. – 308 с.; Т. 5. – 540 с.; Т. 6. – 518 с.; Т. 11. – 332 с.

27. Из истории русско-китайских отношений (1695–1720) // Исторический архив. 1957. – № 3. – С. 174–184.

28. Иркутская летопись. – Иркутск: Паровая типография И. П. Казанцева, 1911. – 418 с.

29. Котвич Вл. Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия РАН. 1919. № 12–15, 16–18 С. 791–822, 1071–1092, 1199–1214.

30. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654 гг.: Сборник документов. – М.: Наука, Гл. редакция восточной литературы, 1974. – 467 с.

31. Международные отношения в Центральной Азии XVII–XVIII вв.: Документы и материалы. – Кн. 1. – М.: Наука. Гл. редакция восточной литературы, 1989. – 375 с.

32. Мясников В. С. Русские архивные источники о завоевании Китая маньчжурами (1618–1690) // Маньчжурское владычество в Китае. – М.: Наука, 1966. – С. 98–112.

33. Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. – М.: Унив. типография, 1895–1901. – Ч. 1–4.

34. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – Т. 1 (1608–1683). – 613 с.; 1972. – Т. 2 (1686–1691). – 835 с.

35. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. – М.: Наука, 1978. – Т. 1 (1700–1725) – 703 с.; – М.: Наука, 1990. – Т. 2 (1725–1727) – 669 с.

36. Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – 142 с.

37. Русско-монгольские отношения. 1607–1636: Сборник документов. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1959. – 350 с.

38. Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сборник документов. – М.: Наука, 1974. – 467 с.

39. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – 464 с.

40. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. – 271 с.

41. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. – Улан-Удэ: [Б. и.], 1960. – Вып. 1. – 493 с.

42. Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – СПб.: Государственная типография, 1889. – Вып. 2. – 576 с.

43. Собрание торговых трактатов России с иностранными государствами. – СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1877. – Т. 1–15.

44. Таможенное дело в России: Сборник документов и материалов. – М.: Автор, ЮПАПС, 1998. – Т.2. 1722 – 1864 гг. – 504 с.

Законодательные акты

45. О непропусках в Китай торговых людей без грамот из Сибирского приказа. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1700–1712. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 4. – № 2089.

46. О переговорах с Китайским Государством для утверждения границ, и статьи о перебежчиках за Китайскую границу по трактату 1689 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1723–1727. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 7. – № 4746.

47. О позволении Российским купцам производить торг за границею Китайскою всеми товарами, кроме мягкой рухляди. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1723–1727. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т.7. – № 4992.

48. О разводе по силе Буринского договора между Российским и Китайским границами, начиная с левой стороны от Кяхты до вершины реки Аргуни. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1723–1727. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 7. – № 5180.

49. О избрании пограничного для торговых слобод места на реке Аргунь при урочище Цурухайтуй, учиненное между Российским Комиссаром Бурцовым и Китайским Стольником Хубиту. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1728–1732. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 8. – № 5268.

50. О построении крепости Селенгинской. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1723–1727. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 7. № 4994.

51. О населении посада при Кяхтинском форпосте. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1740–1743. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 11. – № 8833.

52. О правилах поселения при Кяхтинском форпосте. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1744–1748. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 12. – № 9206.

53. Об учреждении при Кяхтинском форпосте Магистрата или Ратуши. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1700–1774. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 19. – № 14179.

54. О назначении Чиновников и Канцелярских служителей в пограничную Китайскую таможенную. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1754–1757. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 14. – № 10281.

55. О бытии в Кяхтинской таможене. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1754–1757. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 14. – № 10520.

56. О запрещении Российским поданным торговать разною мелкою рухлядью в Пекине и в прочих местах, подвластных Китаю. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1737–1739. – СПб.: Тип. II Отделения

Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 10. – № 7895.

57. Об устройении маяка на озере Байкал при узком проливе, называемом Прорвою, о сделании судов для перевозу казенной и партикулярной клади и о сборе денег на содержание маяка и судов с приезжающих на Кяхту купцов. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1762–1765. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 16. – № 11840.

58. О учинении смертной казни Иркутскому Вице-губернатору Жолобову за разные его законопротивные поступки. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1733–1736. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 9. – № 7009.

Памятники дипломатической документации

59. Арсеньев Ю. В. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай. 1675–1678 // Вестник археологии и истории. 1906. – Вып. 17, отд. 11. – С. 162–339.

60. Выписка из статейного списка С. Л. Владиславича-Рагузинского, сделанная в Коллегии иностранных дел, о его пребывании в Пекине, о возвращении на границу и о завершении посольской миссии // Российско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727). – М.: Наука, 1990. – С. 410–437.

61. Дневник Ланга // Белевы путешествия через Россию и разные Азиатские земли. – СПб.: Изд-во ИАН, 1776. – Ч. 3. – С. 1–247.

62. Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему его царского величества указу в 1676 г. царствования китайского Хуандия Канся в 15 лето / пер. с маньчж. подлинника // Сибирский вестник. 1823. – Ч. 3. – С. 29–100.

63. Журнал путешествия И. И. Кропотова в Китай // Общество и государство в Китае: Материалы VII научной конференции / Ин-т востоковедения. – М.: Восточная литература, 1976. – Ч. 2. – С. 219–249.

64. Записки Л. Ланга о поездке в Пекин // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1700–1725). – М.: [Б. и.], 1978. – С. 487–498.

65. Записка С. И. Писарева о путешествии в Цинскую империю в 1725–1728 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1725–1727 гг.). – М.: Наука. Гл. редакция восточной литературы, 1990. – С. 214–528.

66. Записки Г. И. Унферцагта о путешествии в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1700–1725 гг.). – М.: Наука. Гл. редакция восточной литературы, 1978. – С. 555–585.

67. Записки Д. Белла о путешествии в Цинскую империю в 1719–1722 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1725–1727 гг.). – М.: Наука, 1978. – С. 498–544.

68. Записки Тулишеня о его поездке в составе Цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг. / пер. с маньчж. И. К. Рассохина с добавлением двух петиций Тулишеня // Русско-китайские отношения в XVIII в. – М.: Наука, 1978. – Т. 1. 1700-1725 [Прил. 1.]. – С. 437–483.

69. Запись о хронике правления Цинской династии о пребывании в Пекине посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского // Российско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы (1725–1727 гг.). – М.: Наука. Гл. редакция восточной литературы, 1990. – С. 509.

70. Идес И. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). – М.: Наука, 1967. – 404 с.

71. Инструкции Коллегии иностранных дел С. Л. Владиславичу-Рагузинскому о посольстве в Цинскую империю // Российско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы (1725–1727 гг.). – М.: Наука. Гл. редакция восточной литературы, 1990. – С. 126–143.

72. Китайская реляция о посольстве Николая Спафария в Китай // Маньчжурский текст в переводе А. О. Ивановского. – СПб.: Типография Академии наук. Отдельный оттиск из "Записок Восточного отделения Русского археологического общества". – Т. 2. 1887; – Т. 3. 1888.

73. Отписка Н. Г. Спафария в Посольский приказ от пути от Нерчинска до границ Цинской империи и о переговорах с маньчжурскими чиновниками в Букее // Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – Т. 1. – 612 с.

74. Полевой Б. П. Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария // Известия АН СССР. 1969. – № 1. – С. 115–124.

75. Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и вел. князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай господина Эбергарда Избранда Идеса, посланном в 1692 году, март 14 дня // Древняя Российская вивлиофика. 1788. – Т. 4. – Ч. 8, 9. – С. 360–475.

76. Путевой журнал С. Л. Владиславича-Рагузинского // Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы (1725–1727). – М.: Наука, 1990. – С. 495–496.

77. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1882. – 214 с.

78. Расспросные речи в приказе Казанского дворца томского казака И. Петлина с товарищами о их поездке в Китай // Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – Т. 1. – С. 92–95.

79. Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные миссионером Ф. Аврилем в Москве в 1686 году // Русский вестник. 1842. – № 4. – С. 69–104.

80. Спафарий Н. Г. Описание первые части вселенная, именуемой Азии, в ней же состоит Китайского государства с прочими его города и провинции. – Казань: [Б. и.], 1910. – С. 199.

81. Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. – Кишинев: [Б. и.], 1960. – С. 32.

82. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь до границ Китая. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – 180 с.

83. Статейный список посланника Л. В. Измайлова о посольстве в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVIII в.: Материалы и документы

(1700–1725 гг.). – М.: Наука. Гл. редакция восточной литературы, 1978. – С. 186–229.

84. Статейный список посольства Н. Г. Спафария в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII в.: материалы и документы. – М.: Наука, 1969. – Т. 1. – С. 428.

85. Bell J. A. Journey from Petersburg to Peking (1719–1722). – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1965. – 248 p.

Справочно-статистические материалы

86. Дипломатический словарь (А–И). – М., 1984. – Т. 1: А–И. – 422 с.

87. Дипломатический словарь (К–Р). – Москва, 1985. – Т. 2: К–Р. – 502 с.

88. Инкотермс: международные правила толкования торговых терминов. – М.: [Б. и.], 1999. – 48 с.

89. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем – Казань: Издание Дубровина, 1857. – 445 с.

90. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1994. – Т. 1 (А–Е). – Кн. 1. – 171 с.

91. Кяхта: страницы истории. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1999. – 159 с.

92. Кяхте – 250 лет. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. – 101 с.

93. Скачков П.Е. Библиография Китая. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 690 с.

94. Покровский В. И. Статистические сведения о торговле России с Китаем. – СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1909. – 44 с.

95. Самойлов А. М. Исторические и статистические исследования о Кяхтинской торговле // Сборник статистических сведений о России. Отд. 2. – СПб.: [Б. и.], 1854. – С. 17.

96. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. Очерк истории внешней торговли России. – СПб.: [Б. и.], 1902. – 544 с.

97. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи. – СПб.: Типографии Ивана Глазунова, 1829. – 95 с.

Литература

Монографии

98. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – М.: Наука. Гл. редакция восточной литературы, 1969. – 240 с.; – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 275 с.

99. Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. – Иркутск: ОГИЗ, Иркутск. обл. изд-во, 1941. – 609 с.

100. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. – СПб.: Военная типография, 1887. – 249 с.

101. Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. – СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1889. – Ч. 2. – 425 с.

102. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: [Б. и], 1999. – 336 с.

103. Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай (Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков). – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949. – 52 с.

104. Баснин В. Н. Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савска. – М.: Университетская типография (Катков и К^о) на Страстном бульваре, 1875. – 298 с.

105. Боголепов М. И., Соболев М. К. Очерки русско-монгольской торговли // Труды Томского общества изучения Сибири. – Томск: Типолитограф. Сибир. т-ва печ. дела, 1911. – Т. 1. – 498 с.

106. Васильев А. П. Забайкальские казаки: исторический очерк в 3 т. – Чита: Тип. Войскового хозяйственного правления Заб-го казачьего войска, 1916–1918. – Т. 1. 1916. – 232 с.

107. Венюков М. И. Очерки старых и новых договоров России с Китаем. – СПб.: Типография В. Безобразова и К^о, 1863. – 95 с.

108. Гуревич Б. М. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1979. – 312 с.

109. Гончарова Н.Н., Корнеев Е.М. Из истории русской графики начала XIX в. – М.: Искусство, 1987. – 381 с.
110. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начала XX в. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. – 1994. – 396 с.
111. Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в XVII-XX вв.: проблемы миграции и адаптации. – Красноярск: Сиб. Федеральный ун-т, 2008. – 327 с.
112. Демин Э. В. «Золотая россыпь» Селенгинска. Историко-краеведческие очерки: Историко-краеведческие очерки. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2009. – Т. 1. – 319 с.
113. Древняя российская вивлиофика. – М.: Типография компании типографической, 1791. – Ч. 18. – 436 с.
114. Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья XVII–XVIII вв. – Улан-Удэ [Б. и.], 1993. – 68 с.
115. Ежуков Е. Л. Становление и развитие пограничной охраны России XV – начало XX в. – М. [Б. и.], 1991. – 264 с.
116. Зензинов М. М. Чай и пошлина. – М.: Типография Н. И. Гросман и Г. А. Вендельштейн, 1910. – 16 с.
117. Зинченко Н. П. Россия и Китай. – СПб.: [Б. и.], 1899. – 16 с.
118. История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ: Бурят-монг. кн. изд-во, 1954. – Т. 1. – 495 с.
119. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / отв. ред. А. П. Окладников; Академия наук СССР. Сибирское отделение, Отделение истории, Институт истории, филологии и философии. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1968. – 458 с.
120. Краткий очерк возникновения и развития и теперешнего состояния наших с Китаем сношений через Кяхту. – М.: Изд. кяхтин. купечества, 1896. – 90 с.
121. Крижанич Ю. Повествование о Сибири. – СПб.: Типографии Департамента народного просвещения, 1822. – 48 с.

122. Крит Н. К. Будущность кяхтинской торговли. – СПб.: Типография Арт. деп. В.М., 1862. – 101 с.
123. Курц Б. Г. Государственная монополия в торговле в первой половине XVIII века. – Киев: Изд-во Ин-та Народного хозяйства, 1929. – 78 с.
124. Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII, и XVIII столетиях. – Днепропетровск: Гос. изд-во Украины, 1929. – 159 с.
125. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. – 320 с.
126. Мартос А. И. Письма о Восточной Сибири. – М.: Университетская типография, 1827. – 291 с.
127. Марков Л. Н. Из истории иркутской таможни. Очерки по истории таможенной службы. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. – 157 с.
128. Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование. – СПб.: Типография И. Габрмана, 1881. – 94 с.
129. Мартынов А. Е. Живописное путешествие от Москвы до китайской границы. – СПб.: Типография Александра Плюшара, 1819. – 67 с.
130. Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. – 191 с.
131. Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.: Восточная литература РАН. 1999. – Т. 1. – 630 с.
132. Ми Чжэнбо. Развитие русско-китайских торговых отношений в северо-западных пограничных районах Китая в период династии Цин и их результаты. Тяньцзин, 2007. (на кит. яз.).
133. Миччи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири: С прибавлением ст. из путешествий Г.Радде, Р. Маака и др. – СПб.: М.О. Вольф, 1868. – 351 с.
134. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы, XVII-XX вв. – М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996. – 482 с.

135. Найденов Н. А. Сибирские города. Материалы для их истории XVII–XVIII столетий: Нерчинск, Селенгинск. Якутск. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – 146 с.
136. Носков И. А. Кяхтинская торговля за последние 8 лет. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1870. – 18 с.
137. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Половина первая. – СПб.: Императорская Академия наук. 1788. – 655 с.
138. Памятники сибирской истории XVIII века. – СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882–1885. – Кн. 1: 1700–1713, 1882. – 551 с.
139. Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. – М.: Типография Н. Степанова, 1844. – Ч. 1–2. – 356 с.
140. Постников А.В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII – XIX вв.) // Роль историко-географических исследований и картографирования. – М.: Памятники ист. мысли, 2007. – 456 с.;
141. Птицын В. В. Селенгинская Даурия: очерки Забайкальского края / В. В. Птицын. – СПб.: Экономическая Типо-Литография, 1896. – 306 с.
142. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. – Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 690 с.
143. Резун Д. Я. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 309 с.
144. Семенов А. В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. – СПб.: Типография И.И. Глазунова и К, 1859. – Ч. 1. – 295 с.; – Ч. 2. – 376 с.; – Ч. 3. – 536 с.
145. Семивский Н. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было известно. – СПб.: Изд-во Военной тип. Главного Штаба Его Императорского Величества, 1817. – 186 с.

146. Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке: из истории русско-китайской торговли. – Иркутск: Иркутское областное издательство, 1947. – 204 с.
147. Скачков К. А. Наши торговые дела в Китае. – СПб.: [Б. и.], 1863. – 44 с.
148. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). – М.: [Б. и.], 1974. – Т. 1. – 354 с.
149. Словцов А. П. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1886. – 366 с.
150. Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XVII-XIX вв. – М.: Советская Россия, 1974. – 198 с.
151. Старцев А.В. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки. – Новосибирск: Сова, 2005. – 258 с.
152. Старцев А.В. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013. – 414 с.
153. Стахеев И. Д. За Байкалом и на Амуре. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1893. – 340 с.
154. Сычевский Е. И. Историческая записка о китайской границе, составленная в 1846 г. – М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1875. – 292 с.
155. Сычевский Е. Чиновники, посланные для проведения пограничной линии или границы // Извлечение: историческая записка о Кяхтинской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. – М.: Университет. тип., 1875. – 294 с.
156. Таможенное дело в России X – нач. XX в.: исторический очерк. Документы. Материалы. – СПб.: ПиК, 1995. – 211 с.
157. Тиваненко А. В. «В государство Российское принять...». (Как происходило вхождение Бурят-Монголии в состав России). – Улан-Удэ: Худайбердиев А. Р., 2012. – 183 с.
158. Трусевич Х. Посольские и торговые отношения России с Китаем (до XIX века). – М.: Типография Т. Малинского, 1882. – 306 с.

159. Тугутов Р. Ф. Прошлое и настоящее города Кяхты. Краткий очерк. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1954. – 50 с.

160. Чимитдоржиев Ш. Б. Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII в. (Через забайкалье и Кяхту) // Кяхте – 250 лет. – Улан-Удэ, 1978. – С. 102.

161. Чулков М. Историческое описание Российской коммерции 1721– 1786. – М.: Типография Императорской Академии наук. 1785. – Т. 3. – Кн. 2. – 744 с.

162. Шастина Н. Г. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. – М.: [Б. и.], 1958. – 175 с.

163. Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-е – 60-е гг. XVIII в.). – М.: Изд-во Ин-та российской истории РАН, 1994. – 261 с.

164. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 212 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

165. Благодер Ю. Г. Образ Китая в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов XVII – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2005. – 284 с.

166. Горшунов В.С. Отношения России и Китая XVII – первой половины XIX вв. в отечественной историографии (конец 40-х – начало 90-х гг. XX века) : дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999. – 220 с.

167. Единархова Н. Е. Кяхтинская торговля и ее влияние на экономическое развитие России, Монголии и Китая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979. – 19 с.

168. Ермаченко И.С. Маньчжуро-монгольские отношения до и после образования империи Цин. (XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1971. – 20 с.

169. Морозова Е. О. Русско-китайские торгово-дипломатические отношения в конце XVI – середине XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2013. – 191 с.

170. Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004. – 227 с.

171. Переслегина И. В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни (20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 221 с.

172. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: Тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия: дис. д-ра ист. наук. – СПб., 2012. – 426 с.

173. Смирнов Н.Н. Забайкальские казаки в системе взаимоотношений России с Китаем и Монголией: дис. ...канд. ист. наук. – Волгоград, 1996. 325 с.

Статьи

174. Александров В. А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – С. 131–150.

175. Базилевич К.В. В гостях у богдыхана. Путешествие русских в Китай в XV в. – Л.: Изд. «Брокгауз-Ефрон». 1927. – 216 с.

176. Бартенев Ю.П. Герои Албазина и Даурской земли // Русский архив. 1899. – Кн. 1. – № 2. – С. 304–328.

177. Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. – Л.: Ленингр. Ин-т изучения живых вост. яз., 1925. – 326 с.;

178. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. – Л., Изд. «Брокгауз-Ефрон», 1925. – 97 с.

179. Буссе Ф. Забайкальское инородческое войско. Исторический очерк // Этнографический бюллетень Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1895. – № 8 – С. 5–64.

180. Вилков О. Н. К истории Кяхты в XVIII в. // Известия СО АН СССР. Сер. Общественные науки. 1972. – Вып. 2. – № 6. – С. 41–47.

181. Вилков О. Н. Китайские торги на Тобольском рынке в XVII в. // История СССР. 1958. – № 1. – С. 105–124.
182. Вилков О. Н. Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: [Б. и.], 1968. – Вып. 2. – С. 5–6.
183. Вяткин Р.В. Историческая наука КНР на современном этапе // Вопросы истории. 1979. – № 2. – С. 67–83.
184. Голубев Е. История купеческого тракта // Ленинское знамя (Кяхта). 1972. – 10, 15, 20 июня.
185. Голубев Е. Торговая участь Кяхты // Бурятия. 1994. – 17 июня.
186. Громов П. Начало Троицкой крепостицы и Кяхты // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. – № 31. – 404 с.
187. Демидова Н. Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. – М.: Наука, 1973. – С. 289–310.
188. Деспот-Зенович А. И. О свободной торговле в Монголии // Кяхтинский листок (Троицкосавск). 1862. – № 1. – С. 5–9.
189. Долгов С. О. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи // Памятники древней письменности и искусства. – М.: [Б. и.], 1899. – С. 14–35.
190. Евдокимова С. В. История основания и развития Кяхты в XVIII веке // Кяхта: страницы истории. – Улан-Удэ ИПК ВСГАКИ, 1999. – С. 88–89.
191. Единархова Н. Е. К вопросу о ценах в торговле России с Китаем через Кяхту // Проблемы востоковедения в трудах ученых Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1980. – С. 38–40.
192. Елизарова Д. История Кругобайкальского тракта // Земля Иркутская. 1995. – № 4. – С. 22–27.
193. Залкинд Е. М. Бухарский торговый караван в Иркутске // Ученые записки Омского госуд. педагог. ин-та им. А. М. Горького. – Омск: [Б. и.], 1957. – С. 93–103.

194. Заятуев Г. Н. К. Маркс и Ф. Энгельс о Кяхте // Кяхте – 250 лет. – Улан-Удэ. Бурят. кн. изд-во, 1979. – С. 60–66.
195. Златокипящая Кяхта. Иллюстрированный путеводитель. – Иркутск: Репроцентр А1 : Время странствий, 2010. – 81 с.
196. Зуева Е. А. Численность сибирского купечества в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. и его удельный вес в составе общероссийского купечества // Роль Сибири в истории России: Верхнеудинские чтения. – Новосибирск: [Б. и.], 1993. – С. 47–56.
197. Иностранная торговля и денежное обращение в Китае // Сибирский сборник. – Иркутск, 1895. – Вып. 1. – С. 54–63.
198. Кашик О. И. Торговля в Восточной Сибири в XVIII в. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: [Б. и.], – 1961. – С. 197–198.
199. К-вец И. Иностранная торговля и денежное обращение в Китае // Сибирский сборник. – Иркутск: [Б. и.], 1895. – Вып. 2. – С. 1–36; Вып. 3. – С. 54–64.
200. Квецинская Т. Е. Русская и советская историография торговли городов Сибири XVII в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. [сборник]. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. – С. 204–222.
201. Клапрот Г. Ю. Замечания о китайско-русской границе // Северный архив. 1823. – Ч. 6. – № 9, 10, 11, 12.
202. Клапрот Г. Ю. Описание Кяхты // Сын Отечества. 1816. – Т. 33. № 41. – С. 81–104; № 42. – С. 121–125.
203. Климов А. Истоки зарождения: Кяхте – 270 лет // Правда Бурятии. – 1997. – 14 июня. – С. 9
204. Климов А. Г. Город завидной судьбы (о Кяхте) // Байкал. – 1997. – № 5–6. – С. 210–219.
205. Кривокурцева М. В. Чай в Сибири. – Иркутск: [Б. и.], 1996. – С. 1–14.

206. Курц Б. Г. Из истории торговых отношений России с Китаем в XVII столетии // Новый Восток. – 1928. – № 23–24. – С. 331–340.

207. Ламакин В.В. Старинная рукописная карта Селенги и Гусиного озера и история вопроса о его происхождении // История геолого-географических наук. – М., 1961. – Вып. 2. – С. 277–289.

208. Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII – начале XVIII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 76–94.

209. Леонтьева Г. А. Денежный бюджет Сибири и место в его составе поступлений от торговли в конце XVII – нач. XVIII в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. – Новосибирск: [Б. и.], 1990. – С. 90–114.

210. Лушников В. Записки старого кяхтинца // Байкал. 1975. – № 5. – С. 156–160.

211. Маркевич О. Старый Хамар-Дабанский тракт // Земля Иркутская. 1995. – № 4. – С. 28–31.

212. Машанова Л. В. Из истории торговли Забайкалья конца XVII – начала XVIII в. // Бурятия XVII – начала XX в.: Экономика и социально-культурные процессы. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 3–13.

213. Ми Чжэнбо. Вопросы исследования российско-китайской пограничной торговли в период династии Цин // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества: материалы научно-практ. конф., Екатеринбург, 25-26 ноября 2008 г. – Екатеринбург, 2009. – С. 86-90.

214. Мясников В. С. Империя Цин и Россия в XVII – нач. XIX в. Китай и соседи в новое и новейшее время. – М.: Наука, 1982. – С. 34–89.

215. Нарочницкий А.Л. Рецензия на: Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. // Вопросы истории. – М., 1983. – № 8. – С. 112–115.

216. Немчинов А. Я. Чай и его история // Северная пчела. – 1853. – № 196.

217. Немчинов И. М. Кяхта и Троицкосавск // Сибирский вестник. – 1889. – № 138.

218. Нимаев Р.Д. Кяхтинская русская лавка в Алашани в начале XX в. // Восток в прошлом и настоящем. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. – С. 211–214.
219. Носков И.А. Кяхта // Амур (Благовещенск): [Б. и.], 1861. – С. 86–88, 90–92.
220. Носков И. А. О мерах к поддержанию русской торговли внутри Китая. – СПб.: [Б. и.], 1875. – 5 с.
221. Носков И. А. О чайной кяхтинской торговле // Акционер. – 1862. – № 3. – С. 68–70.
222. Обручев В. А. Кяхта // Байкал. – 1994. – № 3. – С. 23–25.
223. Оглоблин Н. Н. Сибирские дипломаты XVII в. // Исторический вестник. – СПб., 1891. – № 46. – С. 156–171.
224. Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. // Труды Гос. Дальневост. ун-та. Сер. 3 – Владивосток: Типография Гос. Дальневост. ун-та, 1927. – 91 с.
225. Павленко Н. И. Савва Лукич-Рагузинский // Сибирские огни. 1978. – № 3. – С. 155–168.
226. Першин Д. П. [Дмитрий Даурский]. По Забайкалью (путевые письма): прошлое и настоящее Мертвого города. Воркотня китайцев. Дом Старцева. Декабристы // Сибирь. – 1911. – № 3.
227. Попов И. И. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 25, 30.
228. Попов И. И. Странички из истории Кяхты (первый караван) // Восточное обозрение. – 1892. – № 51. – С. 7–9.
229. Почекаев Р.Ю. Государственность и право среднеазиатских ханств в записках российских путешественников XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 414. – С. 108–113.
230. Птицын В. В. Кяхтинские рабочие артели // Русская мысль. – 1891. – № 5. – С. 131–153.
231. Репин Н. Н. Купечество и торговля городов Западной Сибири в начале 60-х годов XVIII в. (По материалам фонда Комиссии о коммерции ЦГАДА //

Обменные операции городов Сибири периода феодализма). – Новосибирск: [Б. и.], 1990. – С. 16–17.

232. Сладковский М.И. Об основных аспектах маосистской фальсификации истории. // Актуальные проблемы борьбы с маосистскими фальсификациями в области истории: Материалы конференции 27-29 марта 1979 г. – М., 1979. – С. 26–40.

233. Стахеев Д. Кяхта – «Живописная Россия: отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» Т. 20, ч. 1. Восточная окраина Сибири. Восточная Сибирь. – СПб.; М.: Изд-ние Тов-ва М. О. Вольф, 1895. – С. 192–208.

234. Стахеев Д. Кяхта (записки моего знакомого) // Русское слово. – 1865. – № 9. сент. С. 273–295; № 10. окт. – С. 172–191.

235. Тагаров Ж. З. Методы регулирования русско-китайской торговли через Кяхту и кяхтинское купечество // Иркутский историко-экономический ежегодник, 2000. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2000. – С. 44–51.

236. Хохлов А. Н. История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. // Общество и государство в Китае. – М.: Наука, 1983. – Ч. 2. – С. 136–149.

237. Хохлов А. Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) // Бурятия XVII – нач. XX в.: экономика и социально-культурные процессы. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 15–50.

238. Хохлов А. Н. Кяхтинская торговля в 60-х – 90-х гг. XIX в. Характер взаимоотношений российских купцов с местным населением Монголии и Китая // Народы Востока. Основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. – С. 17–20.

239. Хохлов А. Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.). Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. – М.: Мысль, 1982. – С. 99–147.

240. Черепанов С. И. Сибирские горы. Острые сопки в Кяхте // Иллюстрация. – СПб., 1859. – Т. 98, 10 дек.

241. Чимитдоржиев Ш. Б. Роль Кяхты во взаимоотношениях России и Монголии // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. – М.: Иркутск: Тэгу, 1997. – С. 173–176.

242. Шахеров В. Паруса над Байкалом // Байкал. – 1980. – № 2. – С. 154–157.

243. Шахеров В. П. Из истории борьбы сибирского купечества за расширение внешнеторговых связей с Китаем в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Проблемы востоковедения в трудах ученых Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1980. – С. 36–38.

244. Шахеров В. П. Роль русско-китайской торговли в развитии сибирского предпринимательства // Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. – Иркутск: [Б. и.], 1996. – С. 49–65.

245. Шахеров В. П. Роль русско-китайской торговли в формировании капиталов юго-восточной Сибири в конце XVIII – первой трети XIX в. // Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 66.

246. Шахеров В. П. Торгово-промышленное освоение юго-восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии XVII – начале XX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1987. – С. 26–43.

247. Швец А. И. К вопросу о хищническом истреблении соболя в Сибири. – Иркутск: Паровая типо-лит. П. Макушина и В. Посохина, 1911. – 55 с.

248. Шерстова Л.И. Концепция фронта и освоения русскими Сибири // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 426. – С. 217–222.

249. Яковлева П. Т. Русско-китайская торговля через Нерчинск накануне и после заключения Нерчинского договора (1689 г.) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). – М.: [Б. и.], 1966. – С. 122–151.

250. Adolph Erman. Travels in Siberia: Including Excursions Northwards, Down the Obi, to the Polar Circle, and Southwards, to the Chinese Frontier. – London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1848. – Vol.II. – 508 p.

251. Baddeley G. Russia, Mongolia and China / G. Baddeley. – London: Macmillan and Company, 1919. – Vol. II. – p. 73–86.

Приложение А

Русско-китайская торговля. Иллюстративный материал

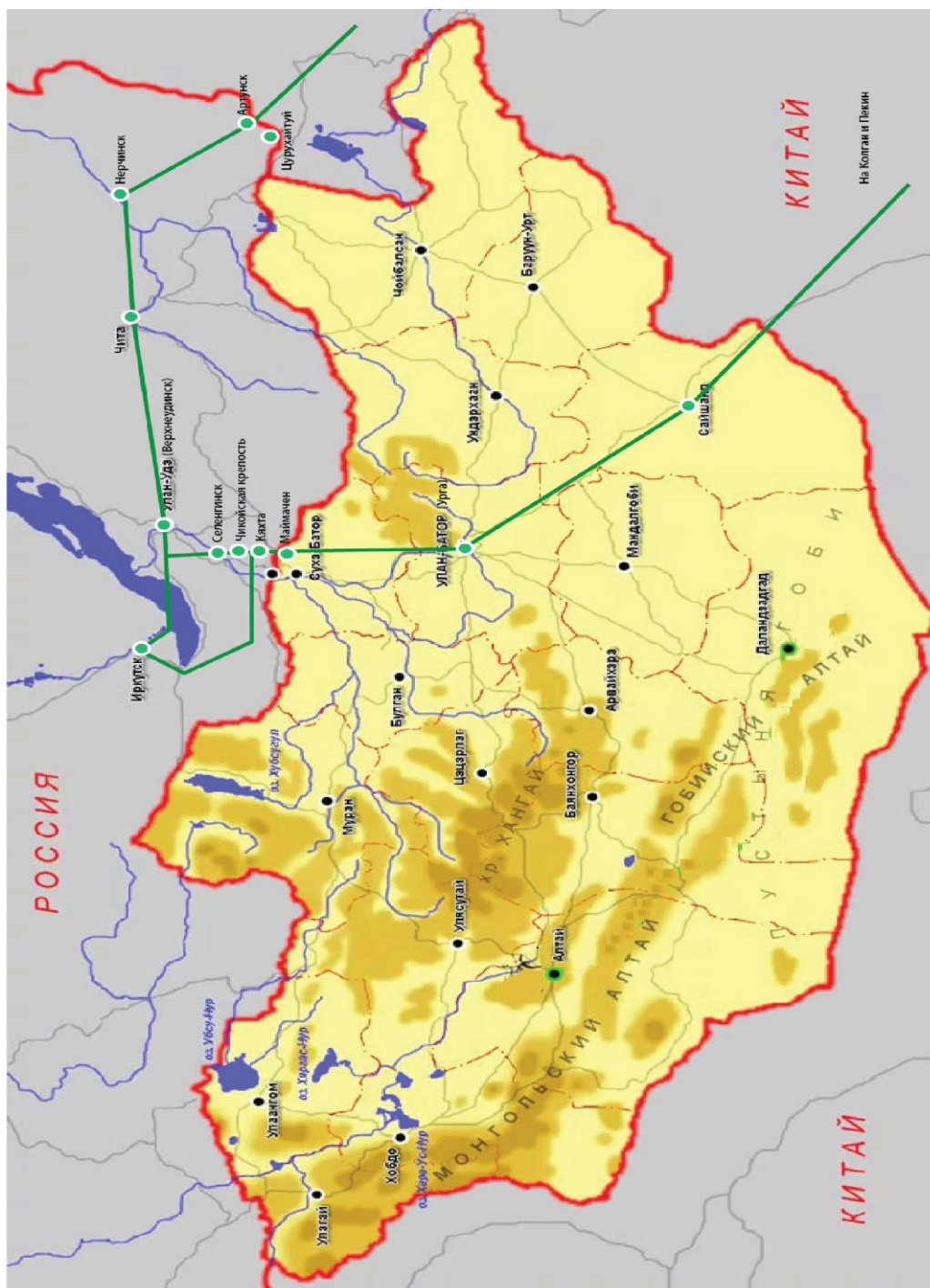

Рисунок А.1 – Схема торговых путей из России в Монголию и Китай через Забайкалье в XVII–XVIII вв.⁴⁹⁰

⁴⁹⁰ Электронный ресурс. Yandex.ru Карта России на границе с Монголией и Китаем. Торговые пути обозначены автором.

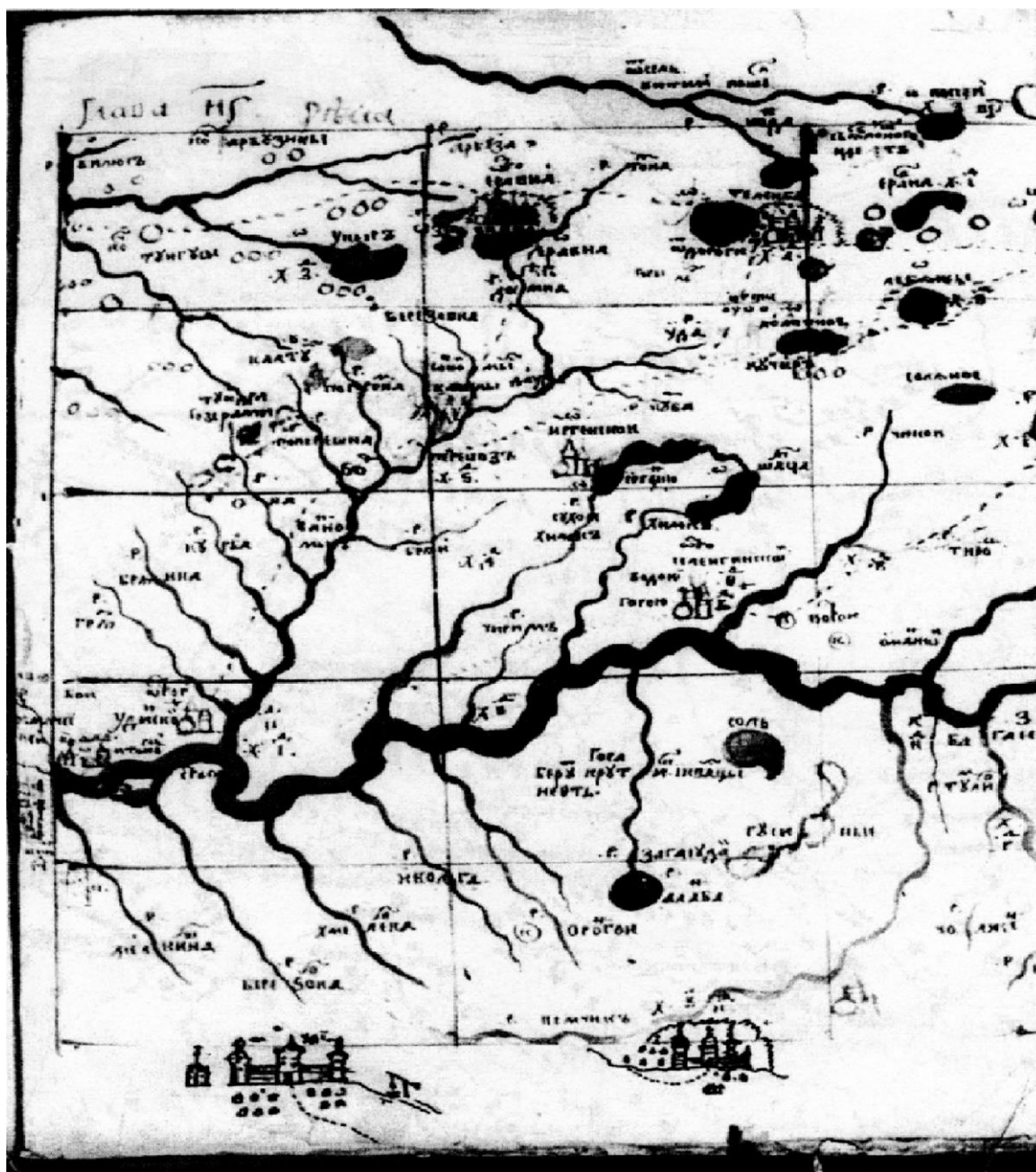

Рисунок А. 2 – Забайкальский край⁴⁹¹

⁴⁹¹ Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном Боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. М., 2003. С. 50.

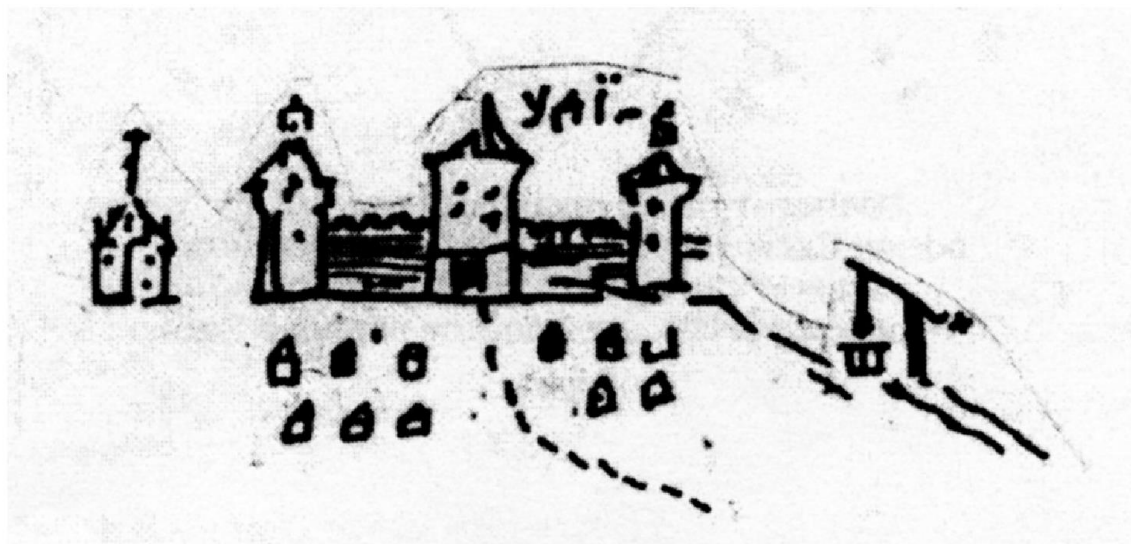

Рисунок А. 3 – Общий вид Удинского города⁴⁹²

Рисунок А. 4 – Русский торговый караван в пустыне Гоби (Монголия)

II пол. XIX в.⁴⁹³

⁴⁹² Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. 1686–1691. М., 1972. С. 611.

⁴⁹³ Экспозиция Кяхтинского краеведческого музея. (г. Кяхта).

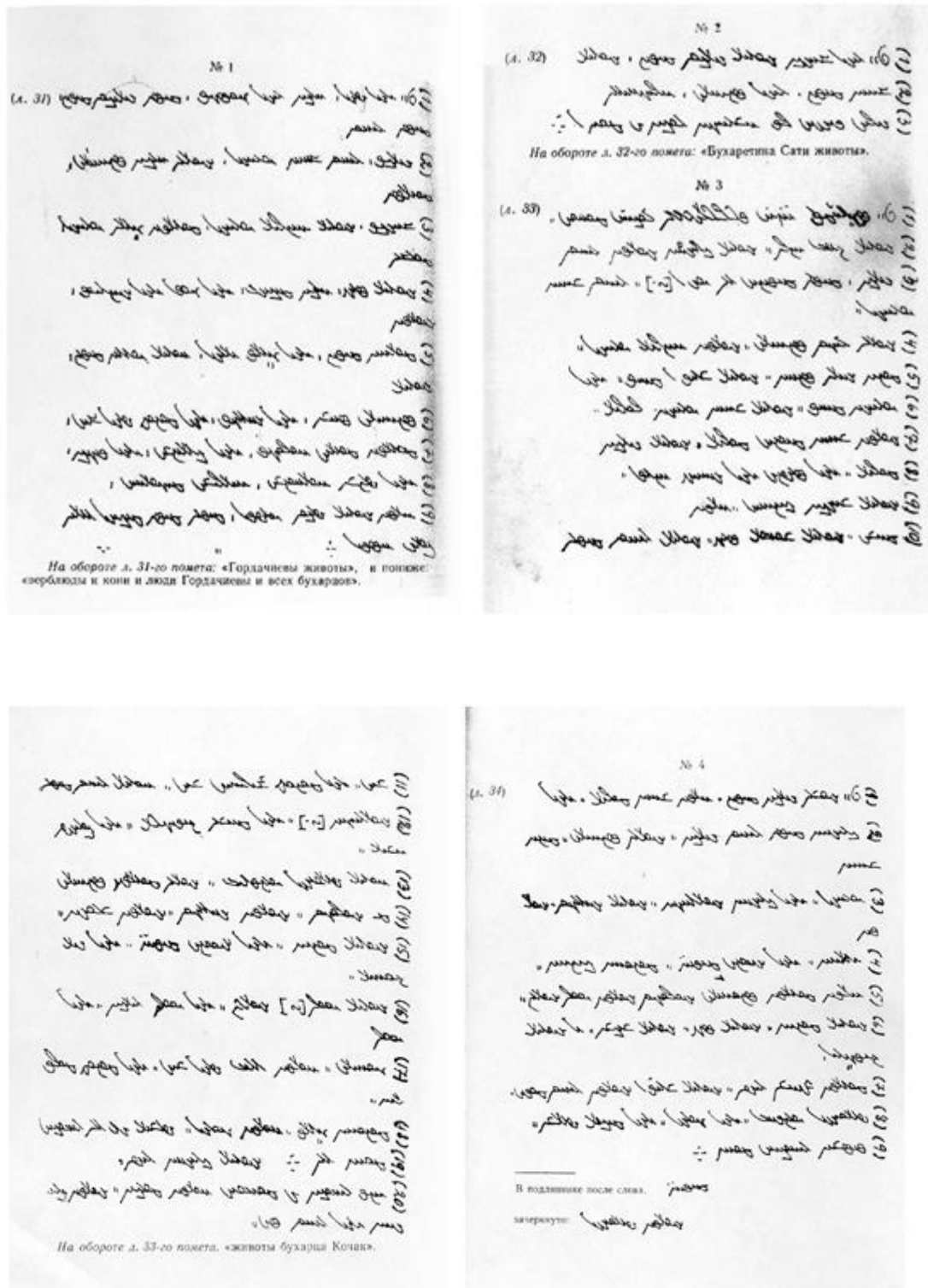

Рисунок А. 5 – Текст жалобы бухарских купцов 1687 г. об ограблении их в Тункинской долине с описью похищенных товаров (на старомонгольском языке)⁴⁹⁴

⁴⁹⁴ Сборник документов по истории Бурятии XVII века. Улан-Удэ, 1960. С. 344–357.

Рисунок А. 6 – Нерчинск конца XVII в.⁴⁹⁵

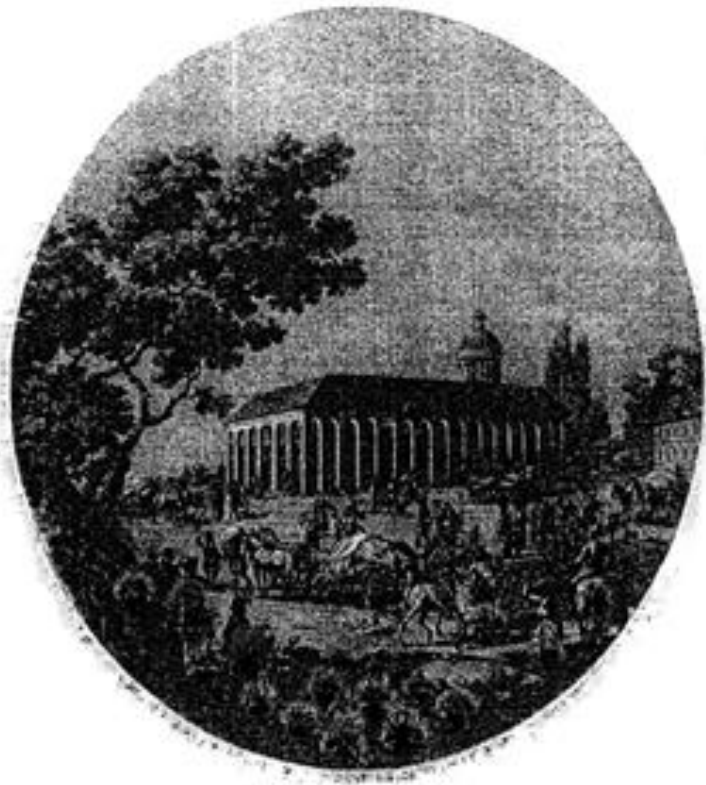

Рисунок А. 7 – Нерчинский Гостиный двор в начале XIX в.⁴⁹⁶

⁴⁹⁵ Экспозиция Нерчинского краеведческого музея.

⁴⁹⁶ Экспозиция Нерчинского краеведческого музея.

КНЯЗЕЙ ІОАННА и ПЕТРА АЛЕКСѢВИЧЕЙ.

31

7197
1689

рѣкъ и которые были за Бояры своими на лѣчьбу по 2 рубли и по полъ 2 рубли и по 1 рублю даточными, которые имали съ посадовъ и съ монастырей и со всякихъ чиновъ людей и были въ солдатской службѣ по 1 рублю и по 50 копѣекъ.

1345. — Августа 13. Имениный, овъявленный Разбойномъ приказъ Стольникомъ Извольскимъ. — *О недержаніи колодниковъ въ Разбойномъ приказѣ за рѣшеткою, и о помѣщеніи ихъ на тюремномъ дворѣ.*

Великіе Государя указали, по Своену Великихъ Государей Именному указу въ Разбойномъ приказѣ за рѣшеткою и подъ приказомъ колодниковъ ни въ какихъ дѣлахъ не держать, а держать ихъ на тюремномъ дворѣ.

1346. — Августа 27. Договоръ между Россійскимъ и Китайскимъ Государствами, учиненный на съѣздѣ при Китайской границѣ въ Нерчинскѣ — *О назначеніи границею между обоимъ Государствамъ рѣки Аргуни, въ Амуръ рѣку впадающей, о выдачѣ перебѣжниковъ, о взаимной торговлѣ, о провозимыхъ грамотахъ и о казни воровъ и разбойниковъ.*

Божіею милостію, Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчий и дѣдичей, Наслѣдниковъ и Государей и Обладателей, Ихъ Царскаго Величества великіе и полномочные послы, Ближній Окольникій и Намѣстникъ Брянской Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, Стольникъ и Намѣстникъ Елатонской Иванъ Остафьевичъ Власовъ, Дьякъ Семенъ Корнищкой, будучи на посольскихъ съѣздахъ близъ Нерчинска великихъ Азіат-

скихъ странъ повелителя, Монарха Само-властѣйшаго межъ премудрѣйшими вѣдомыми Богдойскими, закона управителя, дѣла общества народа Китайскаго хранителя и славы, настоящаго Богдойскаго и Китайскаго Богдыханова Высочества съ великими послы Сангута, издворныхъ войска съ начальникомъ и внутренній палаты съ Воеводою, Царства Советникомъ Дастуке Каномъ, внутренній жъ палаты съ Воеводою перваго чину Княземъ и Ханскаго знамени съ Господиномъ, и Ханскимъ дядею Илантомъ, одного жъ знамени Господиномъ и прочими постановили, и сими договорными статьями утвердили:

1. Рѣка, именемъ Горбица, которая впадаетъ, идучи внизъ, въ рѣку Шилку съ лѣвыхъ стороны, близъ рѣки Черной, рубежъ между обими Государствамъ постановить; также отъ вершинъ той рѣки каменными горами, которыя начинаются отъ той вершины рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ, даже до моря протяженныхъ, обомъ Государствамъ державу тако раздѣлить, яко вѣстъ рѣкамъ малымъ или великимъ, которыя съ полудневыми сторонами съ ихъ горъ впадаютъ въ рѣку Амуръ, быти подъ владѣніемъ Хинскаго Государства, также вѣстъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идуть, тѣмъ быти подъ державою Царскаго Величества Россійскаго Государства; прочія жъ рѣки, которыя лежатъ въ срединѣ межъ рѣкою Удью подъ Россійскаго Государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которыя содержатся близъ Амура владѣнію Хинскаго Государства и впадаютъ въ море, и всякія земли посреди сущія межъ тою вышепомянутою рѣкою Удью и межъ горами, которыя до границы надлежатъ, неограниченныи да пребываютъ, понеже на оныхъ земляхъ заграниченіе великіе и полномочные послы, являюще

Рисунок А. 8 – Русский текст Нерчинского договора 1689 г. переписанный европейскими советниками и иезуитами Китайской делегации⁴⁹⁷

⁴⁹⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 3. № 1346.

указу Царскаго Величества, отлагають неограниченны до иного благополучнаго времени, въ которомъ при возвращеніи съ обѣихъ сторонъ пословъ Царское Величество изволить и Богдыханово Высочество похочетъ о томъ обслать послы или посланники любительными пересылками, и тогда или чрезъ грамоты, или чрезъ пословъ тѣхъ назначенныхъ неограниченныя земли покойными и пристойными случаями успокоить и разграничить могутъ.

2. Также рѣка, реченная Аргунь, которая въ рѣку Амуръ впадаетъ, границу постановить тако, яко всѣмъ землямъ, которыя суть сторонамъ лѣвая, идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ, подъ владѣніемъ Хинскаго Хана да содержатся, правая сторона такожде всѣ земли да содержатся въ сторонѣ Царскаго Величества Россійскаго Государства, и все строеніе съ полудневыми сторонами той рѣки Аргуни снести на другую сторону той же рѣки.

3. Городъ Албазинъ, который построенъ былъ съ стороны Царскаго Величества, разрушить до основанія, и тамо пребывающіе люди со всѣми при нихъ будущими воинскими и иными припасами да изведены будутъ въ сторону Царскаго Величества и ни малаго убытка или какихъ малыхъ вещей отъ нихъ тамо оставлено будетъ.

4. Бѣглецы, которые до сего мирнаго постановленія какъ съ стороны Царскаго Величества, такъ и съ стороны Богдыханова Высочества были: и тѣмъ перебѣжчикамъ быть въ обѣихъ сторонахъ безрознивно; а которые послѣ сего постановленнаго мира перебѣгати будутъ, и такихъ бѣглецовъ безъ всякаго изсѣденія отсылать съ обѣихъ сторонъ безъ замедленія въ пограничныя Воеводства.

5. Какимъ либо ни есть людемъ съ противными грамотами изъ обѣихъ сторонъ для нынѣшней начатой дружбы для своихъ дѣлъ въ обѣихъ сторонахъ призвать и отъѣзжа-

ти до обѣихъ Государствъ добровольно, и покупать, и продавать, что имъ надобно да повелѣно будетъ.

6. Прежде будущія какія ни есть ссоры межъ порубежными жителями до сего постановленнаго мира были: и тѣмъ ссорамъ быти немстительнымъ и непамятнымъ; а если съ сего постановленнаго мира для какихъ промысловъ обѣихъ Государствъ промышленные люди переходить будутъ и разбой или убийство учинять: и такихъ людей поймавъ, присылать въ тѣ стороны, изъ которыхъ они будутъ въ порубежные города къ Воеводамъ, а имъ за то чинить казнь жестокую; будетъ же соединясь многолюдствомъ и учинять какое вышеписанное воровство, и такихъ своевольниковъ перелови, отсылать къ порубежнымъ Воеводамъ, а имъ за то чинить смертную казнь; а войнамъ и кровопролитію съ обѣихъ сторонъ для такихъ причинъ и за самыя пограничныя людей преступки не вчинять, а о такихъ ссорахъ писать, изъ которыхъ стороны то воровство будетъ, обѣихъ сторонъ къ Государемъ и разрывать тѣ ссоры любительными посольскими пересылками.

Противу сихъ постановленныхъ о границѣ посольскими договоры статей, если похочетъ Богдыханово Высочество поставить отъ себя при границахъ для памяти какіе признаки и подписать на нихъ сіи статьи, и то отдавать мы на волю Богдыханова Высочества.

1347. — Сентября 7 Именный. — *Объ исключеніи изъ Царскаго титула въ грамотахъ, въ указахъ, въ прошеніяхъ и противъ Государственныхъ дѣлахъ имени Царевны Софій Алексеевны.*

Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы указали въ Своихъ Великихъ Государей грамотахъ и въ приказѣхъ во всякихъ дѣлахъ и въ челобитныхъ писать Своимъ Великимъ Го-

Рисунок А. 9 – Русский текст Нерчинского договора 1689 г. переписанный европейскими советниками и иезуитами Китайской делегации⁴⁹⁸

⁴⁹⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 3. № 1346.

Рисунок А. 10 – Чертеж течения Амура начала XVIII в. Пунктиром обозначена караванная тропа из Нерчинска на Аргунский острог и далее в Китай⁴⁹⁹

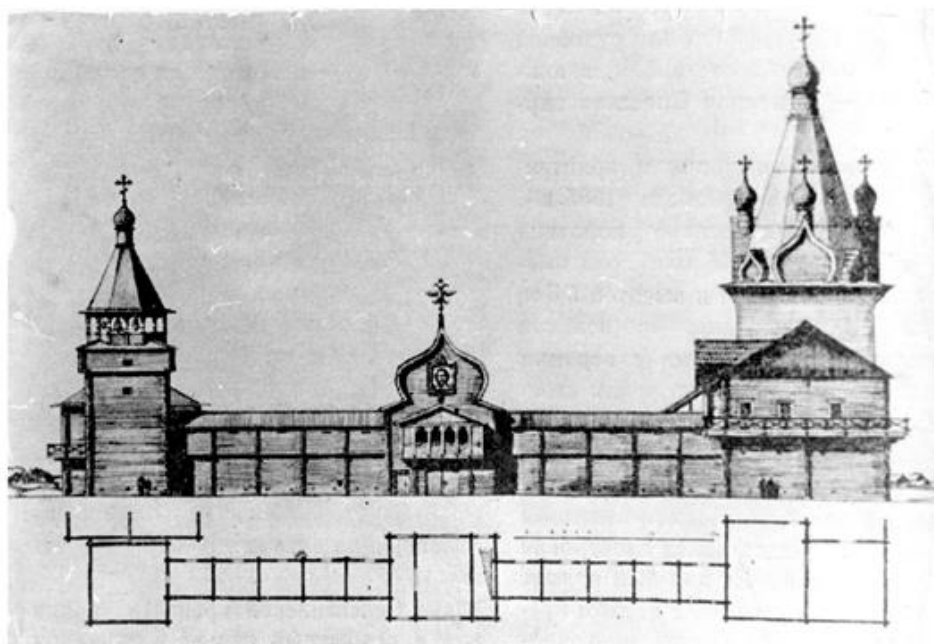

Рисунок А. 11 – Фасадная часть Селенгинской крепости конца XVII в.⁵⁰⁰

⁴⁹⁹ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. М., 1972. Т. 2. С. 618.

⁵⁰⁰ Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 64.

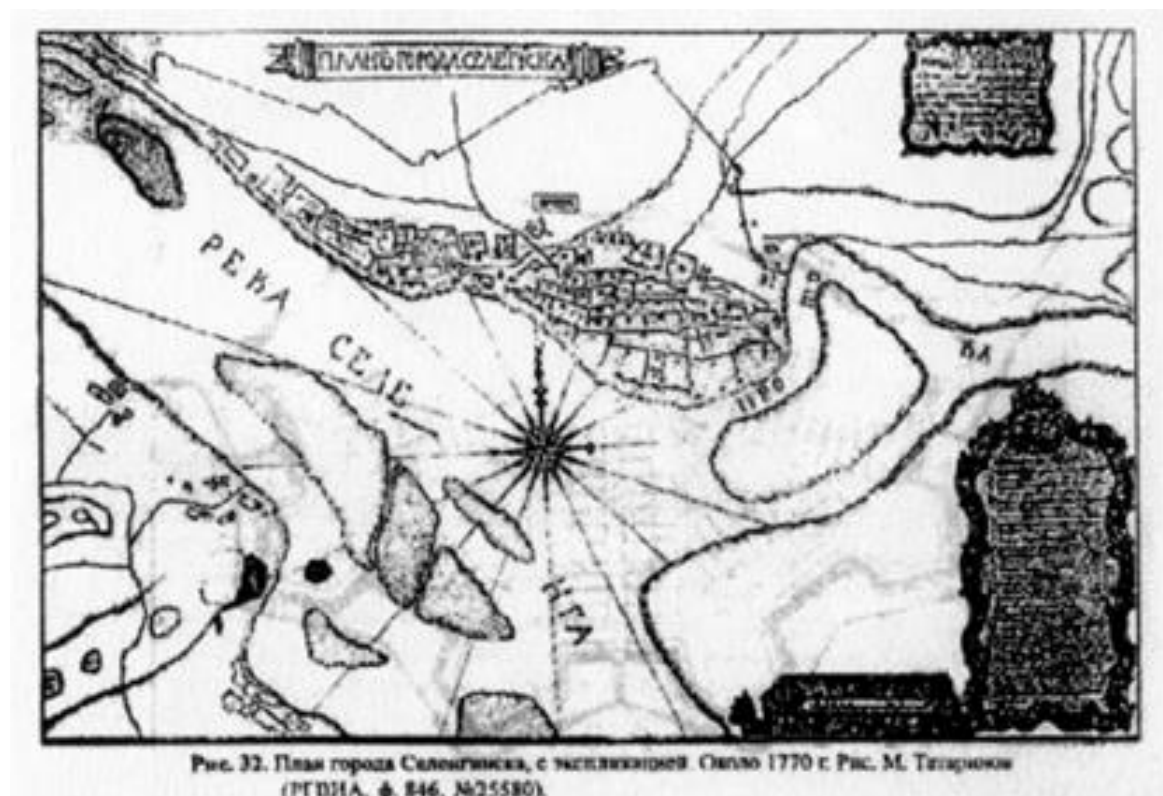

Рисунок А. 12 – План города Селенгинска, с экспликацией. Окколо 1770 г. Рис. М. Татаринова⁵⁰¹

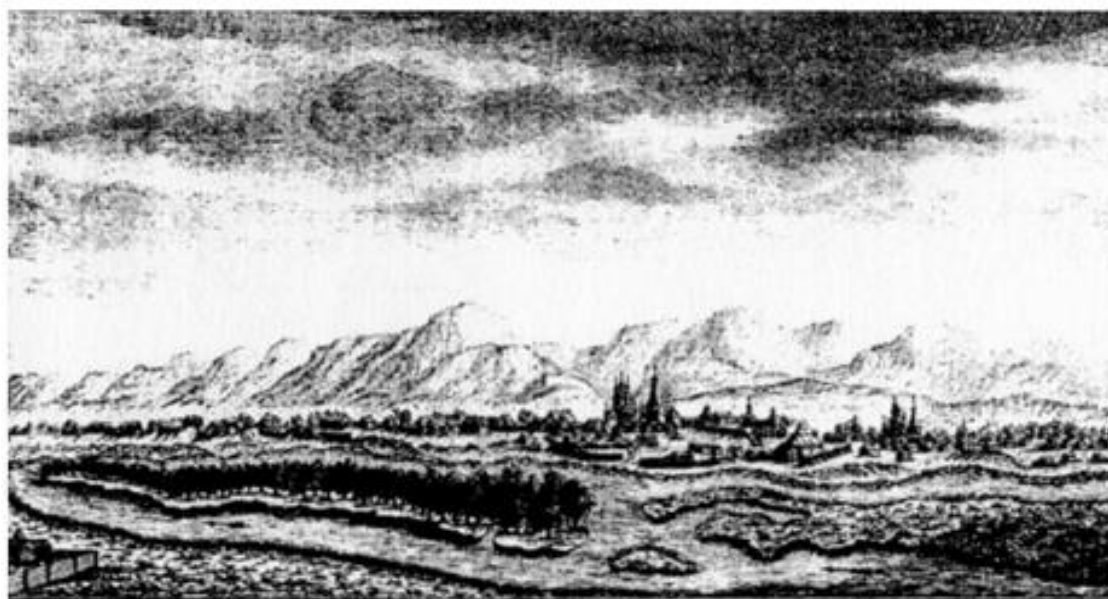

Рисунок А. 13 – Селенгинск. Гравюра Н.Ф. Челнакова с рис. И.-В. Люрсениуса. Март 1770 г.⁵⁰²

⁵⁰¹ РГВИА. Ф. 846. № 25580; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 64.

⁵⁰² Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2009. С. 510.

Рисунок А. 14 – План Селенгинска 1770 г.⁵⁰³

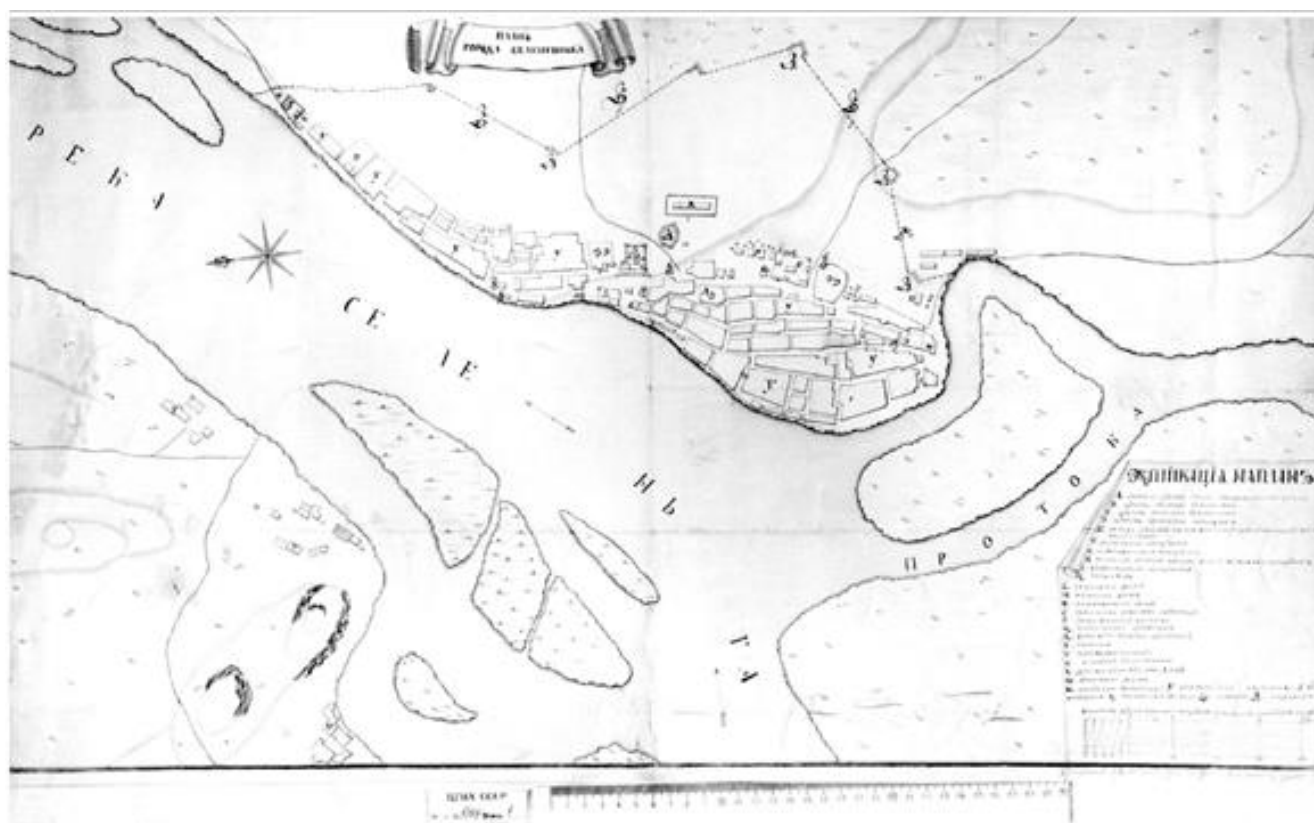
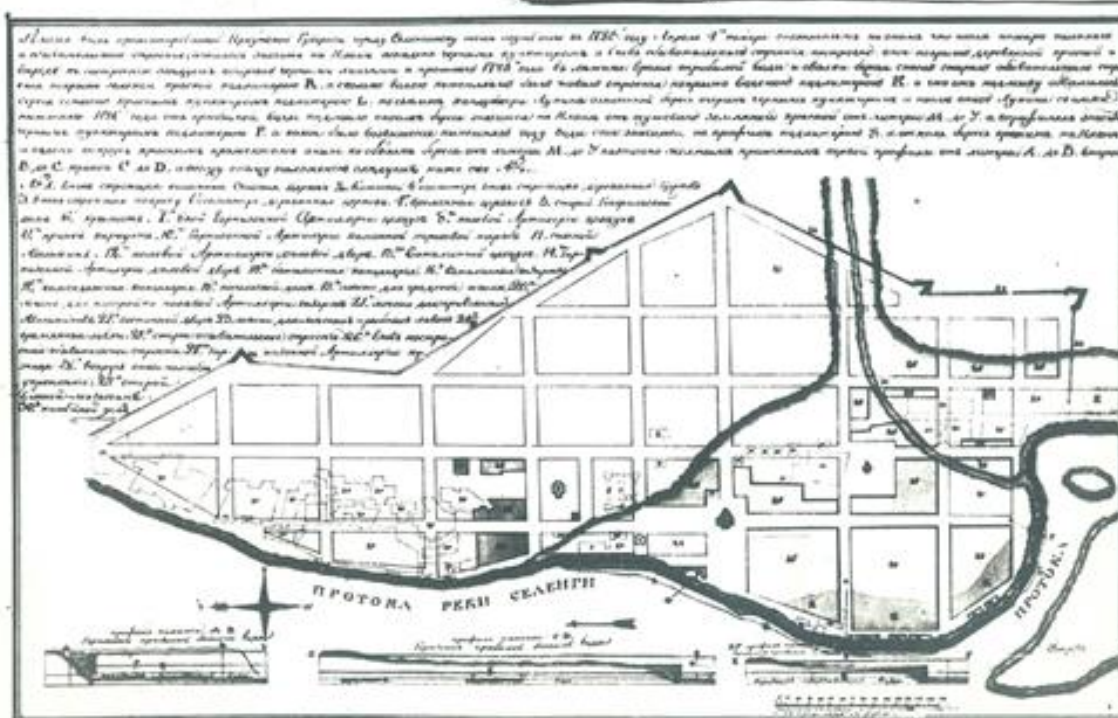
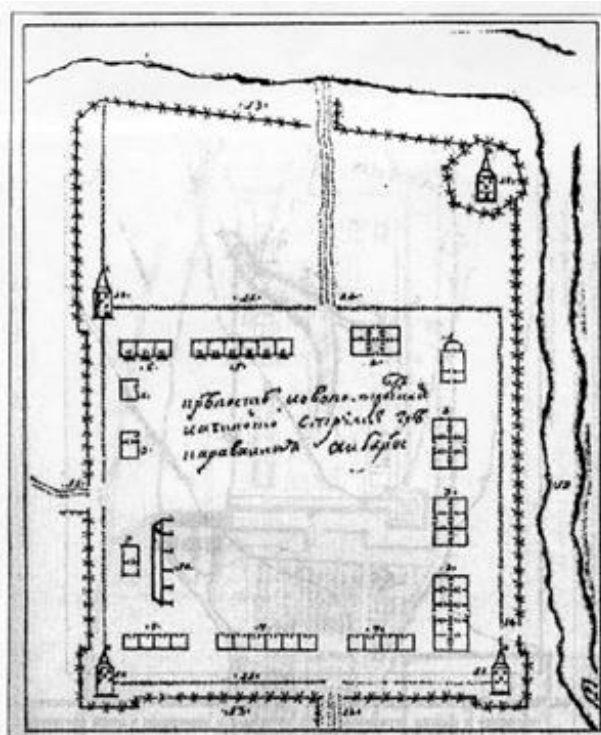

Рисунок А. 15 – План города Селенгинска. Конец XVIII в.⁵⁰⁴

⁵⁰³ Библиотека Академии наук. Отдел рукописей.

⁵⁰⁴ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 403. Л. 14.

Рисунок А.16 – Перепланировка г. Селенгинска. План 1786 г.⁵⁰⁵

Чертеж крепости новопостроенной на Чикойской стрелке, где караванные анбары. Рис. А. Кушелев. Подан в Коллегию иностранных дел Иллирийским графом Саввой Владиславичем 10 декабря 1729 г.

1 – церковь; 2 – цейхгауз; 3 – офицерские дома; 4 – комиссарский дом; 5 – кладовые анбары; 6 – малые анбары; 7 – казармы; 8 – кузница; 9 – баня; 10 – ан-бар тележной; 11 – полисад; 12 – башни; 13 – рогатки круг полисаду; 14 – ворота; 16 – старая стрелка; 17 – огороды; 18 – мост через протоку; 19 – протоки; 20 – дороги; 21 – река Селенга²² – река Чикой

Рисунок А. 17 – Петропавловская крепость в устье р. Чикой, 1729 г.⁵⁰⁶

⁵⁰⁵ РГВИА. Ф. 846. № 21529. Ч. 3. Л. 59.; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 64.

⁵⁰⁶ РГАДА. Ф. 192. № 77; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 86.

«Надпись Чикойской стрелке крепости и полисаду и башни деревянные под литерами и номерами в оной крепости прежнее строение под пунктирами черными, а по новому проекту нами сочиненному пунктирами желтыми.

Прежнее строение: А – горизонт воды; О – Чикойская крепость; L – башни; Т – полисад; R – церковь во имя святых апостолов Петра и Павла; S – караванные покои; Q – караваны казенные, анбары; N – казармы солдатские; V – слободы; D – ворота; H – гора; M – острова.

Новое строение: В – башни перенести по своим местам; С – полисад; D – около крепости ров; В – башни, которые надлежит поставить».

«Прапорщику Семену Боборыкину сдали кондуктор Степан Немцов кондуктор Ефим Бузовлев кондуктор Иван Титов»

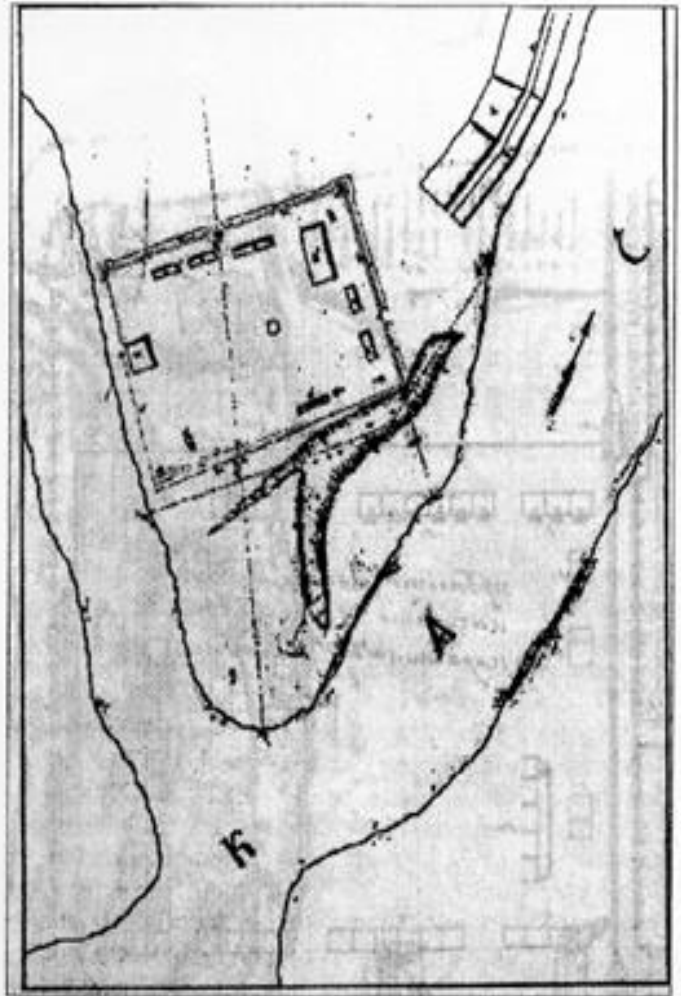
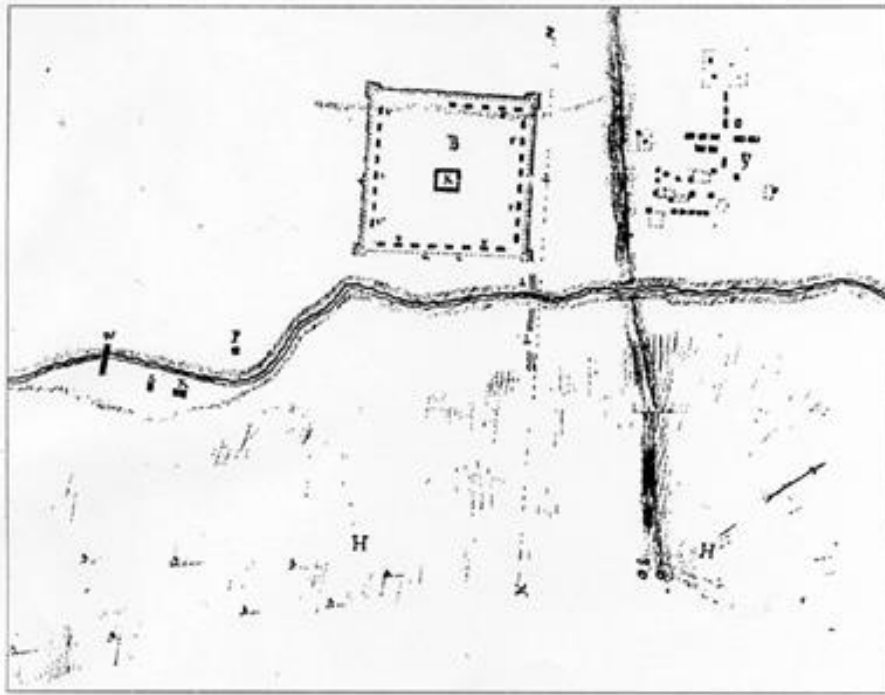

Рисунок А. 18 – Чертеж Петропавловской крепости, 1729 г.⁵⁰⁷

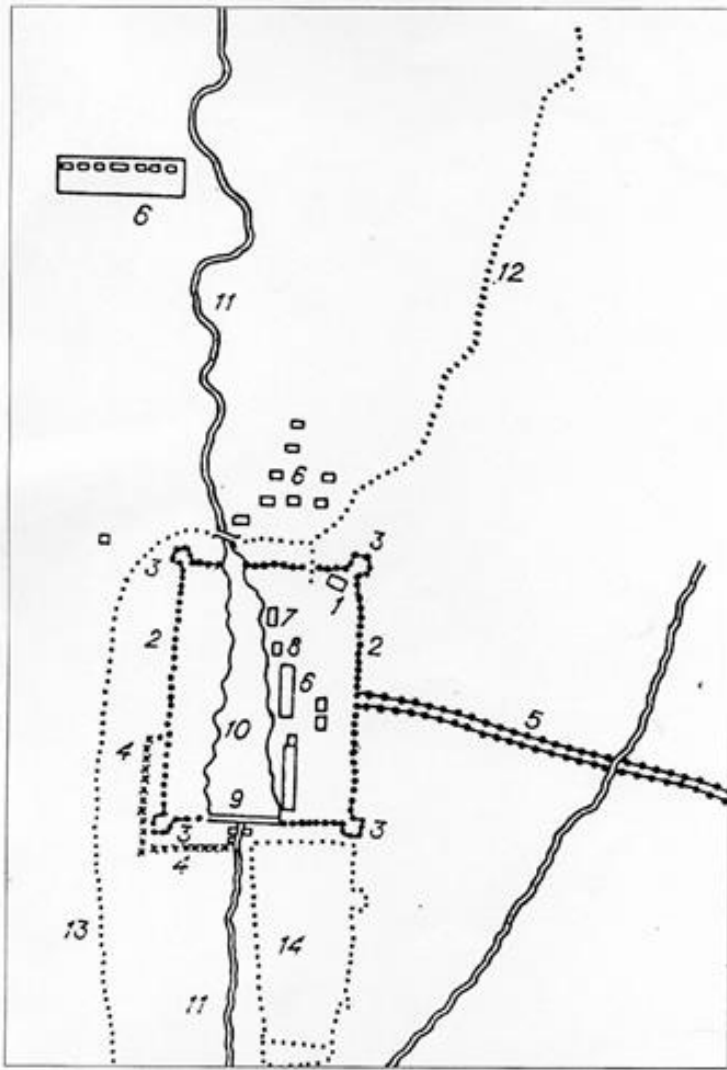
⁵⁰⁷ РГАДА. Ф. 192. № 89. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 86.

«Надпись Кяхтинской Троицкой крепости також при границе торговая слобода и около крепости полисадами под литерами и номерами: А – Троицкая крепость, В – крепость у границы и в ней торговые слободы; С – церковь речистой и живоначальной Троицы; Д – хоромы штабские и офицерские; Е – конюшни; F – караульня; Г – огород; Н – горы, которые подлежат крепости; К – гостинный двор; Л – плотины; М – кузницы; П – поварня; Р – кабак; S – баня торговая; Т – мельница для солдатских провиантов и прочих; ф – погреб; V – казармы или покои солдатские и купеческие; W – мосты через реку кяхту; Y – торговая слобода и гостинный двор для иностранцев за границей; Z – пруды; №4 – ворота в крепостях; №5 – маленькие ворота в крепостях; №6 – в плотине и в прудах у Троицкой крепости труба из нее идет. Вода показана на профиле первого номера; №7 – граница: зелёный колер Российской империи, желтый колер китайского хана; №8 – маяки. По новому Проекту, нами сочиненному пунктирные линии желтые; №9 и №10 жорилина через мост, а мост перенести на другое место под литерой М; №11 – бастион; 12 – кортин; 13 – второй бастион; 14 – прямо до самой плотины до литеры Л; М – мост вновь перенесен». Карта подписана: «Прапорщику Семену Боборыкину сдали кондуктор Степан Немцов, кондуктор Степан Бузовалев, кондуктор Иван Титов.

Рисунок А. 19 – Фрагмент чертежа Кяхтинской крепости
в I половине XVIII в.⁵⁰⁸

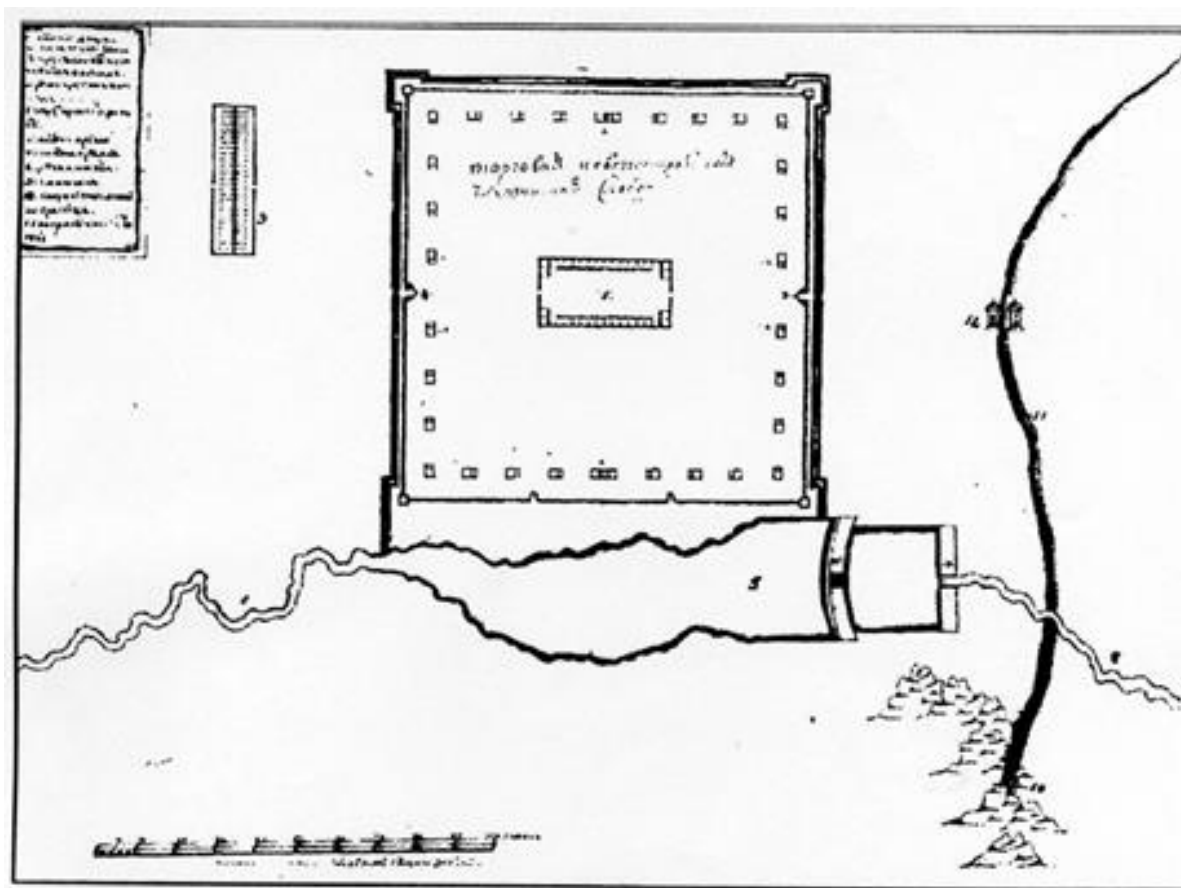
⁵⁰⁸ Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 264.

1 – Церковь Живоначальной Троицы; 2 – палисад; 3 – бастионы; 4 – рогатки; 5 – надолбы; 6 – офицерские и солдатские казармы; 7 – хлебные амбары; 8 – сарай с артиллерийскими припасами; 9 – плотины; 10 – пруд; 11 – р. Кяхта; 12 – дорога в Селенгинск; 13 – дорога в Кяхтинскую слободу; 14 – огороды.

Рисунок А. 20 – Троицкая крепость. План 1735 г. Прорисовка Л.К. Минерта (1933 г.)⁵⁰⁹

⁵⁰⁹ Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983. С. 54.

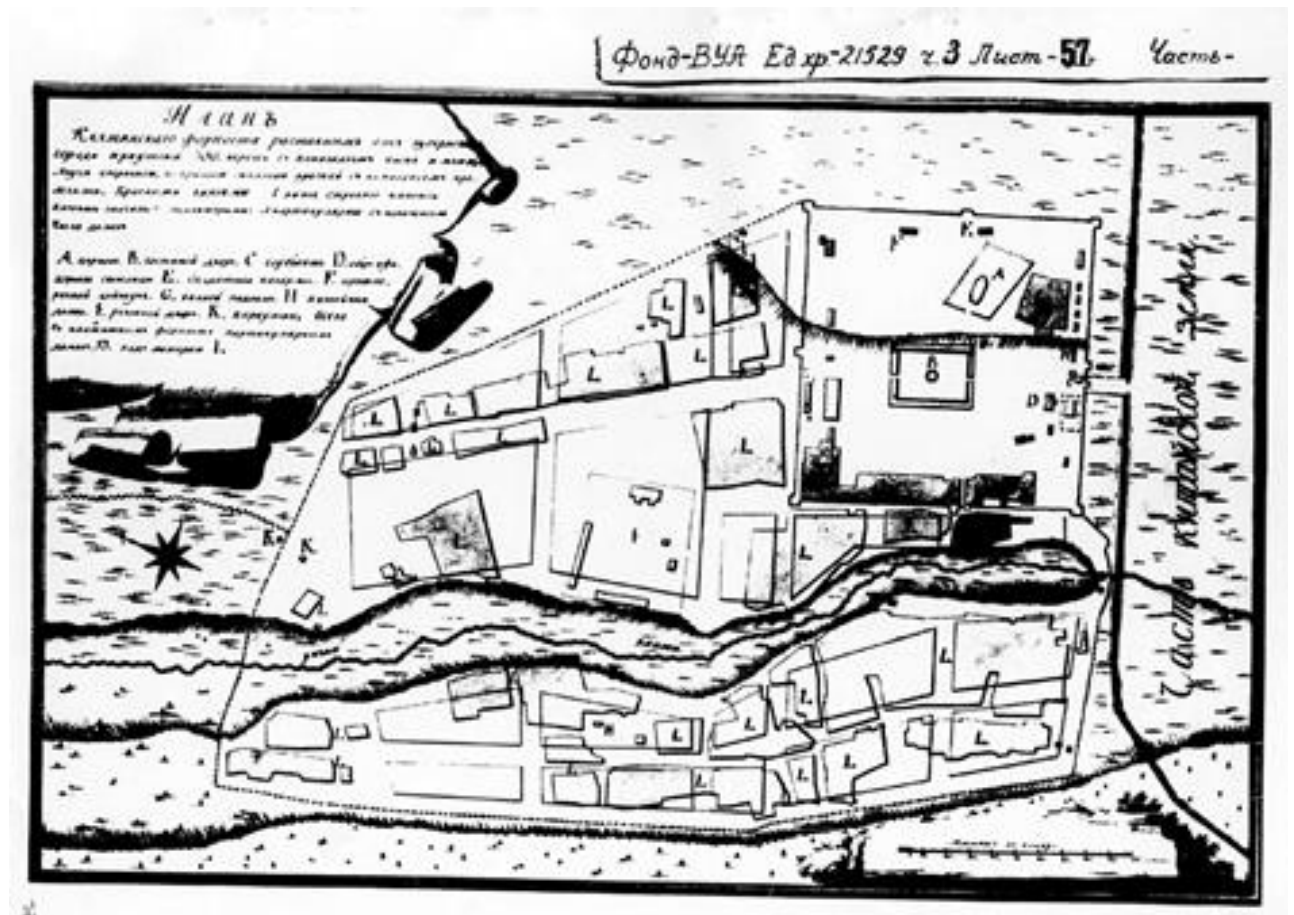

1 – Гостиный двор; 2 – купеческие избы; 3 – круг слободы купеческий полисад; 4 – ров кругом полисада; 5 – пруд напротив крепости; 6 – плотина кривая; 7 – плотина прямая; 8 – р. Кяхта; 9 – конюшни; 10 – пограничные знаки на границе; 11 – граница; 12 – пограничные столбы.

Рисунок А. 21 – Кяхта. Чертеж торговой новопостроенной Кяхтинской слободы 1728 г.

Рис. М. Зиновьева⁵¹⁰

⁵¹⁰ Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 263.

А – церковь; В – гостиный двор; С – гауптвахта; D – обер-офицерские светлицы; E – солдатские казармы; F – артиллерийский цейхгауз; G – винный погреб; H – питейные дома; J – ревенный двор; K – караульные; L – 935 партикулярных домов.

Рисунок А. 22 – План перестройки Кяхтинского форпоста 1798 г.⁵¹¹

⁵¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21529. Ч. 3. Л. 57.

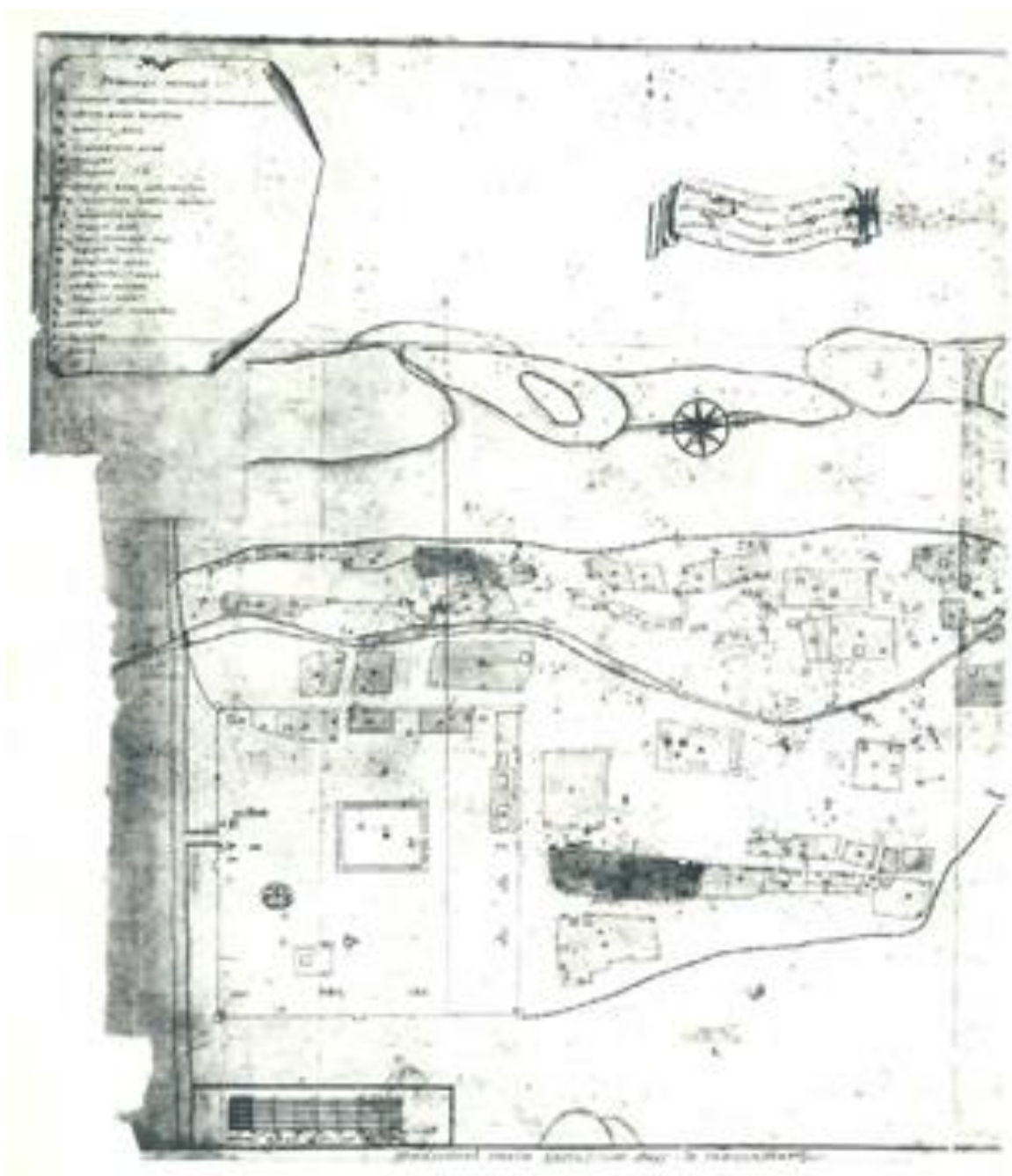

Рисунок А. 23 – План Кяхтинского форпоста М. Татаринова нач. XVIII в.⁵¹²

⁵¹² РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 22112. Л. 3.

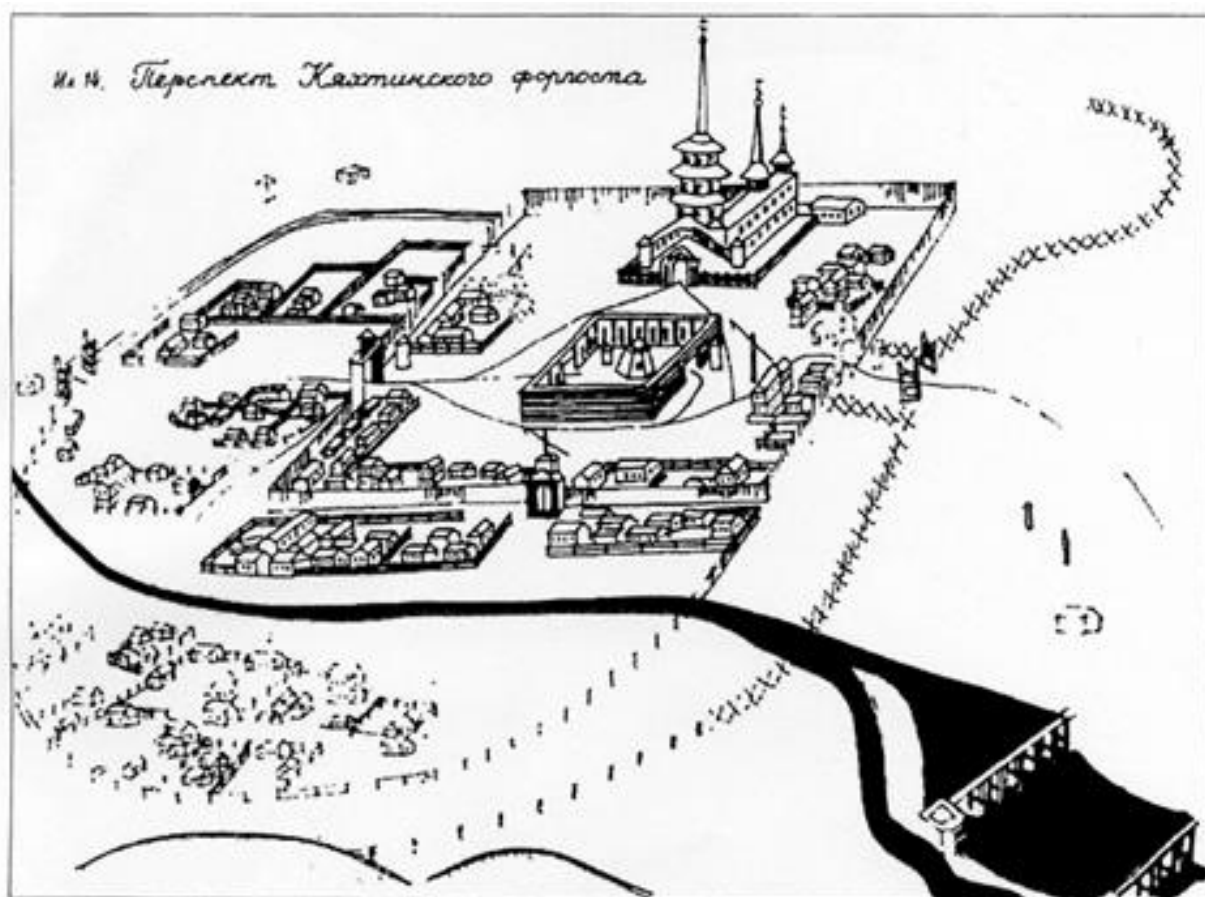

Рисунок А. 24 – Кяхтинская слобода, конец XVIII в.⁵¹³

⁵¹³ Кяхтинский краеведческий музей. Отдел редкой книги. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 268.

Рисунок А. 25 – Кяхта. Общий вид. Конец XVIII в.⁵¹⁴

⁵¹⁴ Стахеев Д.И. Кяхта // Живописная Россия. 1895. Т. 12. С. 198.

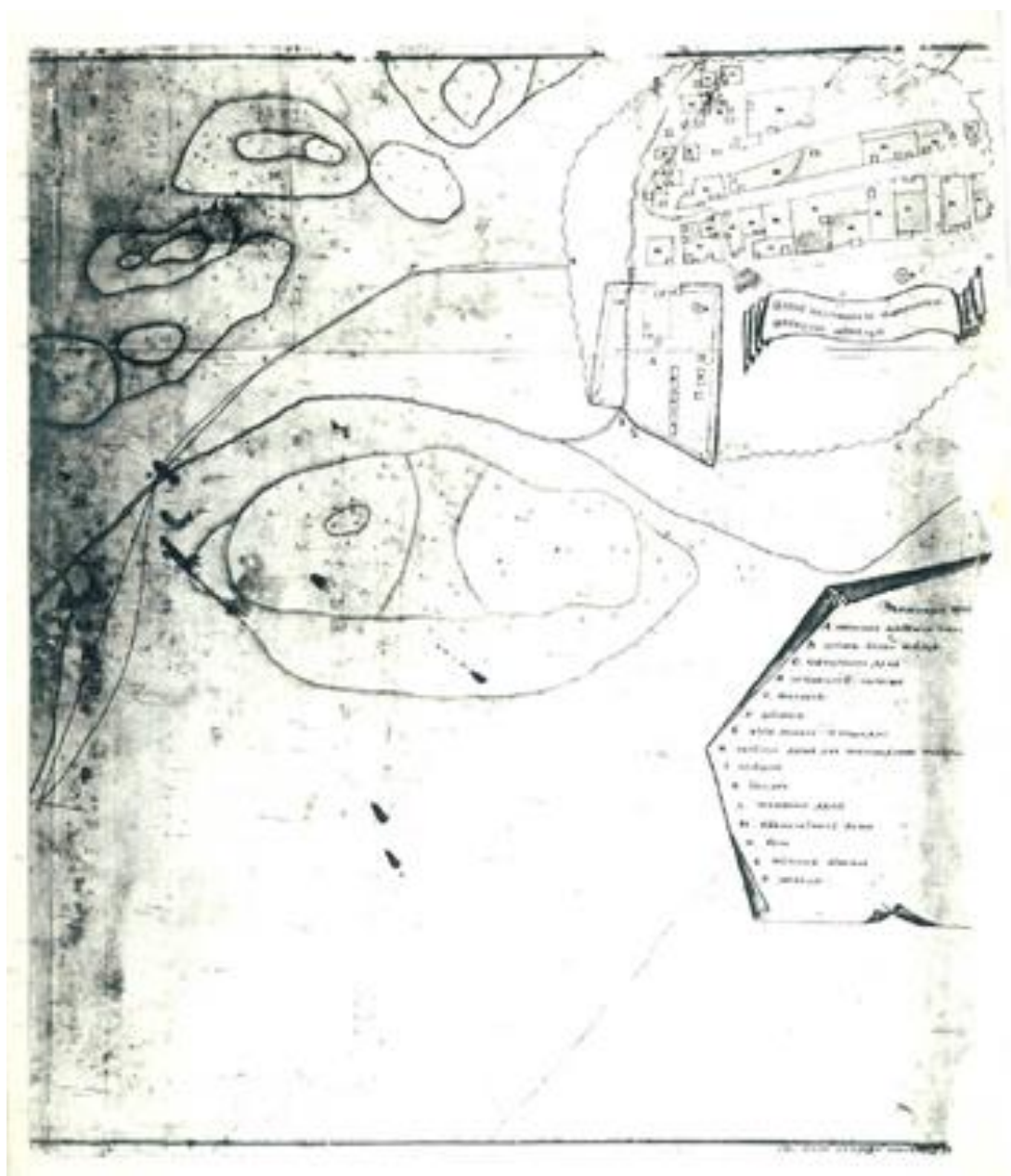

Рисунок А. 26 – План Троицкой крепости М. Татаринова, нач. XVIII в.⁵¹⁵

⁵¹⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 22112. Л. 4.

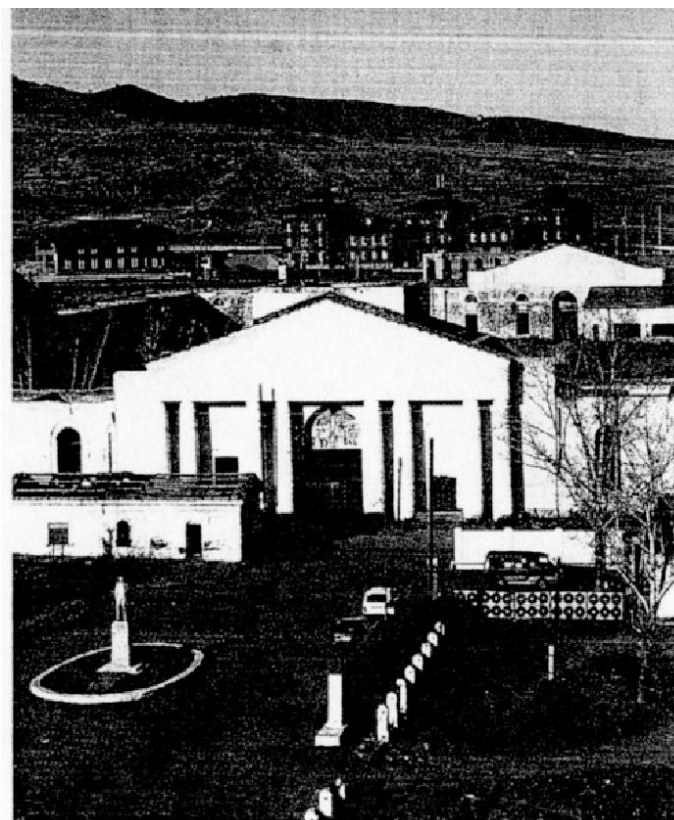
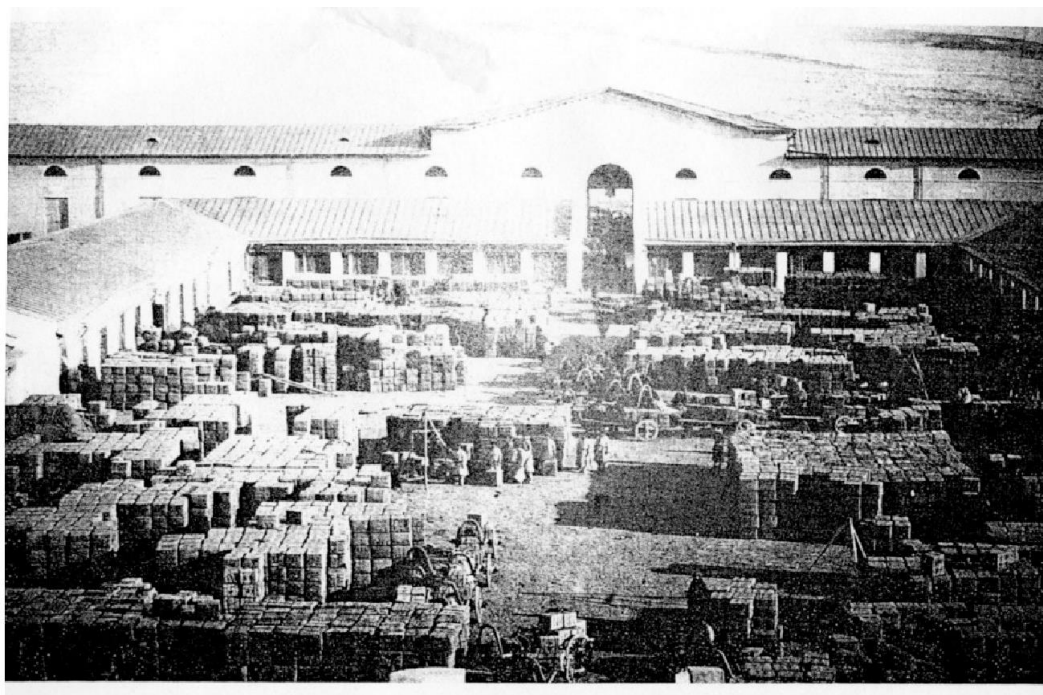

Рисунок А. 27 – Гостиный двор Кяхтинской слободы (XIX в. и современный вид)⁵¹⁶

⁵¹⁶ Златокопящая Кяхта. Иллюстрированный путеводитель. Иркутск, 2010. С. 15.

Рисунок А. 28 – Русская граница с Китаем. Конец XVIII в. Далее Китайский Маймачен⁵¹⁷

Рисунок А. 29 – Улица в Маймачене. Конец XVIII в.⁵¹⁸

⁵¹⁷ Стахеев Д.И. Кяхта // Живописная Россия. 1895. Т. 12. С. 196.

⁵¹⁸ Там же. С. 201.

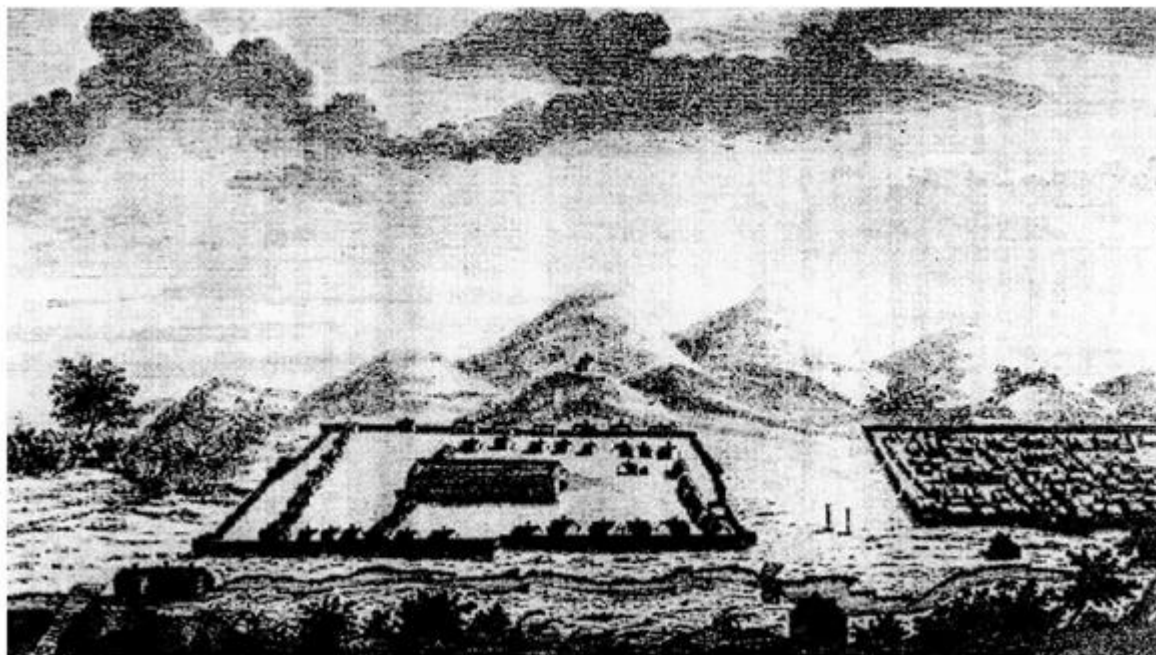

Рисунок А. 30 – Кяхта (слева), Китайский Маймачен (справа). Гравюра А.М. Шухина с рисунка И.-В. Люрсениуса. Март 1770 г.⁵¹⁹

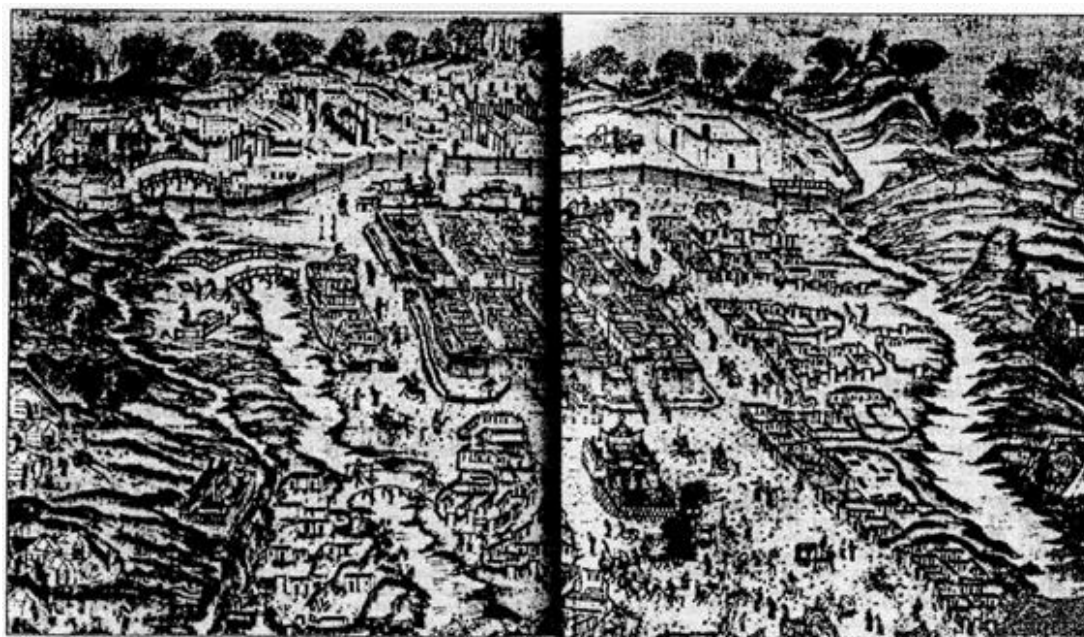

Рисунок А. 31 – Картина-карта г. Кяхты и Китайского Маймачена (на переднем плане) из монгольской рукописи XVIII в.⁵²⁰

⁵¹⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М. 2005. С. 514.

⁵²⁰ Силин Е.П. Города на границе. Кяхта // Арабески истории. Минск, 1996. Вып. 3–4. С. 58–59.

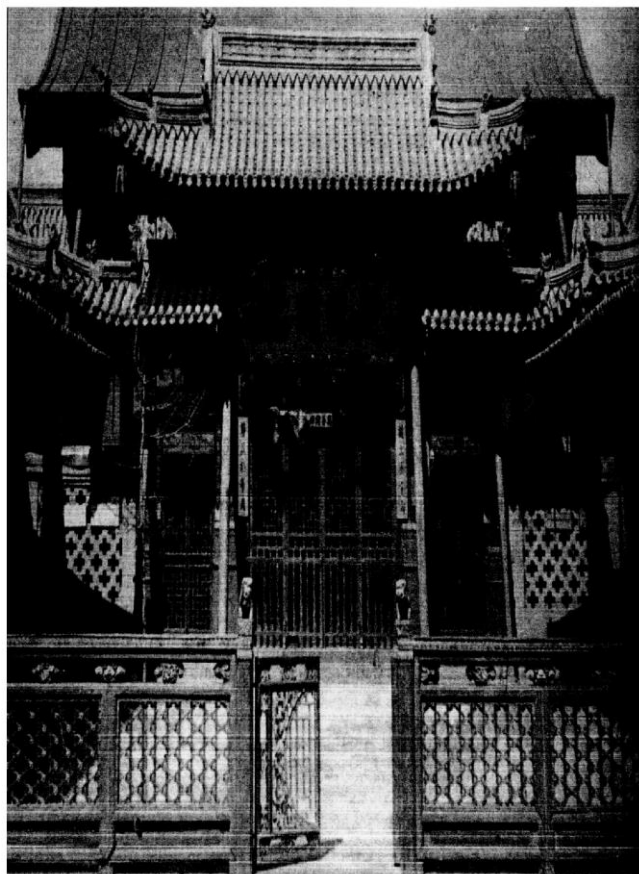

Рисунок А. 32 – Китайский Маймачен и его жители XIX в.⁵²¹

⁵²¹ Златокипящая Кяхта. Иллюстрированный путеводитель. Иркутск, 2010. С. 15.

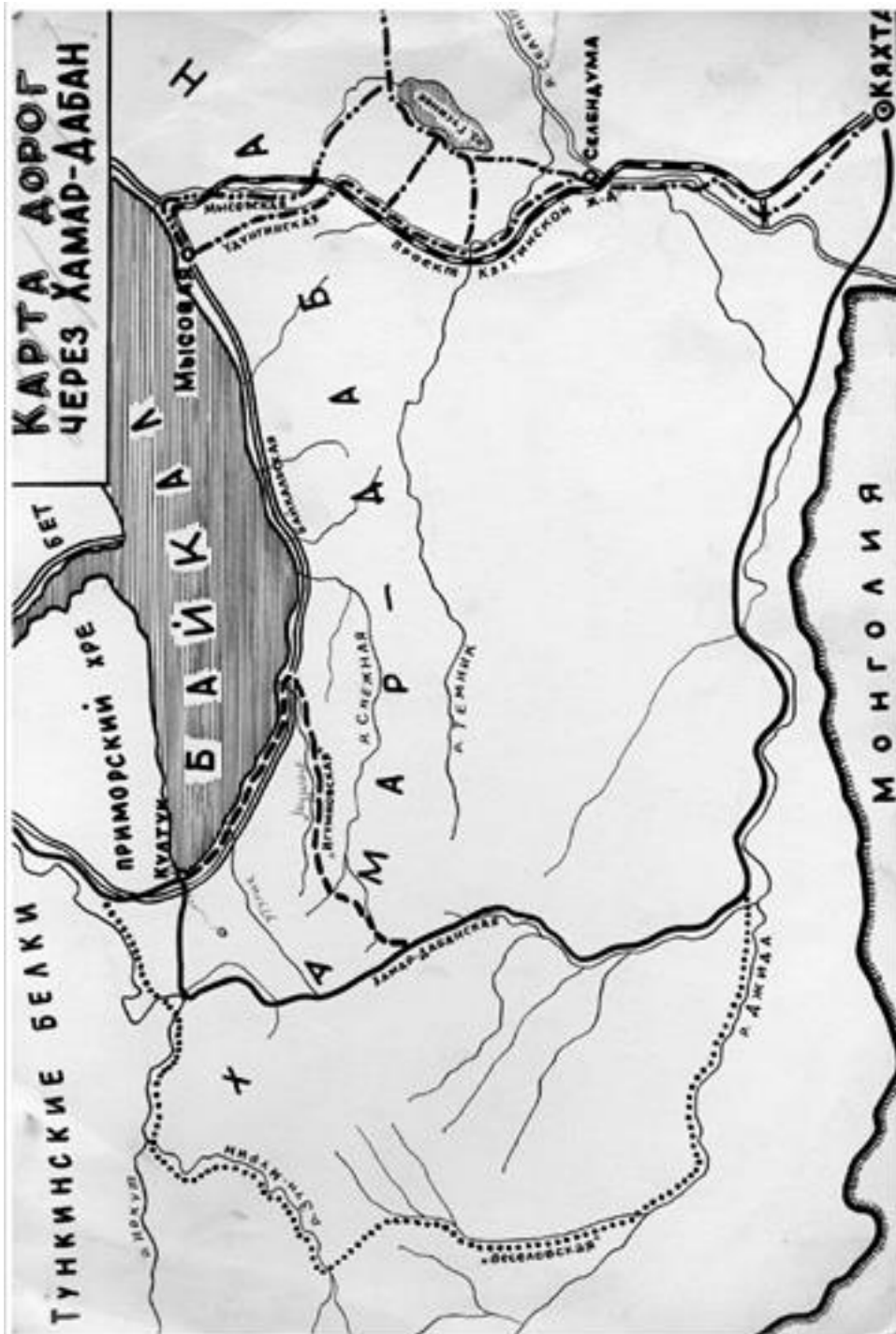

Рисунок А. 33 – Купеческие дороги через хребет Хамар-Дабан (XVII–XIX вв.)⁵²²

⁵²² Тиваненко А.В. Вокруг Байкала. Улан-Удэ, 1979. С. 71.

Рисунок А. 34 – Погрузка купеческого обоза на суда оз. Байкал.
Фото Н. Чарушина. Конец XIX в.⁵²³

⁵²³ Тиваненко А.В. Вокруг Байкала. Улан-Удэ, 1979. С. 63.

Рисунок А. 35 – Долина реки Аргунь у Староцурухайтуя. Фото автора.

Рисунок А. 36 – Нерчинск. Восточная часть. Фото автора.

Рисунок А. 37 – Нерчинская Успенская церковь в с. Монастырское. Фото автора.

Рисунок А. 38 – г. Кяхта. Гостиный двор. Фото автора.

Рисунок А. 39 – По бывшему караванному пути из Кяхты в Ургу. В настоящее время здесь проложена международная автомобильная трасса. Фото автора.

Рисунок А. 40 – Кяхтинский краеведческий музей. Маймачен XVII в. Типы местных купцов. Фото автора.

Рисунок А. 41 – Кяхтинский краеведческий музей. Привозные вещи из Китая. Фото автора.